1 р. 60 к. П. 25 к.

БИБЛИОТЕКА
ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Е. А. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ

ИБ115
П877

ТЕОРИЯ ПАДАЮЩЕЙ ВАЛЮТЫ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1930

БИБЛИОТЕКА ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Е. А. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ

ИБ 115
П 877

ТЕОРИЯ ПАДАЮЩЕЙ ВАЛЮТЫ

Государственное Издательство РСФСР.
ДЛЯ ОТЗЫВА.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1930 ЛЕНИНГРАД

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие автора	3
1. Бумажные деньги в системе товарного хозяйства	5
2. Марксова теория бумажных денег	15
3. Объект исследования теории падающей валюты	26
4. Первая стадия падения валюты	31
5. В разгар падения и перед крахом	42
6. Восстановление валюты	53
7. Промышленность и сельское хозяйство в период инфляции	60
8. Торговля и спекуляция в период падающей валюты	69
9. Золотой минимум обращения (реальный и теоретический)	76
10. Разрыв внутренних золотых цен и цен мирового рынка. Валютный дэмпинг	82
11. Механизм стоимостного регулирования при падающей валюте	90
12. Методология изучения курса падающей валюты и построение прогнозов.	95
13. Проверка теории на истории трех падающих валют	110

ИБ115
П877

4949 с.1

ЦИК
ИНСТИТУТ
К. МАРКСА и
Ф. ЭНГЕЛЬСА
С. С. С. Р.

Оф
8/56

(985
31)

1062407

Главлит № А—76566 Гиз С—10 № 40719 Заказ № 1261 10½ п. л. Тираж 5000

Типография Госиздата. «Красный пролетарий». Москва, Краснопролетарская, 16

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Настоящая работа представляет собой итог почти десятилетнего изучения мною вопросов бумажноденежного обращения, изучения, которое, разумеется, много раз прерывалось другими работами и политической деятельностью. Когда я только что приступал к изучению явлений в области бумажноденежного обращения, мне казалось, что эти явления не настолько специфичны, чтобы составить базу для разработки под особым углом зрения одной из сторон марксовой теории денег. По мере углубления в изучение вопроса и по мере знакомства с огромным фактическим материалом я пришел, однако, к другому заключению.

Я пришел прежде всего к необходимости диференцировать самую постановку вопроса. Бумажноденежное обращение в условиях стабилизации валюты действительно не обнаруживает таких специфических явлений, которые вызывали бы необходимость создания особой теории для их изучения. Наоборот, все явления, возникающие в условиях падающей валюты, настолько специфичны, основные законы денежного обращения, развитые Марксом, пробивают себе здесь путь в столь осложненной обстановке, что падающая валюта, как длительное извращение денежного обращения, вызывает необходимость выработки ряда специфических методологических приемов исследования, т. е. создания теории падающей валюты как систематического приложения к явлениям падающей валюты теории денег Маркса, в том числе его замечаний о природе бумажных денег. Такой вывод вызывается существом дела, как читатель убедится из чтения текста.

Эта книга представляет собой скорей конспект, чем полное изложение предмета. Я смог быть кратким отчасти и потому, что достаточно долго занимался этим вопросом и, как мне кажется, успел его более или менее одолеть. Для работы я кое-где пользовался некоторыми своими ранними работами на ту же тему, как: «Бумажные деньги в эпоху пролетарской диктатуры», вызвавшей в свое время столь лестный для меня отзыв Ленина, «Причины

падения курса нашего рубля», а также я использовал одну главу из книжки «Экономика и финансы современной Франции».

Так как я не даю в конце этой и без того краткой книги резюме всего содержания моего исследования, как это иногда делается, то рецензентам придется прочесть всю книгу целиком, за что я заранее приношу им мое глубокое извинение.

1. БУМАЖНЫЕ ДЕНЬГИ В СИСТЕМЕ ТОВАРНОГО ХОЗЯЙСТВА

Бумажные деньги занимали и занимают в системе товарно-капиталистического производства весьма своеобразное положение. Практически бумажноденежное обращение почти всегда выходило за те пределы, в рамках которых бумажные деньги только и могут успешно представительствовать золото в сфере внутреннего обращения страны. В итоге неудержимых эмиссий, которыми пестрит история денежного обращения всех капиталистических стран в различные периоды их существования, бумажные деньги превращались фатально в какое-то иррациональное начало в системе капиталистического производства. Самопознание капитализма, т. е. ознакомление с его собственными законами существования и развития, шло стихийно, как стихийно развивались в нем и все хозяйственные процессы. Так же стихийно шло ознакомление и с законами денежного обращения. Между тем регулирование денежного обращения есть как раз та область, где даже для капитализма особенно остро чувствовалась потребность в сознательном государственном руководстве. И здесь вначале было дело.

Чисто экспериментально, практически и под влиянием чисто практических побудительных мотивов начинается выпуск бумажных денег. Вначале все идет как будто прекрасно. Бумажноденежное обращение создано. Бумажные деньги весьма охотно принимаются. Осторожные практики денежного обращения и их антиподы—обанкротившиеся и склонные к авантюрам короли и ввязавшиеся в войну буржуазные правительства—с изумлением открывают, что здесь перед ними какой-то новый, раньше неизвестный, источник для оживления торговой предпринимательской деятельности и для покрытия бюджетного дефицита. Откуда вся эта манна небесная и почему, никто толком не знает. Но все знают только одно, что если открытие сделано, надо нажимать на бумажноденежные эмиссии и надо извлечь из этой вновь открытой Америки в области обращения максимум того, что она может дать.

Но проходит очень немного времени, и новое орудие начинает с неожиданной быстротой поворачивать свое острие против тех, кто выпустил на свет этих злых духов, в то время как растерявшиеся виновники торжества не знают, что им надо делать и за какой рычаг им надо ухватиться, чтобы вогнать в берега разбушевавшуюся стихию.

Все сказанное невольно приходит в голову каждому, кто знакомится не только с голыми цифрами и экономическими условиями, но и со всей обстановкой, общественным бытом и психологией правящего класса эпохи первых опытов массового выпуска бумажных денег.

Мы говорим здесь прежде всего об эмиссиях некоторых штатов Северной Америки в конце XVII в., о знаменитом банке Джона Лоу в Париже в 1718—1720 гг., о так называемых «континентальных деньгах» Северо-американских соединенных штатов, об ассигнатах Екатерины и об ассигнатах Великой французской революции.

Правда, могут сказать, что эта картина исторически неверна. Развенчание металлических денег в теоретических работах буржуазных писателей началось раньше массовой практики бумажноденежного обращения, а бумажные деньги были знакомы гораздо раньше указанного только что момента в истории денежного обращения.

Эти два положения тесно связаны между собой и требуют внимательного рассмотрения. Это тем более необходимо, что никакая теория, в том числе и развиваемая здесь теория падающей валюты, не может претендовать на научную ценность, пока точно не определен объект исследования, а также (если это нужно) и хронологические рамки исследуемого явления в истории хозяйства.

Что касается развенчания металлических денег, то оно действительно началось раньше массовой практики бумажноденежного обращения, но немного раньше оно началось как раз под влиянием тех же самых причин, которые обусловливали собой возможность выпуска бумажных денег в массовом масштабе. И Вобан и Баугильбер писали на эту тему в период, непосредственно предшествовавший первым массовым эмиссиям. Джон Лоу в одной персоне соединял и теоретика новой формы денег, т. е. бумажных денег, и ее первого практика на территории Франции. Связь между тем и другим отчасти видна даже на аргументации этих писателей ранних противников меркантилизма. Хотя, вообще говоря, совершенно необязательно и в истории мысли не всегда случалось, чтобы теоретики вполне ясно отдавали себе отчет в тех социально-экономических причинах, которые породили их теорию.

Как меркантилизм возникает на определенном этапе хозяйственного развития, так и реакция против меркантилизма, развенчание металлических денег, денег субстанциональной стоимости и апология бумажноденежных знаков также начинаются лишь на определенной стадии экономического развития, а именно на стадии, когда уже практически возможны бумажные деньги. В этом случае мы имеем перед собой одну из ярких иллюстраций к тому положению марксизма, что человечество ставит перед собой всегда лишь такие задачи, которое оно в состоянии разрешить, и что новые проблемы возникают лишь тогда, когда уже созданы или создаются социальные предпосылки для их разрешения.

В самом деле. Средневековая торговля является по преимуществу торговлей «заморскими товарами», торговлей, опирающейся на весьма примитивное, но все же на разделение труда между странами. Достаточно ознакомиться лишь с объектами торговли, например Венеции, Ганзы, Византии и др. Основные потребности не только сельского населения, но и населения средневековых городов удовлетворяются на месте, либо в самом натуральном хозяйстве вотчины, крестьянского двора, либо на местных ярмарках и на торжищах средневековых городов. Торговцы же по профессии, торговцы оптовые торгуют главным образом товарами, привезенными издалека. Если не считать таких важных продуктов массового потребления, как соль или металлы, основное место среди объектов торговли занимают все же продукты роскоши, продукты потребления эксплоататорской верхушки средневекового общества: князей, крупной земельной аристократии, высшего духовенства, патрициата городов. Это были в большинстве продукты Востока. Недаром торговый баланс Европы с Востоком в это время был пассивным.

При такой торговле центр тяжести переносится на такие деньги, которые являются международными деньгами, т. е. на серебро и золото. Достаточно представить себе со всей конкретностью хозяйственную обстановку того периода, чтоб убедиться, почему тогдашнему купеческому миру нечего было делать с заместителями металлических денег, с бумажными деньгами. Что стал бы делать с бумажными деньгами купец Ганзы, заезжающий в наш Новгород, или венецианский купец в торговле с Левантом?

Вообще торговля начинает развиваться с самого начала как торговля внешняя, как натуральный обмен между племенами, а не внутри племен. Так обстояло дело в период эмбрионального состояния обмена. Точно так же и регулярная денежная торговля раньше развивается как торговля международная, со всем тем ограничением, которое надо придавать этому термину «международная» по отношению к средневековью. Это характеризует как раз не более высокую, а более низкую ступень торговли. Она опирается не на разделение труда внутри страны, а на то разделение труда между странами, которое связано прежде всего с разницей их природных условий, с различием их естественных богатств. Это тот период, когда товарный обмен базируется, так сказать, на отбросах натурального производства, когда, выражаясь словами Маркса, «именно торговля приводит к тому, что продукт принимает форму товара, а не произведенные товары своим движением создают торговлю» [1].

Правда, средние века знают очень далеко идущее разделение труда внутри ремесла. Но это разделение труда, вследствие работы ремесленника не на широкий рынок, а преимущественно на заказ, еще не становится в широком масштабе исходным пунктом для международного разделения труда. И внутри страны

1 «Das Kapital», B. III, T. 1, S. 312. Hamburg 1919.

такое разделение труда еще носит в значительной мере локальный характер и не может составить базы для широкого внутреннего денежного обращения. Когда ремесленник работает на заказчика и в большинстве случаев на сырье заказчика, то деньги не имеют здесь того обращения, которое они имеют при переходе мастера к работе на широкий рынок и на покупном сырье.

Только с переходом ремесленника от работы на заказ к работе на широкий рынок, только с возникновением так называемой домашней промышленности и с усилением разделения труда между городом и деревней, между промышленностью и сельским хозяйством создается постепенно внутренний рынок, ширится внутренний торговый оборот, появляется не только мелочная торговля некоторыми товарами, но оптовая и розничная торговля всеми основными товарами. Для ремесленника, превращающегося в товаропроизводителя для рынка, деньги есть теперь прежде всего превращенная форма товара. Вырученные от продажи продукции деньги он превращает в товар—средства потребления, отчасти в товар—сырье; он лишь весьма скромную часть превращает в сокровище, если дело у него идет хорошо. Отсюда взгляд на деньги как на временную, иногда весьма мимолетную превращенную форму товара. Также и с купцом, торгующим для внутреннего рынка. Его капитал обращается не один раз в год, в лучшем случае полгода, как это имеет место в средневековой заморской торговле, а оборачивается значительно быстрее. При постепенной продаже товара и закупке новых партий того же товара также и для него, хотя он и работает по формуле Д—Т—Д, практика каждого дня подчеркивает важность товарной формы его капитала, важность своевременного превращения не только Т в Д, но и Д в Т, причем постепенное развитие торгового кредита, замена расчетов за наличные векселями и практика безденежных расчетов при встречных платежах выдвигает роль денег как средства обращения, а также как средства платежа в новой форме последней. Нечего говорить, что с возникновением мануфактуры весь этот процесс получает толчок для дальнейшего мощного движения вперед.

Именно это развитие функции денег как средства обращения, т. е. развитие той их способности, которая была в них заложена с самого начала, но, если не сказать—мирно дремала, то по крайней мере не была развернута вследствие слабости внутреннего торгового оборота, вследствие слабости внутреннего рынка,—именно эта функция вырастает теперь постепенно в своем значении и показывает деньги их другой стороной.

Вот на этой-то базе и начинается среди экономических писателей уже с конца XVII в. реакция против меркантилизма, против одностороннего представления о деньгах как о сокровище. Не случайно, что ранние представители номинализма и противники меркантилистической односторонности, как, например, Баугильбер, а в дальнейшем и физиократы, подчеркивают роль безденежных расчетов, роль кредитных документов, роль товарной формы цен-

ности и роль накопления не в деньгах, а в товарной форме, особенно в форме средств производства, в том числе мелиорированной земли. Не случайно, что эта реакция против меркантилизма особенно энергично развивается во Франции, в которой роль внутреннего рынка была для французской торговли относительно более значительна, чем роль внешнего. В Англии же мы имеем наиболее ярких представителей меркантилизма, отражающих важность внешне торговых связей для этой страны. Но и здесь на известной стадии развития появляется в лице Барбона, Беркли, Джона Лоу новая школа писателей, развенчивающих металлические деньги.

Так обстоит дело в области теории. Меркантилизм отражал зависимость торговли, которая была вначале торговлей внешней, от международных денег, от серебра и золота, т. е. от денег, которые должны были иметь субстанциональную ценность. Эта однобокость и ограниченность меркантилистов была исторически строго обусловлена. Она была обусловлена между прочим и неразвитостью самой денежной формы, поскольку в международной торговле того времени само экономическое бытие выдвигало на первый план именно металлические деньги и именно в их роли международного средства обращения и сокровища. Точно так же была обусловлена исторически и антименкантилистическая реакция. И эта реакция дала плод односторонний, однобокий; она перегибала палку в противоположном направлении; она сущность денег видела уже только в их функции средства обращения, т. е. опять-таки лишь в одной из их функций. Она не могла увязать в единой общей теории денег гармоническое понимание всех функций денег.

Что же касается практики денежного обращения, то мы подчеркиваем снова со всей силой—и это есть очень важный пункт в нашем изложении,—что эпоха массового выпуска бумажных денег могла наступить только тогда, когда функция денег как средства обращения, как средства внутреннего обращения в стране, могла достаточно развернуться на базе достаточного развития внутреннего обращения отдельных стран. А это произошло исторически не раньше конца XVII и начала XVIII вв. Не случайно также здесь и то обстоятельство, что, например, Голландия, первая введшая в практику обращение бумажных депозитов Амстердамского банка—депозиты выдавались под сданные в кассы банка иностранные металлические деньги—не перешла к практике бумажноденежного обращения. Голландия была слишком связана с мировой торговлей, она играла в ней руководящую роль и потому субстанциональная стоимость денег имела для ее торгового оборота решающее значение. Не случайно и то, что Джон Лоу, по происхождению шотландец, не имел возможности проделать свой первый опыт с бумажными деньгами на территории Англии. Англия была слишком связана к тому времени с внешней торговлей, чтобы решиться на такой эксперимент, несмотря на несомненный недостаток у нее тогда средств обращения в сравнении с потребностью быстро развивавшегося торгового оборота. Этот опыт был про-

делан во Франции, где благоприятная обстановка для эксперимента заключалась не столько в том, что королевская власть, не выходившая из состояния банкротства, была менее зависима от буржуазии и более склонна к авантюризму в финансовой области, сколько в том, что во Франции этого времени соотношение между внешним и внутренним товарооборотом было сравнительно гораздо более выгодно для внутреннего. Ведь в каждом мелком королевстве Европы, в каждом мелком княжестве Германии сидели у власти любители легкой наживы за счет обращения. Однако это внутреннее обращение было так ничтожно, что эти господа были вынуждены подрабатывать только на порче металлической монеты: внутренний рынок и внутреннее обращение были слишком невелики для практики бумажноденежного обращения. Наоборот Франция имела большую территорию и большой сравнительно внутриторговый оборот при более слабом внешнем обороте в сравнении с Англией, а тем более Голландией и итальянскими городами. Размеры этого оборота можно видеть хотя бы на размерах металлического денежного обращения в период экспериментов Джона Лоу. Такое обращение было равно в начале XVI в. около 1,6 млрд. ливров.

Мы считаем поэтому, что если верна марксова теория денег, согласно которой бумажные деньги суть заместители металлических денег в их функции средства обращения (об этом подробно в следующей главе), если верно положение, что эта функция развертывается только на определенной ступени товарного хозяйства, когда создается достаточно емкий внутренний рынок, то тогда совершенно бесспорным должно быть признано наше положение о том, что бумажные деньги по самой своей экономической природе суть лишь деньги эпохи перехода простого товарного производства в капиталистическое.

Теперь остановимся на втором вопросе, который мы поставили выше, а именно: как примирить вышеназванное положение с фактом существования бумажных денег задолго до указанного здесь срока. Разве мы не знаем из истории хозяйства о многих случаях выпуска кожаных денег, денег из материи и пр. в осажденных городах, разве мы не знаем о бумажных деньгах Китая, в частности о тех деньгах из коры тутового дерева и клея, о которых сообщает венецианский купец Марко Поло, посетивший царство Кублай-хана в Китае в XIII в.?

Все эти факты известны, но они говорят не о существовании бумажных денег задолго до XVII—XVIII вв., а о существовании очень большой путаницы у историков и историков хозяйства насчет того, что же представляет собой эта форма денег, если подходить к ее определению вполне научно. Впрочем, если другой историк, Эдуард Майер, открывает в древнем царстве Египета мерило ценности, когда там не было еще самой категории ценности, а, следовательно, не могло быть и ее мерила; если Макс Вебер

телят и жеребят данного в ссуду скота у номадов рассматривает как естественную форму процента, если Лаум происхождение денег выводит из области сакральных отношений, из платежных обязательств человека к богу, если Лейман Гаупт отношение цены золота к серебру в древнем Вавилоне как 1 к 13½ выводит из соотношений периода обращения различных звезд; если Elliot Smith высказывает глубокомысленное предположение насчет того, что раковина сделалась средством украшения, а потом деньгами, потому что она напоминает то отверстие, через которое человек появляется на свет,—то все эти открытия бумажных денег на ранних ступенях торговли и обмена еще не являются самыми поражающими и парадоксальными из всех имеющихся в арсенале так называемой исторической науки. Удивительно лишь, что исследователи не продвинулись в своих «блестящих» анализах еще дальше и не открыли зародыша бумажных денег в тех черепах буйволов и львов, которые служили у предводителей племени даяков символом животных и средством «накопления», а также в человеческих черепах—у баттаков, выполнявших те же функции. Может быть, именно здесь надо искать самых первых представителей денег без субстанциональной стоимости? Во всяком случае здесь остается еще широкий простор для всех «исследователей», которые любят побивать рекорды в установлении наибольшей древности того или иного института. Для успеха дела здесь надо кроме фантазии лишь одно: проститься с научной классификацией явлений, заменив ее сближением явлений по самым внешним признакам.

В действительности же кожаные, полотняные и прочие деньги осажденных городов отнюдь не являются бумажными деньгами и совсем не потому, что кожа и полотно не есть бумага. Бумажные деньги есть форма денег, которая имеет определенное экономическое содержание, и сущность этой формы совершенно не зависит от того материала, из которого эти деньги делаются. В Индии, где мерилом стоимости является золото, а средством обращения является серебряная валюта, мы имеем даже замечательный случай существования серебряного обращения на функции бумажных денег. Вышеназванные «осадные» денежные знаки не являются бумажными деньгами в научном значении этого слова, потому что они были лишь определенным видом квитанционных свидетельств. Они не могли быть представителями металлических денег как средства обращения, поскольку сама функция средства обращения еще не была развита. Несколько иначе обстоит дело в Китае, где, например, деньги Кублай-хана были, очевидно, чем-то вроде депозитных знаков для иностранных купцов. Их можно было бы назвать бумажными деньгами лишь в том случае, если бы историко-экономическими исследованиями было доказано существование в тогдашний период в Китае достаточно развитого внутреннего обращения, при котором и депозитные знаки могут трансформироваться в известных условиях в бумажные деньги. Но и тогда это не поколебало

бы нашего утверждения, а лишь доказало бы далеко шагнувшее развитие товарного производства в Китае в XIII в. Мы должны были бы тогда констатировать отдельный изолированный факт более раннего существования бумажных денег, до эпохи массового появления бумажных денег, в Европе и Америке, в период перехода от простого товарного производства к капиталистическому.

Определим теперь приблизительно хронологические рамки нашего объекта исследования. Мы исследуем в этой книге теорию падающей валюты. Следовательно, материальной базой исследования являются не просто бумажные валюты, исторически существовавшие в разных странах, в определенные периоды, а лишь те из них, которые не находились в состоянии стабилизации.

Это уточнение имеет особенно важное значение для периода существования стабилизованных бумажных твердых валют после войны, валют, которые представляют собой специфический вид бумажных денег, о которых подробно мы скажем ниже. В довоенный же период в подавляющем большинстве случаев время существования в той или иной стране бумажной валюты совпадает с периодом падающей валюты в данной стране.

Насколько продолжителен тот период, на который распространяется существование падающей валюты?

Во Франции—это 2 года деятельности банка Джона Ло, т. е. период 1718—1720 гг., затем 8 лет Великой французской революции и почти весь период с 1914 по осень 1926 г., если сделать только оговорку относительно первых двух лет войны, когда бумажный франк почти не подвергался колебанию. В целом это дает около 20—22 лет за два с лишним столетия.

В Австрии—это период с конца XVIII почти до конца XIX в. с перерывами, когда временно удавалось стабилизовать бумажную валюту, а затем в период с 1914 по осень 1922 г.

В России—это период от усиленного ассигнационного обращения после 1780 г. вплоть до реформы Канкрина, т. е. 1843 г., затем весь период до реформы Витте 1897 г., за вычетом условно периода относительной стабилизации на протяжении полутора-двух десятилетий, затем наконец весь период с 1914 по 1924 г., т. е. с начала войны до момента проведения нашей денежной реформы.

В Германии, если не считать относительно небольших эмиссий первой половины XIX в. (Thaler Courant и др.),—это почти десятилетие с 1914 по декабрь 1923 г.

В Польше—почти весь период существования этого государства кроме последних трех лет, т. е. весь период существования польской марки, а затем период неудачной стабилизации вплоть до девальвации злотого в 1927 г.

В Северо-американских соединенных штатах—весь период борьбы за независимость до ликвидации «континентальных денег» и весь период гражданской войны и несколько лет спустя до того момента, когда гринбеки рассосались в обращении. В той

же Северной Америке нужно вспомнить про бумажное обращение ряда отдельных штатов, из которых некоторые начали бумажноденежные эмиссии очень рано, еще раньше, чем в Европе, хотя бумажное обращение этих штатов ввиду целого ряда причин дает мало ценного материала для иллюстрации к теории падающей валюты.

Даже в Англии, классической стране металлического обращения, можно говорить об отсутствии стабильной валюты с 1797 г., с момента прекращения разменных банкнот Английского банка до восстановления золотого размена в 1821 г., а также за период с 1914 по 1925 г., т. е. до момента, когда снова был восстановлен золотой размен, прекращенный в начале войны.

Кроме того падающая бумажная валюта существовала во всех странах Европы, которые принимали то или иное участие в мировой войне. Сюда надо отнести Италию, Бельгию и все балканские страны. Кроме того в этот список надо внести и ряд стран (в разные периоды) за пределами Европы, как Аргентина с ее бумажными пезо, Индия с ее серебряной валютой на функции бумажных денег и т. д.

Я думаю, уже этого беглого перечня достаточно для нашей цели, т. е. для доказательства того, что период падающих валют в ряде важнейших стран надо считать на протяжении двух последних столетий десятилетиями. Иными словами, объект нашего исследования хронологически захватывает очень большой промежуток времени. Теория падающей валюты, следовательно, имеет под собой очень большой экспериментальный базис и огромную груду чисто фактического материала. Это доказывает, что этой теорией стоит заниматься как с точки зрения марксистского анализа истории хозяйства, так и для завершения теории денег на одном из участков, где это исследование не вполне доведено до конца. Это исследование кроме того дает возможность на извращении законов денежного обращения и на влиянии этого извращения на экономику страны лучше понять законы нормального денежного обращения капиталистических стран.

Из вышеприведенного перечня мы можем вывести то заключение, что страны с наиболее развитыми капиталистическими отношениями не могут долго существовать в условиях падающей валюты. Это видно на примере не только Англии, Германии и Франции, но и ряда других капиталистических стран. Обстановка падающей валюты является невыносимой для нормальных капиталистических отношений. Наоборот в странах более отсталых, аграрных по преимуществу, бумажная валюта держится гораздо дольше. Это отчасти связано также и с более слабым влиянием буржуазного класса на государственную власть и его экономическую политику, что впрочем также есть лишь следствие слабости капиталистического развития.

Теперь несколько слов о том, почему в круг нашего исследования не входят твердые бумажные валюты, в том числе стабилизованные валюты ряда стран после войны.

Первая причина заключается в том, что в период более или менее длительной стабилизации валюты прекращаются те специфические явления в хозяйстве и в самом денежном обращении, которые как раз и составляют объект нашего исследования. Это будет особенно отчетливо видно, когда мы будем ниже говорить, в чем заключается специфичность этих явлений и их закономерность. Но об одной причине мы можем сказать уже теперь. Дело в том, что в условиях связи той или иной страны с системой мирового хозяйства отношения стабилизованных бумажных валют этих стран к золоту как мерилу ценности в мировом хозяйстве (мы имеем здесь в виду не только казначейские денежные знаки, но и неразменные банкноты центральных банков) складываются иначе, чем отношения падающей валюты к золоту. В самом деле. Если мы возьмем, допустим, немецкую марку после 1924 г., французский франк с 1927 г. и т. д., то хотя эти валюты не имеют непосредственного соприкосновения с собственным золотом этих стран, запертым в казначействе и подвалах банков, они соприкасаются однако с золотом или с разменными на золото банкнотами других стран в мировом торговом обороте. Они не имеют под собой золотого базиса собственной страны, но зато через постоянное соприкосновение с долларом, фунтами и прочими разменными на золото валютами, они имеют тем самым косвенное соприкосновение с мировым золотом. Правда, и падающий франк Франции и падающая марка Германии также имели соприкосновение с разменным на золото долларом САСШ. Формально различия с этой стороны здесь нет, фактически же различие есть и очень большое. Мерилом ценности золото остается, разумеется, здесь и там, но в первом случае все ценностные отношения стран, имеющих стабилизованную бумажную валюту, вынуждены приспособляться к ценностным отношениям стран с золотым разменом, к мировому золоту, к мировым золотым ценам, и в той или иной степени они (mutatis mutandis) могут приспособляться к ним. Наоборот, в условиях падающей валюты эти же страны имеют разрыв внутренних золотых цен и золотых цен мирового рынка, разрыв, неизбежно обусловленный всей экономической обстановкой падающей валюты.

Это одна из причин, почему стабилизованные бумажные валюты не являются объектом нашего теоретического исследования. Подробней об этом будет сказано ниже.

2. МАРКСОВА ТЕОРИЯ БУМАЖНЫХ ДЕНЕГ

Теория падающей валюты, которую мы излагаем в этой работе, опирается полностью и целиком на марксову теорию бумажных денег. Марксова же теория бумажных денег есть лишь один из моментов его общей теории денег. Мы должны поэтому остановиться здесь, хотя по возможности и кратко, на марксовой теории бумажных денег.

В общей теории денег Маркса показано, какую роль играют деньги во всей системе простого товарного и капиталистического производства. В ней показано, почему на определенной стадии обмена из товарного мира происходит выделение сначала нескольких, затем одного товара, который начинает выполнять функцию мерила ценности и других функций денег. В ней показано, почему товарное обращение чисто экспериментальным путем, путем многовекового нащупывания подходящего для него денежного товара на определенные стадии своего развития, остановилось и должно было неизбежно остановиться на благородных металлах как на денежном материале. В этой теории показано, почему на дальнейшей стадии развития, на функции денег, закрепилось единодержавие золота. Теория денег Маркса, теснейшим образом увязанная с его теорией товарного производства, дает, с одной стороны, все основные элементы для построения законченной теории происхождения денег, которая лишь ждет своего дальнейшего развития и конкретизации на огромном фактическом материале из реальной истории хозяйства на ранних стадиях развития товарного обращения, а с другой стороны, она дает вполне законченный анализ всех функций денег и увязки этих функций с имманентными законами товарного производства. Свою теорию бумажных денег Маркс непосредственно выводит из этого анализа. Экономическую основу бумажных денег он связывает не со всеми функциями денег, а лишь с одной определенной их функцией. И на основе истории товарного хозяйства и на основе имманентных законов товарного производства Маркс приходит к выводу, что идеалом товарного хозяйства являются металлические деньги, потому что по своим физическим свойствам именно они наиболее подходят для выполнения функций денежного товара в хозяйстве, где стихийным регулятором является закон стоимости. Поэтому правильнее будет сказать, что общая теория денег Маркса есть товарная теория денег, а его теория денег капиталистического хозяйства, есть металлическая теория денег. Но отсюда ясно и другое: его теория бумажных денег есть лишь частный случай

его металлической теории денег. Это есть теория извращенного металлического обращения.

Как известно, Маркс проводил в своем изложении строгое различие между функциями денег и различными формами денег, вырастающими на базе выполнения этих функций на определенной ступени развития товарного хозяйства. Следуя своему общему методу, он проводил здесь различие между экономической сущностью процесса и формой его внешнего проявления, формой его материализации.

Деньги выполняют, по Марксу, 4 основные функции: 1) мерила стоимости и масштаба цен; 2) средства обращения; 3) сокровища; 4) средства платежа.

Он говорил, правда, еще и о мировых деньгах, но мировые деньги не есть особая функция денег, а лишь проявление их основных функций на базе мирового хозяйства.

По Марксу, бумажные деньги есть такая форма денег, которая вырастает из функции денег как средства обращения внутри данной страны. Следовательно и исторически бумажные деньги могут возникать и получать широкое массовое применение только на такой ступени развития товарного хозяйства, когда функция денег как средства обращения достаточно развилась внутри тех или иных стран. Здесь наше изложение, затрагивая вопрос о хронологическом возникновении бумажных денег,—чем мы занимались в предыдущей главе,—органически примыкает и органически вытекает из этого основного положения марксовой теории в рассматриваемом вопросе. Совершенно не случайно поэтому, что ни одна из стран древности, имевшая дело с довольно развитым металлическим обращением, в частности ни Греция, ни Рим, не знала бумажных денег, хотя в Риме фальсификация металлических денег достигала одно время широких размеров.

Посмотрим теперь, как Маркс доказывает свое основное положение о том, что бумажные деньги вырастают из функции денег как средства обращения.

При развитии внутреннего товарного обращения в отдельных странах денежный торговый оборот требует известного количества денег, которые всегда должны находиться в обращении.

Одни товары выходят из обращения, другие в него входят, образуя непрерывный поток. Вот эта непрерывность товарной циркуляции требует того, чтобы определенное количество денег всегда находилось в сфере обращения,—так сказать, всегда дежурило в этой сфере. Для выполнения этой функции средства обращения внутри страны не имеет значения, является ли отдельная золотая или серебряная монета полновесной или нет. Если, например, торговец наряду с сотнями полновесных золотых монет получает от покупателей десятки неполновесных, то он ничего не теряет, если эти неполноценные монеты, наряду с полноценными, принимаются также и другими. Маркс пишет об этом:

«Здесь, в определенной узкой сфере внутринационального оборота и при наличии определенных условий монета функциони-

рует в обращении независимо от реального веса заключающегося в ней количества металла, следовательно независимо от ее внутренней ценности... в обращении золотые монеты стираются, одна больше, другая меньше. Название золотой монеты и количество ее золотой субстанции, ее номинальное и ее реальное содержание начинают мало-по-малу расходиться. Одноименные золотые монеты приобретают различную стоимость, так как они имеют теперь различный вес... Естественная тенденция процесса обращения, стремящаяся превратить золотую сущность монеты в золотую видимость, т. е. сделать из монеты лишь символ ее официального металлического содержания, признана даже самым современным законодательством: последнее определяет ту степень потери металла, при которой монета теряет курс, демонетизируется.

«Если само обращение денег отделяет реальное содержание монеты от номинального содержания, отделяет ее металлическое существование от ее функционального существования, то это обращение уже таит в себе возможность заместить металлические деньги в их функции монеты знаками из другого металла или просто символами» [1].

И дальше в другом месте Маркс пишет, исследуя тот же вопрос о разменной металлической монете, что ценность мелкой разменной монеты, серебряной, медной и т. д., определяется не ценой заключенного в них металла, а устанавливается законом. Он говорит:

«Во всех странах с развитым обращением потребность денежного обращения принуждает к тому, чтобы монетный характер серебряных и золотых марок был независим от степени утраты ими металла. Таким образом обнаруживается то, что лежит в природе вещей, а именно, что эти марки являются символами золотой монеты не потому, что они сделаны из серебра или меди, и не потому, что они имеют ценность, но потому, что они ее не имеют» [2].

«Как меновая ценность кристаллизуется при обмене в золотые деньги, точно так же золотые деньги в процессе обращения поднимаются до своего собственного символа, сначала в виде изношенной золотой монеты, потом в форме вспомогательной металлической монеты, наконец в форме неимеющих ценности бумажных знаков, простого знака ценности [3]. В этом случае, как образно выражается Маркс, «функциональное существование денег поглощает, так сказать, их материальное существование» [4].

Но если полноценные золотые и серебряные деньги в определенной сфере внутреннего обращения, в данном случае в сфере мелочной торговли, могут быть заменены неполноценными разменными монетами, если в своей функции средства обращения золотые и серебряные деньги могут допускать уменьшение их субстанциональной ценности, без ущерба для товарного оборота

---

[1] K. Marx, «Das Kapital», B I, Hamburg 1909, S. 89—90.
[2] K. Marx, Zur Kritik des politischen Oekonomie, Stutgart 1909, 3-Aufl., S. 107.
[3] Ibidem, S. 108.
[4] «Das Kapital», B. I, Hamburg 1909, S. 93.

106407

и без снижения их расценки в этом товарном обороте, то отсюда следует, что «функционировать в качестве символов золотых денег могут вещи, относительно лишенные всякой стоимости, например бумажные знаки» [1].

Эта точка зрения Маркса не допускает никакого распространительного толкования. В частности она не допускает никакого смешения бумажных денег как средства обращения с кредитными деньгами, хотя бы кредитные деньги также были сделаны из бумаги. Кредитные деньги хотя внешне и похожи на бумажные деньги, но они вырастают, однако, из совсем другой функции денег, а именно из функции денег как средства платежа. Они вырастают из этой функции на очень высокой ступени товарного производства. Экономическая природа их является совершенно другой, а следовательно, и их обращение управляется совершенно другим законом. Маркс пишет об этом: «Государственные бумажные деньги с принудительным курсом представляют законченную форму знака ценности и вместе с тем естественную форму бумажных денег, которая непосредственно вырастает из металлического обращения или просто обращения товаров. Кредитные же деньги принадлежат к высшей сфере общественного процесса производства и регулируются совершенно другим законом» [2].

Маркс предостерегает также и от другой ошибки, а именно от того вывода, что бумажные деньги, как заместители золота, как знаки цены, могут непосредственно представлять ценности товаров. Если бы это было так, то тогда можно было бы построить теорию бумажного обращения совершенно независимо от теории металлического денежного обращения [3]. Как известно, грубейшая ошибка в этом пункте привела, например, Рудольфа Гильфердинга в его «Финансовом капитале» к разрыву не только с теорией денег Маркса, но и со всей его теорией ценности. Маркс пишет по данному вопросу следующее: «меновая ценность является... только как воображаемая или вещественно представляемая, реальное же существование она имеет только в самих товарах, поскольку в них осуществлено определенное количество рабочего времени. Поэтому кажется, будто знак ценности непосредственно представляет ценность товаров, выступая не как знак золота, но как знак ценности, заключенной в самих товарах и выраженной только в их ценах. Но это представление совершенно ложно. Знак ценности есть

---

1 «Das Kapital», B. I, S. 107, Hamburg 1909.

2 «Zur Kritik», S. 110.

3 Необходимо заметить при этом, что товарные ценности и бумажные деньги вообще непосредственно несоизмеримы. Когда стоимость пары сапог приравнивается к стоимости золота, заключающегося в 10 рублях, то здесь количество общественно-необходимого труда, потраченного на производство сапог, стихийно приравнивается к общественно-необходимому труду, потраченному на производство 7,74 грамма золота. Если же дело идет о 10 бумажных рублях, то стоимость их производства несоизмерима со стоимостью сапог, и все пропорции были бы нелепостью, если б цена сапог не была уже установлена в золоте.

непосредственно только знак цены, т. е. знак золота и только посредственно знак ценности товара»[1].

В одном из примечаний в I томе «Капитала», отмечая ошибку Фуллартона именно в этой области, Маркс говорит с иронией:

«Следовательно, лишь потому, что денежный товар может быть замещен в обращении простыми знаками стоимости, он не нужен ни как мерило стоимости, ни как масштаб цен»[2].

В полном согласии со всеми выше развитыми положениями Маркс замечает, в каком смысле вообще можно говорить о специфических законах бумажноденежного обращения. Маркс пишет:

«Специфический закон обращения бумажных денег может возникнуть лишь из отношения их к золоту, поскольку они его представляют (aus ihrem Repräsentationsverhältniss zum Gold). И закон этот сводится просто к тому, что выпуск бумажных денег должен быть ограничен тем их количеством, в каком действительно должно было бы обращаться символически представляемое им золото (или серебро)»[3].

Но когда пропорции нарушены, когда бумажных денег выпущено больше, чем нужно для замещения золотого минимума обращения, тогда только проявляется специфически свойственное им движение.

Это «свойственное им движение вместо того, чтобы вытекать непосредственно из метаморфозы товаров, происходит вследствие нарушения правильной пропорции между бумажными деньгами и золотом» («Zur Kritik», S. 118)[4].

Ниже мы еще вернемся к этому очень важному месту из Маркса, которое было бы неправильно толковать в том смысле, что не может существовать вообще никакой теории падающей валюты. Мы покажем ниже, что именно теория падающей валюты как раз представляет собой развитие данного положения Маркса и подтверждает его целым рядом новых аргументов.

Когда бумажные деньги выпускаются в большем количестве, чем это нужно для замещения золота, если бы обращение было золотым, тогда проявляется специфическое движение, связанное с бумажными деньгами в условиях этого разрыва между потребностью обращения и реальным номиналом обращения страны.

Наиболее концентрированной, наиболее законченной формулировкой различия природы золотых денег и их бумажных представителей является следующее место в «Критике»:

«В обращении знаков ценности все законы действительного обращения денег кажутся перевернутыми, поставленными на голову. Если золото обращается потому, что имеет ценность, то бумага имеет ценность потому, что она обращается. В то время как при данной меновой ценности товаров количество обращаю-

---

[1] «Zur Kritik», S. 110.
[2] «Das Kapital», B. I, то же изд., S. 32 (Note 84).
[3] «Das Kapital», Ibid., S. 91.
[4] «Zur Kritik», S. 125.

щегося золота зависит от его собственной ценности, ценность бумаг зависит от их количества, находящегося в обращении. В то время как количество обращающегося золота повышается или падает с возрастанием или падением цен товаров, цены товаров возрастают или падают вместе с изменением количества бумажных знаков, находящихся в обращении. Тогда как обращение товаров может поглотить только определенное количество золотых монет, вследствие чего сокращение и расширение количества обращающихся денег представляется необходимым законом, бумажные деньги, повидимому, входят в обращение во всякой пропорции. Между тем как государство портит золотую и серебряную монету и препятствует ее функции как орудия обращения, если оно выпускает монету хотя бы только на $^1/_{100}$ грана ниже ее номинального содержания, оно совершает вполне правильную операцию, выпуская неимеющие ценности бумажные знаки, у которых с металлом общего только их монетное имя. Если золотая монета, очевидно, представляет ценность товаров лишь постольку, поскольку последняя сама выражена в золоте и представлена как цена, знак ценности, повидимому, непосредственно представляет ценность товаров. Отсюда ясно, почему исследователи, изучившие явления денежного обращения односторонне, на обращение бумажных денег с принудительным курсом, не могли понять основных законов денежного обращения» [1].

Таким образом ту часть марксовой теории денег, которая относится полностью к бумажным деньгам, мы можем свести к следующим положениям:

1. Бумажные деньги заменяют металлические деньги в их функции средства обращения.

2. Они представляют металлические деньги, они являются знаками цен, следовательно знаками золота. Они не представляют непосредственно, в противоположность самому золоту, ценности товаров.

3. В качестве представителей только цен товаров, которые должны быть уже даны заранее, как золотые цены, они не имеют самостоятельного движения.

4. Свойственное им «движение» может вытекать не из их взаимоотношений с товарными ценностями, а из нарушения пропорций между необходимым для обращения золотом и между фактическим выпуском бумажных денег, поскольку размеры выпуска переходят за пределы нужного для обращения количества золота.

5. Если бумажных денег по номиналу выпущено больше, чем требуется для обращения золота, то курс их будет определяться просто их количеством. Если, допустим, их выпущено вдвое больше, чем нужно для представительства золота, их курс падет вдвое, потому что только при таком падении они будут представлять то реальное количество золота, которое нужно для обращения.

[1] «Zur Kritik», S. 117—118.

6. Необходимое для обращения количество золота определяется на основе общих законов металлического обращения.

Количество золота, которое необходимо для обращения, Маркс в другой связи определяет так: прежде всего должны быть выяснены суммы товарных цен, которые должны быть реализованы в деньги. Маркс пишет об этом: «Предпосылкою денежного обращения является товарное обращение, и притом деньги приводят в обращение товары, имеющие цену, т. е. идеально уже приравненные к определенным количествам золота. При этом определении цен самих товаров величина стоимости того количества золота, которое служит единицей—мерою, или стоимость золота предполагается уже данной. При таком условии количество золота, необходимое для обращения, определяется прежде всего общей суммой товарных цен, подлежащих реализации. Но эта общая сумма в свою очередь определяется: 1) уровнем цен, относительно высоким или низким уровнем меновых стоимостей товара, оцененных в золоте, и 2) количеством товаров, обращающихся по определенным ценам, т. е. количеством покупок и продаж, совершаемых по данным ценам» [1].

Итак, Маркс устанавливает здесь две величины, подлежащие цифровому выражению: количество товаров, подлежащих реализации, что мы в нашем изложении теории падающей валюты называем иногда емкостью товарооборота, и уровень цен, причем Маркс имеет здесь в виду, разумеется, золотые цены. В данном случае пока безразлично, имеются ли здесь в виду золотые цены данной страны или же золотые цены мирового рынка.

Третий фактор, влияющий на необходимое количество денег в обращении,—это быстрота оборота денег. Маркс говорит об этом следующее: «Количество находящихся в обращении денег зависит, однако, как мы видели, не только от общей суммы подлежащих реализации товарных цен, но вместе с тем от быстроты, с которой деньги обращаются, т. е. от продолжительности времени, в течение которого они совершают эту реализацию. Если один и тот же соверен совершает в один день десять покупок товара, каждый раз ценою в один соверен, переходя таким образом десять раз из рук в руки, он совершает точь-в-точь такую же работу, как 10 соверенов, из которых каждый в продолжение дня совершает только один оборот. Таким образом быстрота оборота золота может возместить его количество; иными словами, существование золота в процессе обращения определяется не только его характером эквивалента, находящегося рядом с товаром, но также ролью его в сфере движения товарных метаморфоз» [2].

Об этом же несколько дальше Маркс пишет следующее: «Если быстрота обращения дана, то количество средств обращения определяется просто ценами товаров. Таким образом цены

---

[1] «Zur Kritik», S. 94.
[2] «Zur Kritik», S. 95—96.

высоки или низки не потому, что в обращении имеется большее или меньшее количество денег, но обратно: в обращении имеется большее или меньшее количество денег потому, что цены высоки или низки. Это один из важнейших экономических законов, детальное доказательство которого при помощи истории товарных цен представляет, быть может, единственную заслугу послерикардовской английской политической экономии» [1].

Четвертый фактор—это то количество денег, которое нужно в данный момент для выполнения функции денег как средства платежа. Необходимое количество денег для выполнения этой функции должно быть прибавлено к тому их количеству, которое требуется для вышеназванных операций.

Пятый фактор—это безденежные расчеты при взаимнопогашающихся платежах. Эти безденежные расчеты неизбежно сокращают размер необходимого минимума обращения. Следовательно, развитие кредита уменьшает потребность в массе средств обращения.

Все эти факторы определяют то, что Маркс называет активным обращением. Общая формула Маркса, данная для определенных размеров активного обращения и содержащаяся в первом томе «Капитала», гласит следующее: «Общая сумма средств обращения, при данной быстроте циркуляции средств обращения и платежа, равняется сумме подлежащих реализации товарных цен, плюс сумма подлежащих погашению платежей, минус взаимно уравновешивающиеся платежи и, наконец, минус сумма, на которую одни и те же монеты выступают попеременно то как средство обращения, то как средство платежа» [2].

Наконец шестой фактор, который должен быть принят во внимание, это—функция денег в качестве сокровища. Как мы уже сказали, приведенная выше формула Маркса относится к активному обращению. Для определенного же размера не только всего необходимого активного обращения, но и для всего обращения необходимо участие и того количества денег, которое нужно для выполнения функции денежного накопления. В этом случае мы имеем в виду, разумеется, не текущие денежные резервы, а то понятие сокровищ, которое имеет в виду Маркс.

Вот все основные 6 факторов, которые определяют количество денег, необходимое для обращения, беря слово «обращение» в широком смысле, а не в смысле лишь активного обращения.

Из всего сказанного ясно, что факторы, влияющие на увеличение необходимой массы обращения, таковы:

1) рост реализуемой массы товаров;
2) рост золотых товарных цен;
3) уменьшение быстроты оборота денег;
4) увеличение потребности в деньгах как средстве платежа;
5) уменьшение безденежных расчетов;

---

[1] «Das Kapital», B. I, S. 102, Hamburg 1909.
[2] «Zur Krit'k», S. 97.

6) увеличение отлива денег в сферу длительного накопления, т. е. увеличение их роли как сокровища.

Соответственно факторы, вызывающие уменьшение минимума обращения, будут следующие:

1) уменьшение реализуемой товарной массы;
2) падение золотых цен;
3) увеличение быстроты оборота денег;
4) уменьшение потребности в деньгах как средстве платежа;
5) сокращение безденежных расчетов либо их полное прекращение;
6) уменьшение накоплений.

Маркс пишет о законах денежного обращения:

«Государство может бросить в обращение произвольное количество денег с произвольным названием, но вместе с этим механическим актом кончается его контроль. Захваченные обращением ценности или бумажные деньги попадают под действие законов, присущих обращению» [1].

Каковы эти законы в отношении металлического обращения, мы уже видели. Каков основной закон денежного обращения, определяющего курс бумажных денег, мы также уже видели из предыдущего изложения: курс бумажных денег зависит от отношения между их количеством и между золотым минимумом обращения. Мы также видели только что, чем, согласно теории Маркса, определяется этот минимум в условиях металлического обращения.

Спрашивается теперь, как же определяется этот минимум не просто при бумажном обращении, а при бумажном обращении в условии систематически падающей валюты?

Одинаков ли этот минимум и при металлическом обращении, при падающей валюте и при прочих равных условиях? И можно ли здесь вообще говорить о «прочих равных условиях»? Нет ли здесь какого-либо изменения не только количественного характера, т. е. не только в сумме действующих причин и в их, так сказать, силовом выражении, но и в последовательности их действия и в их взаимоотношениях, в сравнении с тем, как все эти факторы определяют минимум денежного обращения при металлической валюте?

Следующие причины заставляют нас поставить этот кардинальный вопрос теории падающей валюты, которую мы непосредственно выводим из марксовой теории металлического денежного обращения.

Бумажные деньги вырастают из функции денег как средства обращения. Если бумажные деньги остаются в качестве единственной валюты страны и превращаются в дальнейшем в па-

---

1 «Zur Kritik» etc, S. 115.

дающую валюту, то по самой своей природе они неизбежно тяготеют к выполнению прежде всего именно этой их функции, а на дальнейшей стадии их падения—к выполнению только этой их функции. Другие функции они выполняют лишь отчасти, весьма несовершенно и лишь на начальной ступени падения валюты. Между тем марксова формула, которую мы привели выше, а также все то, что он говорит о законе, определяющем количество денег в обращении, относится к металлическим деньгам, следовательно, к деньгам, которые, в противоположность бумажным деньгам в условиях падающей валюты, способны выполнять и фактически выполняют в реальной действительности все основные функции денег вообще.

Совершенно очевидно, что золотой минимум обращения и в его количественном выражении и по соотношению тех факторов, которые на него влияют, будет складываться при падающей валюте иначе, чем при валюте твердой.

Прежде всего нужно иметь в виду, что при бумажной валюте дело идет не о реальном, а о теоретическом золотом минимуме обращения. Это значит, что здесь дело идет о подспудном действии законов денежного обращения в самой осложненной обстановке. Благодаря этому исследование сильно осложняется и требует применения некоторых специфических методологических приемов. Во-вторых, очень важное значение имеет вопрос о том, идет ли дело при определении размеров золотого минимума обращения о внутренних золотых ценах данной страны, или же о ценах мирового рынка. В-третьих, в случае отрыва страны от мирового хозяйства и при хозяйственной автаркии, падающая бумажная валюта не имеет даже косвенного соприкосновения с мировым золотом, и, следовательно, здесь всплывает новый вопрос: как в таких условиях складывается золотой минимум обращения и как может тогда золото оставаться мерилом ценности? В-четвертых, необходимо помнить, что ряд функций денег вообще отмирает в условиях падающей валюты: сначала сокращается, затем совершенно прекращается накопление; затем до крайности суживается, а перед крахом валют почти совершенно отмирает функция денег как средства платежа; резко изменяется в сторону увеличения быстрота оборота денег, совершенно отрываясь от того темпа быстроты, который в среднем свойственен металлическому обращению; совершенно прекращаются безденежные расчеты и отмирает вся система кредита. Таким образом теоретический золотой минимум обращения при падающей валюте складывается иначе, чем реальный золотой минимум при металлическом обращении. Возникает поэтому вопрос, как сказывается здесь в этих совершенно специфических условиях «власть законов, присущих обращению», т. е. власть законов денежного обращения в условиях длительного извращения всего денежного общения и нормального товарооборота?

В своей теории металлического обращения и в своих заме-

чаниях, относящихся к бумажным деньгам, Маркс не останавливается на всех этих вопросах. Он не занимался всей совокупностью проблем падающей валюты, проблем, часть которых мы только что перечислили. Это совершенно понятно, если вспомнить, какую главную задачу он ставил перед собой, когда писал «К критике политической экономии» и «Капитал». В своих трудах он исследовал основные законы капиталистического хозяйства, беря за базис этого исследования отношения классического капитализма. Он часто брал в основу исследования отношения чисто абстрактного капитализма и, создавая свою теорию денег и денежного обращения, он исходил прежде всего из отношений и из законов, имманентно присущих капитализму в его идеальной, типичной форме. Он брал всюду за основу металлическое обращение, чаще прямо золото (о чем и сделал в одном месте специальную оговорку), т. е. он брал идеальные отношения капиталистического производства, идеальные условия ценностного регулирования, идеальный денежный механизм и денежный материал этого регулирования—золотое обращение. Свобода конкуренции, развернутое действие закона ценности, стихийный «разум» золота в идеальных условиях металлического денежного обращения—вот что было предпосылкой всего исследования Маркса. Государственные бумажные деньги с принудительным курсом вторгаются в весь этот процесс, как искажающее начало. Особенно это приходится сказать по отношению к тому периоду, когда отсутствие размена длится долгие годы, и страна много лет живет в условиях не только бумажной, но и падающей бумажной валюты. Это длительное искажение классических отношений капиталистического денежного обращения также знает свои закономерности. Маркс не останавливался на исследовании этих специфических закономерностей, потому что это отвлекало бы его в сторону от главной столбовой дороги анализа классического капитализма. С точки зрения тех основных задач, которые он ставил перед собой в своем исследовании, это совершенно понятно. Тем не менее его замечания о бумажно-денежном обращении, которые он нам оставил, представляют собой достаточный исходный базис для дальнейшего исследования проблем, составляющих объект теории падающей валюты.

Общей теории денег Маркса и его нескольких принципиальных положений о бумажных деньгах совершенно достаточно для того, чтобы не сбиться с дороги при исследовании тех специфических явлений, которые возникают в хозяйстве страны и самом денежном обращении в условиях падающей валюты. Здесь мы подходим таким образом к вопросу о том, в чем же заключается самый объект нашего исследования.

---

3. ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕОРИИ ПАДАЮЩЕЙ ВАЛЮТЫ

В первой главе мы определили хронологические рамки, которые исторически существуют для предмета нашего исследования. Теперь мы постараемся определить само материальное содержание объекта исследования.

Каждая страна, которая оказывается в обстановке падающей валюты, переживает ряд явлений и процессов, которые приводят либо к превращению бумажной твердой валюты в падающую, либо сразу бросают страну из условий металлического обращения в условия падающей бумажной валюты. Эти причины могут быть чрезвычайно различны. Они могут вызываться:

1) огромным резким увеличением бюджетного дефицита, который приводит к необходимости выпуска бумажных денег;

2) расстройством всей хозяйственной жизни, распадом производства и сокращением емкости товарооборота страны;

3) резким ухудшением платежного баланса и необходимостью базироваться во внутреннем обращении лишь на неразменных бумажных деньгах, и при этом в условиях, неблагоприятных для существования стабилизованной бумажной валюты. Мы с самого начала должны оговориться, что все эти причины, которые выводят валюту из состояния стабилизации, и являются исходным пунктом всех дальнейших процессов, сопровождающих падение, все эти причины сами по себе не относятся непосредственно к объекту нашего исследования. В разных странах эти причины могут быть различны. Точно так же могут быть различны и соотношения действия этих причин.

Например падение курса бумажных ассигнаций при Екатерине II вызывалось чрезмерным их выпуском, несмотря на то, что товарооборот страны в этот период увеличился и, следовательно, в известной мере рассасывал часть излишних для обращения ассигнаций, точно так же и товарный оборот Франции в период действия там банка Джона Ло не сокращался, а если брать общую тенденцию тогдашнего периода развития Франции, он несомненно расширялся. Следовательно, здесь основным исходным фактором превращения билетов банка в падающую валюту, были неумеренные эмиссии этих билетов. Если мы возьмем Великую французскую революцию, то падение бумажных ассигнатов в самом начале вызывалось и чрезмерными эмиссиями и резким сокращением товарооборота.

Исследование причин, влекущих за собой переход от твердой валюты к падающей, относится, собственно говоря, к области

конкретной экономики. В разной связи и по разным поводам мы должны будем, разумеется, говорить и об этих исходных моментах, определяющих переход страны к падающей валюте. Но сама по себе эта сфера исследования не относится к существу нашей темы. Мы исследуем в теории падающей валюты лишь те явления, которые возникают тогда, когда валюта уже находится в состоянии падения.

Мы вносим это очень важное ограничение в объект нашего исследования по следующим причинам. Как мы уже заметили выше, те причины, которые в самом начале приводят к падению валюты, могут быть весьма различны для разных стран.

Если мы возьмем эпоху мировой войны, то падение бумажной валюты всех государств, прекративших золотой размен и участвовавших в войне, вызывалось и расстройством товарооборота и неумеренными денежными эмиссиями. Наоборот, в странах, которые не участвовали в войне и прекратили золотой размен только с тем, чтобы спасти золотой резерв, отклонение их бумажной валюты от паритета вызывалось расстройством всей внешней торговли и сокращением внутреннего товарооборота.

Наоборот, когда твердая бумажная валюта уже поколеблена, когда она катится вниз, то тогда, независимо от исходных причин этого процесса, во всех без исключения странах с падающей валютой наблюдается ряд общих явлений, неуклонно повторяющихся повсюду с известной последовательностью и позволяющих сделать общие выводы как в отношении специфических явлений самого денежного обращения, так и по отношению к ряду специфических явлений, которые наблюдаются во всей хозяйственной жизни этих стран. Вот эти-то специфические явления и специфические закономерности, лежащие в основе этих явлений, вызванные самим фактом падения валюты, и составляют предмет нашего исследования.

В нашем исследовании мы берем все явления, связанные с падающей валютой, не в их статике, а в их динамике. Мы исследуем сначала, что происходит в области обращения и в области товарооборота страны в самой начальной стадии падения. Затем мы исследуем дальнейшее развертывание этого процесса и прослеживаем последовательную цепь всех явлений вплоть до того момента, когда бумажная валюта страны терпит окончательный крах. После краха валюты мы исследуем те явления, с которыми связан процесс восстановления нормальных валютных отношений. И этот процесс мы также рассматриваем динамически. В первом случае перед нами нисходящая кривая, во втором случае процесс постепенного оздоровления валюты и обратное влияние его на всю хозяйственную жизнь.

Но бывает часто, что падение валюты не приводит к краху всей денежной системы, а останавливается на определенном уровне. Мы исследуем всю совокупность тех причин, которые про-

должают тащить валюту вниз, а также противоборствующие им причины, которые в данном случае оказываются более сильными в своем действии. Тогда оздоровление валюты может пройти и не на основе ее полной ликвидации и замены ее другой валютой. В этом случае вторая часть исследования должна прослеживать динамику восстановления той же самой валюты, а также изучить влияние тех отдельных реформаторских мер, которые осуществляются государством для нормализации валюты.

При всем этом исследовании мы всегда исходим из учета необходимого теоретического золотого минимума обращения на каждый данный момент и из тех положений Маркса, о которых была речь выше. Даже в той специфической обстановке, которая создается при падающей валюте, эти положения остаются руководящим началом, чтобы понять динамику реальных хозяйственных процессов, которые происходят в стране в такой период.

Мы иллюстрируем все сказанное на примере, из которого будет ясно видно, почему мы не предполагаем исследовать в теории падающей валюты те факторы падения валюты, которые являются, так сказать, внешними для всего этого процесса. Мы употребляем это слово внешний условно, в том смысле, что эти факторы не вытекают из самого процесса падения, а действуют на него как объективное начало, которое имеет свои корни не в самом обращении, а во всей хозяйственной и политической обстановке страны.

Допустим, какая-либо страна вступает в период войны. Война, с одной стороны, приводит к расстройству промышленной деятельности, уменьшая количество рабочей силы, занятой в производстве, ухудшая ее квалификацию и создавая затруднения в смысле снабжения промышленности сырьем, особенно импортным сырьем, и т. д. С другой стороны, правительство страны ввиду колоссальных военных расходов вынуждено, допустим, прибегать к огромным выпускам бумажных денег. Эти два фактора—распад хозяйства и сокращение емкости товарооборота, с одной стороны, огромные бумажноденежные эмиссии, с другой, превращают валюту страны в падающую валюту. После того как валюта уже находится в состоянии падения, здесь наступает целый ряд явлений, которые вытекают из самого факта падения. С фактом этого падения связано: сокращение, а потом прекращение накопления, резкое увеличение быстроты оборота денег, превращение торговли в спекуляцию и т. д. В теории падающей валюты мы исследуем все эти явления. Когда мы пытаемся объяснить причины того, почему курс валюты падает с той или иной быстротой, мы тогда вынуждены принимать во внимание и сокращение денежного товарооборота, и размер эмиссий, и прекращение накопления, и темп быстроты оборота денег, и отмирание кредита, и безденежные расчеты, и т. д.

Но при учете действия всех этих факторов мы все время должны проводить различие между факторами основными, под действием которых вся валюта покатилась вниз, и факторами

производного характера, которые появляются лишь в результате начавшегося падения. Эти первые основные факторы падения валюты есть бумажноденежные эмиссии и сокращение товарооборота. Они приводят валюту к падению, но они же могут привести и к ее восстановлению. В данном случае в отношении бумажноденежных эмиссий это нужно понимать в том смысле, что эти эмиссии прекращаются (либо проводится политика дефляции) и следовательно этот основной фактор падения валюты перестает действовать. В отношении емкости товарооборота это означает, что под влиянием тех или других причин емкость товарооборота увеличивается и таким образом процесс падения валюты задерживается по причинам, лежащим за пределами самого денежного обращения. Хотя в теории падающей валюты мы все время должны учитывать и размеры денежных эмиссий с их влиянием на курс денег и емкость товарооборота наряду с другими факторами производного характера, тем не менее мы не исследуем вопрос о том, почему данная страна, находящаяся в состоянии войны, оказалась с бюджетным дефицитом и каковы его размеры. Мы не исследуем также вопроса о том, почему начал сокращаться денежный товарооборот страны в самом начале процесса падения. И только после того как падение валюты началось и самый факт падения начал оказывать влияние на все процессы, только после того как причина превращается в следствие и следствие в причину, только после этого мы можем рассматривать эти два факта, взятые сами по себе.

Вот в этом-то смысле мы и называем факторы эмиссии и емкости товарооборота факторами основными и, условно говоря, внешними для всей суммы процессов, которые собственно и подлежат анализу в теории падающей валюты. Это разграничение имеет определенный смысл. Причины нарастания бюджетного дефицита государства, исследование вопроса о том, почему государство прибегает в этом случае к эмиссиям бумажных денег, а не к снижению, например, расходов и к резкому увеличению ставок денежных налогов (когда валюта еще не пошатнулась и эффективность этого налогового поступления еще не съедается самим фактором падения),—все эти вопросы, естественно, мы не можем рассматривать в нашем исследовании, потому что они относятся к конкретной экономике. Это точное разграничение объекта нашего исследования, в частности разграничение основных факторов, влияющих на курс бумажных денег, от факторов производных, имеет огромное значение для понимания всей совокупности явлений при падающей валюте. И только правильное разграничение действия этих факторов и всех причин, как и зависимостей, позволяет не только правильно понимать все происходящее, но и делать правильные прогнозы.

Обыкновенно во всех работах, посвященных эмиссионному хозяйству и изучающих явления периода инфляции, это разгра-

ничение не проводится. Вследствие этого даже лучшие работы в этой области представляют собой беспорядочную смесь элементов теории с простым описанием конкретных явлений, в лучшем случае описанием типичных фактов. Мы не намерены делать эту ошибку. Фактических описаний основных явлений падающей валюты в экономической литературе сколько угодно. Наоборот, сколько-нибудь основательно проработанных марксистских исследований теории падающей валюты до сих пор еще нет.

4. ПЕРВАЯ СТАДИЯ ПАДЕНИЯ ВАЛЮТЫ

Первое явление, на котором приходится здесь остановиться, заключается в том, что падающая бумажная валюта превращается в единственную валюту страны. Это превращение происходит отнюдь не вследствие тех или других декретов государства, объявляющих об обязательном приеме во всех платежах выпущенных государством бумажных денег. Это явление происходит как там, где существуют такие декреты правительства, так и там, где проводится лишь фактическое прекращение размена. В этот период все полноценные золотые и серебряные деньги обыкновенно исчезают из обращения. Они исчезают из обращения не только потому, что казначейства и центральные банки принимают металлические деньги, но не выпускают обратно их из своих касс. Это бегство металлических денег из обращения происходит и независимо от этих операций. Еще английский банкир Грэшем, отметивший это явление в условиях денежного обращения того периода, когда еще не существовало бумажных денег и когда в обращении наравне с полноценными металлическими деньгами были неполноценные деньги с разным металлическим содержанием монеты, формулировал свое известное положение, которое называется в теории денежного обращения обычно «законом Грэшема». Это положение гласит, что худшие деньги вытесняют из обращения лучшие деньги. Грэшем не мог как следует объяснить теоретически причины этого установленного им факта. Но соответствующее явление мы замечаем и в периоды перехода к падающей валюте. Причина этого явления для нас совершенно ясна. Если падающие бумажные деньги отрываются в своей покупательной способности от их золотого основания, то при покупке товаров, либо при выполнении своих обязательств по платежам и т. д. каждый владелец полноценных металлических денег уплачивает по реальной стоимости денег всегда бо́льшую сумму, чем тот, который платит бумажными деньгами. Если бумажные деньги пали, допустим, на 20%, но имеют принудительный курс на уровне металлических, то владелец полноценных металлических денег на 20% теряет во всех тех операциях, где он платит свои долги или покупает на рынке товар на 20% дороже обычного. Отсюда естественное стремление к тезаврации металлических денег. Отсюда стремление задержать их на руках, выпуская в обращение лишь там, где можно металлические деньги обменить по реальному курсу бумажных денег, т. е. с учетом происшедшего их падения. В тех случаях, когда все это проис-

ходит в стране, находящейся в условиях торговой связи с мировым хозяйством, вся эта операция имеет тем больше оснований. Мировыми деньгами, деньгами мирового хозяйства является золото. Для выполнения обязательств в международной торговле, для закупок товаров за границей в качестве полноценных денег могут фигурировать лишь золотые деньги. Бумажные деньги— внутренние деньги данной страны. Покупательная способность падающей бумажной валюты за границей определяется, грубо говоря, отношением их покупательной способности к мировому золоту. В данном случае тезаврация металлических денег представляет некоторый выход для тех кругов, которые находятся в торговых отношениях с заграницей. Наконец тезаврация металлических денег, наряду с тезаврацией иностранной твердой валюты и наряду с другими операциями, о которых ниже, представляет собой ту форму, в которой только и возможно теперь денежное накопление, не приводящее к разорению деньгодержателя.

По всей совокупности этих причин в начальный период падающей валюты полноценные металлические деньги уходят из обращения. Мы знаем в данном случае и мы подчеркиваем, что дело идет о полноценных металлических деньгах. Утечка из обращения разменной металлической монеты, как, например, не банкового серебра, а мелкой серебряной монеты, начинается лишь на той стадии обесценения валюты, когда бумажные деньги падают ниже стоимости того количества металла, который заключается в разменной монете. Например, если в разменной серебряной монете имеется лишь 25% серебра, то это значит, что выход их из обращения будет наблюдаться лишь после того, когда бумажные деньги упадут больше, чем в 4 раза.

Утечка всей металлической монеты из обращения приводит к тому, что во всем обращении страны оказывается брешь, которая должна быть как-то заполнена. Выпускаемые в чрезмерном количестве бумажные деньги и заполняют эту брешь. Но здесь возникает один очень важный вопрос, суть которого сводится к следующему. Если, допустим, из обращения утекает на один миллиард металлических денег, то сам факт исчезновения металлических денег расширяет сферу циркуляции бумажных денег и тем самым действует как фактор, способствующий укреплению их курса. При исследовании обстановки падающей валюты и исследовании всех фактов, которые влияют на курс бумажных денег, это обстоятельство всегда должно быть принято во внимание. Между тем не все исследователи фактической истории бумажных денег в разных странах обращают внимание на это обстоятельство. Причина заключается в том, что основные факторы, вызывающие падение бумажных денег, прежде всего огромные бумажноденежные эмиссии, действуют с такой силой, что полностью перекрывают все действие этого противоборствующего падению курса фактора. Тем не менее его ни в коем случае нельзя сбрасывать со счета. Бывали случаи в

истории бумажноденежного обращения, когда этот фактор поддавался некоторому учету. В частности в главе этого исследования, которая посвящена падающей валюте Франции, периода первых двух лет после объявления мировой войны, мы увидим, что этот фактор может оказывать при известных условиях довольно заметное влияние на курс бумажной валюты, а именно как фактор, задерживающий ее падение.

Прежде чем перейти к описанию других явлений, которые наблюдаются в начале падения валюты в денежном обращении и хозяйстве страны, необходимо заметить здесь следующее. Если страна находится на высокой ступени развития капиталистических отношений и имеет развитую систему кредита, если страна находится в оживленных торговых связях с мировым рынком, то даже в начальный период падающей валюты она неизбежно чувствительно реагирует на падение валюты именно в этой сфере отношений, т. е. в области кредита и внешней торговли. Сокращение кредита в этот период совершенно естественно, если вспомнить, что при падающей валюте наступает положение, когда все должники выигрывают и все кредиторы теряют. Банкам приходится немедленно же повышать ссудный процент и учетные ставки, потому что иначе они рискуют потерей капиталов своих клиентов и даже своего основного капитала. Правда, под давлением государства такое повышение ставок и сокращение сроков кредита не происходит сразу в тех пропорциях, в каких это должно было бы иметь место, исходя из размеров падения валюты. В этом случае ссуды под оборотный капитал на срок, исчисляемый месяцами и даже неделями, чрезвычайно невыгодны банковской системе, поскольку заимодавцы возвращают естественно по реальной стоимости не то, что они получили. Если банки, допустим, дают ссуды на ½ млрд. на месяц, то эти ½ млрд. денежных единиц при условии падения валюты хотя бы на 5—10% в течение месяца возвращаются по номиналу в тех же суммах, в каких они взяты, плюс процент. Фактически же банк получает по реальной стоимости значительно меньшую сумму. Если все это еще менее чувствительно для мелких банков, у которых есть много встречных обязательств с центральными банками, то для центрального банка эти потери особенно тяжелы. Как я уже сказал, первая реакция банковской системы на падение валюты заключается в увеличении ссудного процента, который неизбежно отстает от темпа падения валюты.

Второе явление, тесно связанное с первым, заключается в быстром сокращении безденежных расчетов по всей линии платежных отношений в области торговли и промышленности. В это время начинает чем дальше, тем больше практиковаться расчет за наличные. Причина понятна из предыдущего. Если, допустим, оптовый торговец дает в кредит товар в розницу по цене дня заключения сделки, то—если расчет предусмотрен через месяц, два или больше—этот оптовый торговец получает в реальном выражении меньшую сумму за свой товар, чем он стоит на рынке

к моменту уплаты за него его кредитором. Это заставляет и оптового торговца и промышленника повышать цены, не только исходя из уже происшедшего падения валюты, но и учитывая предстоящее ее падение и предстоящее повышение общего товарного индекса. Об этом авансовом повышении цен мы более подробно скажем ниже, в главе о торговле и спекуляции. Во всяком случае здесь в начальный период падения валюты это повышение цен в оптовой торговле и повышение прейскурантских цен в промышленных предприятиях естественно отстает от падения курса валюты и означает систематические убытки и для оптовых торговцев и для промышленников. В целом ряде стран за этот период можно констатировать интересное явление, которое кажется совершенно непонятным с первого взгляда, но которое имеет под собой достаточно глубокие причины. Это явление заключается в том, что рост индекса оптовых цен происходит более быстрым темпом, чем рост индекса розничных цен. Явление это понятно, если вспомнить, что розница торгует товарами, приобретенными раньше, т. е. тогда, когда курс валюты был еще выше, а цены соответственно ниже. При нормальных средних надбавках к оптовым ценам это неизбежно должно приводить к разрыву в темпе роста цен и в оптовой торговле, с одной стороны, и в розничной—с другой. Например, такие явления можно было констатировать на протяжении ряда лет во Франции в период после войны и до стабилизации франка.

Следующее явление, на котором приходится здесь остановиться, заключается в стремлении торговых кругов, связанных с экспортными операциями, усиленно переводить свои денежные резервы в иностранные твердые валюты. При падающей валюте в печати соответствующих стран можно встретить много указаний и жалоб на то, что экспортеры ведут себя недостаточно «патриотично» по отношению к национальной валюте. Они хранят свои денежные резервы в банках стран с твердой валютой. Это явление вполне понятно в рассматриваемых условиях. Экспортеры, которые торгуют со странами твердой валюты и имеют, допустим, денежные резервы в 100 млн. долл., были бы большими простаками, если бы они держали эти резервы в банках своей страны с падающей валютой. Эти 100 млн. долларов при падении валюты даже на 5%—6% в месяц через полгода превратились бы по реальной стоимости в сумму, значительно меньшую. Это уменьшение произошло бы на одну треть и больше. Они заплатили бы в такой форме эмиссионный налог своему государству, а граждане этого разряда, как известно, не любят вообще платить никаких налогов, тем более таких, которых могут избежать. Тот же процесс начинает происходить и внутри страны в форме систематического перехода бумажных денег в твердую иностранную валюту, на которую появляется очень большой спрос внутри страны. Этот спрос значительно превышает обычный спрос на эти валюты при твердой валюте и в условиях нормальной торговли с другими странами. Этот специфический спрос

на инвалюты является тем механизмом, посредством которого инвалюта взгоняется всегда выше индекса внутренних цен.

Совершенно обратное явление происходит по отношению к падающей валюте. Ее начинают не тезаврировать, а выбрасывать в сферу обращения. Если данная страна до начала процесса падения валюты находилась в оживленных отношениях с мировым хозяйством, то валюта этой страны в известных размерах имеется обыкновенно во всех иностранных банках для осуществления разменных операций. Когда начинается падение валюты, то иностранные банки, держатели падающей валюты, не только реагируют на это падение соответствующим снижением курса валюты, но и стараются довести до минимума резервы этой валюты в своих кассах. Так же обстоит дело и с частными лицами. В итоге, уже в начальный период падения валюты, если это падение не носит характера движения малярийной кривой, т. е. если валюта непрерывно катится вниз и задержка ее на руках не имеет никаких перспектив обогатить валютных спекулянтов, то она по различным каналам постепенно вталкивается обратно в ту страну, которой принадлежит. Это явление мы наблюдали и во время падения германской марки и во время падения франка и даже отчасти во время сильного колебания курса английского фунта. Во всех этих случаях твердая иностранная валюта замещает валюту, падающую, оттесняя эти падающие валюты на территории их родины. В отношении Германии здесь наблюдался на короткие сроки ажиотаж с маркой, о чем мы скажем ниже, но эти перерывы были весьма кратковременны. Рассматриваемое явление имеет довольно существенное влияние на курс валюты, поскольку денежная масса страны в этом случае увеличивается не только за счет эмиссий внутри страны, но и за счет притока данной валюты из-за границы. Это является одним из добавочных факторов падения валюты, действие которого на курс бумажных денег иногда удается проследить даже в цифровом выражении.

Очень существенные изменения начинаются в этот период в сфере бумажноденежного накопления. Так как в начальной стадии падения валюта еще не расшатана и все ценовые отношения не поставлены вверх дном, так как в этот период новые факторы, действующие в сфере распределения народного дохода, в частности усиливающаяся спекуляция, создают в известных пунктах довольно значительные накопления денежных резервов, то, казалось бы, это накопление должно было увеличиться и таким образом действовать оздоровляюще на валюту. В действительности это и имеет место в начале падения валюты, в особенности в сфере мелкого производства, мелкой торговли, особенно в деревне. Мелкий производитель воображает, что продает свою продукцию выше стоимости и жадно накопляет «разницу». Наоборот, в той сфере хозяйства, которая наиболее тесно связана с мировым хозяйством, в той части хозяйства, где учет падения валюты специально фиксируется ежедневно в торговом обороте и в расчетах, здесь накопление происходит преиму-

щественно в форме усиления резервов иностранной твердой валюты, металлических денег, вышедших из обращения, металлических слитков, девизов и т. д. Бумажноденежное накопление усиливается в тех кругах, которые являются самыми беззащитными против эмиссионного налога и оказываются наиболее обманутыми и наиболее ограбленными в результате всего этого процесса. Вообще нужно сказать, что если бы какой-либо автор вздумал написать работу по истории человеческой глупости, он должен был бы отвести в этом исследовании специальную главу о всех тех, кто занимался бумажноденежным накоплением в период падающей валюты.

Так как в начальный период наблюдается обилие денег, иногда даже оживление торговли, наблюдается некоторое наличие внешних признаков процветания, то в этот период государству удается довольно удачно размещать внутренние займы, которые оно выпускает параллельно с выпуском бумажных денег. Значительная часть накоплений населения, особенно небогатых его слоев, устремляется на покупку этих обязательств, обыкновенно выпускаемых на условии более щедрого процентирования по сравнению с обычными в данной стране. Так как падение валюты происходит в форме повышения общего индекса цен, в том числе прежде всего индекса сельскохозяйственных, то особенно усердно занимается таким накоплением крестьянство как в форме увеличения наличности своих «земельных» банков, так и в форме увеличения своих вкладов и приобретения займов. Все эти слои крестьянства и все другие слои населения, мало знакомые с финансовыми операциями и сущностью бумажных денег, исходят из иллюзий, что если они продают центнер хлеба, допустим, за 12 бумажных рублей вместо 6 золотых при стабильной валюте, то они делают очень выгодное дело. Когда кончится период падения валюты, когда восстановятся нормальные отношения, на которые все рассчитывают (все, кроме крупных акул, которые знают, в чем тут дело), то они рассчитывают в нормальных условиях реализовать эти 12 рублей по их полной стоимости, т. е., считая в том же хлебе, они будут иметь за центнер проданного теперь хлеба два центнера в будущем.

Вообще можно установить как правило, что чем более экономически отсталой и аграрной является страна, тем меньше реагируют на падение валюты должным образом мелкобуржуазные слои населения.

В период начального падения валюты падение курса денег как правило отстает от размера новых эмиссий. На это обстоятельство влияет целый ряд причин. Первая причина заключается в том, что вошедшие в обращение бумажные деньги должны заместить ушедшие из обращения металлические деньги, следовательно сфера их циркуляции расширяется, о чем мы уже говорили выше. Во-вторых, увеличивается в ряде слоев то бумажноденежное накопление, о котором мы также только что сказали.

В том же направлении влияет и общее повышение золотых цен, если они имеют место. Точно так же фактором, замедляющим падение валюты, является сокращение безденежных расчетов, которые также увеличивают необходимость денежных масс в обращении. Факторами, тянущими валюту вниз, являются в этих условиях прежде всего бумажноденежные эмиссии, приток бумажной валюты из-за границы, а также сокращение внутреннего товарооборота в тех случаях, если таковой имеет место. В общем и целом взаимодействия всех перечисленных здесь факторов приводят к тому, как мы уже сказали, что падение бумажных денег отстает от темпа роста обращения.

Падение курса валюты растет медленнее, чем растут размеры эмиссии еще и по той причине, что в начальный период падения валюты быстрота оборота денег или не изменяется вовсе, или же эта быстрота увеличивается на весьма ничтожный процент. Вообще нужно сказать, что в начальный период падения этот фактор не приходится еще принимать во внимание в числе тех факторов, которые влияют либо на понижение этого фактора, либо действуют на него сдерживающим образом. О сокрушительном действии этого фактора увеличения быстроты оборота денег на все обращение мы скажем, когда будем исследовать весь процесс на следующем этапе.

Это обстоятельство имеет двоякие последствия. Первое последствие заключается в том, что реальная стоимость всего обращения, т. е. весь номинал обращения, деленный на золотую стоимость бумажных денег, обыкновенно оказывается если не больше стоимости обращения в период до инфляции, то во всяком случае не на много меньше. Второй результат оказывается очень выгодным для эмитирующих инстанций, т. е. прежде всего для государства. Последнее убеждается в том, что бумажноденежные эмиссии в этот период дают ему колоссальные доходы, о которых оно с грустью вспоминает на последней стадии падения валюты. Если, допустим, в обращение выпускается миллиард денежных знаков на протяжении полгода, то при падении валюты в два раза государство получает в свой бюджет сумму, равную полмиллиарду в золотом исчислении, минус те потери, которые оно имеет на падении реальной стоимости денежных налогов.

Если мы поставим вопрос, как обстоит дело в этот период с различными функциями денег, то мы придем к следующим выводам.

Бумажные деньги как средство обращения выполняют эту функцию в полном объеме. Больше того: они являются уже единственным средством обращения, поскольку металлические деньги уже исчезли из обращения и банкноты переродились в бумажные деньги.

Что касается денег в их роли средств платежа, то здесь мы замечаем двойственный процесс. С одной стороны, функция денег как средство платежа в ее наиболее развитой форме, т. е. в форме

кредитного обращения, претерпевает значительный ущерб. Этот ущерб заключается не только в том, что банкнотное обращение заменяется бумажноденежным даже в естественной сфере кредитного обращения, но и в том, как мы видели, что вся система кредита начинает испытывать явление перерождения и упадка. Что же касается функции средства платежа в ее наиболее примитивной форме, в форме, например, платежа по налогам и т. д., то эта функция еще остается, хотя эффективность налогов для государства в это время естественно сокращается. Так как весь процесс падения валюты находится еще в начальной стадии, то государство еще не приспособляется к нему путем введения новых налогов, либо путем увеличения ставки существующих, поскольку эти непопулярные меры вообще очень трудно бывает провести.

Что касается функции денег как средства накопления, то мы уже видели выше, как здесь обстоит дело. Эта функция еще не отмирает и даже переживает известный предсмертный расцвет на определенных участках хозяйственного поля. Наоборот, в сфере международной торговли, оптовой торговли и т. д. бумажноденежное накопление уже начинает сжиматься, либо совсем прекращается.

Условия падающей валюты создают обстановку, когда происходят очень резкие сдвиги в распределении всего народного дохода страны. Бумажноденежные эмиссии государства означают огромное увеличение доходов государства, идущего здесь по линии наименьшего сопротивления. Совершенно очевидно, что кто-то должен за все это платить. С одной стороны, уже в начальный период падения валюты замечается ажиотаж, рост спекуляции, появление новых богачей, шиберов, как их называют по-немецки, а с другой стороны, слышатся жалобы на убытки и на плохие дела в других кругах буржуазии. Массовые банкротства еще не происходят, но уже для многих угроза банкротства висит в воздухе.

Присмотримся ближе, как обстоит дело с распределением народного дохода среди различных слоев населения после начала падения валюты.

Первыми жертвами падающей валюты уже в самый начальный период являются трудовые массы, живущие за счет зарплаты. Рабочие обыкновенно получают в период падения валюты примерно ту же зарплату, которую они получали в эпоху стабильной валюты. Их реальная зарплата в этот период автоматически снижается, причем они не сразу замечают, насколько энергично уже залезает в их карман выпускающее бумажные деньги государство. Неизбежность снижения зарплаты при падающей валюте и причины этого снижения можно видеть также из того явления, на котором останавливается Маркс в своем письме к Энгельсу, говоря о росте золотых цен, следовательно о понижении покупательной способности золота. Он писал на эту тему следующее: «Если в случае падения стоимости денег цена рабочей силы повышается не в такой же пропорции, то тем самым она падает,

уровень прибавочной стоимости повышается и, при прочих равных условиях, повышается и норма прибыли. Это повышение нормы прибыли, пока колебание вниз ценности денег продолжается, связано с простым падением заработной платы, а это падение связано с тем обстоятельством, что изменение уровня заработной платы лишь медленно приспособляется к изменению стоимости денег»[1].

В начальный период падения валюты происходят совершенно такие же процессы и по тем же причинам. Автоматическое снижение реальной зарплаты делается скоро весьма чувствительным для рабочего бюджета, но рабочие массы не сразу реагируют на рост цен путем стачечной борьбы с целью повышения номинала зарплаты. В итоге рабочий систематически теряет на росте цен и на всех явлениях инфляции. Правда, в экспортных индустриях, которые испытывают в этот период значительное оживление по причинам, о которых мы скажем ниже, предприниматели легче соглашаются на повышение зарплаты. Но это не меняет общей картины. Процесс снижения зарплаты в этот период может быть задержан еще и потому, что когда рост бумажно-денежных эмиссий происходит в обстановке начавшейся войны, т. е. в обстановке, когда благодаря мобилизации количество рабочих уменьшается, а спрос на рабочую силу для военной промышленности увеличивается, государство само бывает вынуждено повышать зарплату.

Совершенно то же явление происходит со всеми служащими государства и частных учреждений, особенно со служащими государства, которое обычно очень скупо повышает номинал жалования своим служащим. Третьей жертвой эмиссионных налогов являются все держатели бумажноденежного накопления, и прежде всего мелкие держатели. О крупных держателях мы говорили выше: они первые стараются ускользнуть из-под действия эмиссионного налога, имея для этого достаточное количество возможностей. Наоборот, мелкие держатели продолжают питать веру в валюту страны, они не выбирают обратно своих вкладов из сберегательных касс и других кредитных учреждений, имеющих пассивные операции, в результате чего их сбережения систематически съедаются под действием усиливающегося падения валюты.

Далее жертвами эмиссионного налога являются не только все так называемые получатели фиксированного дохода, например рантье, держатели облигаций государственных займов и вообще бумаг с твердой доходностью, но жертвами инфляции оказываются и все кредиторы, если только они не являются в соответственной пропорции должниками. Причины этого явления совершенно понятны. Каждый кредитор при существовании падающей бумажной валюты с принудительным курсом юридически обязан получать платеж и по своим обязательствам в номинале данной валюты. Следовательно он теряет по реальной стоимости получаемого

[1] «Briefwechsel», Stutgart, B. IV, S. 37.

на весь процент уже происшедшего падения валюты. Наоборот, все должники выигрывают, особенно должники ипотечных банков. Если допустим, какое-нибудь имение заложено в ипотечном банке на сумму в 10 тыс. руб. или марок, то с падением валюты вдвое ипотечная задолженность также списывается вдвое.

Я не останавливаюсь более подробно на выяснении этой стороны вопроса, поскольку он достаточно выяснен во всей литературе, касающейся вопросов инфляционного хозяйства.

Наконец в качестве счастливцев оказываются в этот период все те слои торгово-промышленной буржуазии и валютных спекулянтов, которые во-время схватывают сущность происходящих процессов и строят все свои операции на том, что между реальными ценностями, как товар, недвижимость и пр., и между курсом бумажных денег происходит систематически углубляющийся разрыв. В мою задачу не входит перечисление всех операций, которыми занимаются эти элементы, поскольку эта сторона дела, относящаяся прежде всего к описательной стороне процесса, также достаточно освещена соответствующей литературой.

В заключение приходится только сказать еще несколько слов о психологии населения в начальный период инфляции. Как известно, человеческая психология реагирует всегда с большим опозданием на новые хозяйственные процессы. Она является весьма консервативным фактором и в данном случае. Несмотря на то, что падение валюты уже началось, в массах еще продолжает царить полное доверие к падающей валюте. Это сказывается в том, что рабочие еще попрежнему продолжают тратить свою зарплату в те сроки, в какие они привыкли тратить ее в нормальных условиях. Вкладчики, как мы видели, не выбирают своих вкладов из касс. Крестьянские массы не только не приостанавливают денежного накопления, но, наоборот, увлекаются им. Даже в торговле, особенно в мелочной, повышение цен отстает от темпа падения валюты, хотя уже начинается всеобщее обвинение торговцев в спекуляции. В ряде стран с падающей валютой можно было наблюдать такие явления, когда в одном и том же магазине на один и тот же товар имелась разная расценка. Товары, купленные по старым ценам, продавались по старым ценам плюс обычная надбавка. Рядом же товар совершенно того же качества, но купленный в более поздний период, продавался по цене, повышенной в связи с повышением оптовых цен. Но здесь еще самый процесс падения валюты уже более или менее фотографируется на этой разнице цен на один и тот же товар. Гораздо более затушеванным оказывается весь процесс в тех случаях, когда дело идет о продаже товаров, запас которых возобновляется не все время, а на протяжении очень длительного промежутка времени. Здесь переоценка происходит гораздо позже. Вследствие этого в эпоху начального падения валюты можно наблюдать значительное расхождение цен между различными товарами, в сравнении с доинфляционным периодом и отнюдь не по причинам, связанным с изменением в условиях их производства. Такие явления в

области торговли еще больше укрепляют население в убеждении, что падение валюты не является длительным процессом и что скоро возможна нормализация всех отношений. Вот эта консервативность человеческой психологии наряду с рядом мероприятий государства, направленных к поддержанию веры населения в бумажную валюту, содействует тому, что ограбление населения эмиссионным налогом не только не встречает резкого противодействия, но очень слабо фиксируется в сознании населения вообще. Правда, в это время начинаются жалобы и даже вопли против спекуляции, против роста цен на важнейшие предметы потребления. Однако, как мы увидим ниже, система торговли, особенно розничной торговли, либо идет в деле ценообразования в ногу с падением валюты и ростом оптовых цен, представляющих для нее совершенно внешний—объективный фактор, либо рост розничных цен отстает от роста оптовых, и уже в этот период начинается постепенное съедание основного капитала торгового оборота, подготовляющего на втором этапе ряд массовых банкротств.

5. В РАЗГАР ПАДЕНИЯ И ПЕРЕД КРАХОМ

Теперь мы перейдем к рассмотрению динамики всех явлений падающей валюты в период быстрого ускорения всего процесса. Основными причинами дальнейшего падения валюты являются обыкновенно денежные эмиссии, с одной стороны, и сокращение товарооборота—с другой. Эти явления могут наступать и при таком взаимодействии факторов, когда денежный товарооборот не сокращается и даже увеличивается, но новые бумажные денежные эмиссии так велики, что перекрывают все оздоровляющее действие на валюту растущего товарооборота. Экспериментальных примеров такого рода мы имеем достаточно. Мы можем хотя бы указать на экономику Франции в первые годы после войны, а также на период падения немецкой марки после заключения Версальского мира. В этих странах хозяйство восстанавливалось, емкость товарооборота увеличивалась, но рост эмиссий и неблагоприятное положение с расчетным балансом страны оказывало настолько сильное действие на валюту, что курс бумажных денег этих стран шел по наклонной плоскости: медленно во Франции, с огромной быстротой в Германии.

В этих условиях, если государство имеет бюджетный дефицит, стремление покрывать его путем новых денежных эмиссий, при неизбежно сокращающейся общей стоимости обращения, делает эти эмиссии все меньше и меньше эффективными, а, следовательно, делает необходимым всемерное их усиление, что ухудшает положение, как со стороны курса валюты, так и со стороны доходного бюджета страны.

В разгар падения валюты прежде всего резко сокращается, а потом прекращается накопление в бумажноденежной форме. Это исчезновение стимулов к накоплению ведет к тому, что среди населения пропадает всякая охота заботиться о сбережениях для будущего своих средств, а также собирать средства для каких-либо ценных покупок. Причина вполне понятная, если вспомнить, что тысячи рублей, марок или франков, которые находятся в руках у человека в данный период, каждый день теряют свою реальную покупательную способность, а поэтому налицо все экономические основания отделываться от бумажных денег как можно скорее. Этот рост потребительских настроений буржуазная печать приписывает обыкновенно расточительности и распущенности трудящихся масс. Между тем сама буржуазия делает все возможное для того, чтобы избежать эмиссионного налога и как можно меньше задерживает в своих руках бумажные деньги.

Выше мы уже говорили, что даже в начале падения валюты и торговцы, и промышленники, и рантье всячески стремятся превратить денежную форму своего капитала в товарную форму и тем самым укрыть его от катастрофически быстрого обесценивания.

Как этот процесс развертывается в торговле, об этом более подробно мы будем говорить ниже. Здесь мы отметим только одно интересное явление, которое обыкновенно констатирует вся печать во всех странах с падающей валютой. Это явление заключается в огромном спросе с известного момента на так называемые твердые ценности, в том числе в огромном спросе на недвижимость. Здесь мы должны отметить два различных момента в ценообразовании по отношению к иностранной валюте, драгоценностям и недвижимости. Мы должны различать здесь две разные вещи: с одной стороны, систематическую переоценку всех этих товаров по курсу дня валюты, а с другой стороны, возрастание цен на эти объекты за пределы уровня, измеряемого общим индексом всех цен.

Первый процесс совершенно понятен. Если, допустим, какой-нибудь дом стоил в условиях падающей валюты 100 тыс. руб., марок, франков и т. д., то при падении валюты в два раза он должен, естественно, стоить в два раза дороже в бумажных деньгах, т. е. в нашем примере должен стоить 200 тыс. руб., марок и т. д. В этой переоценке как раз и сказывается тот факт, что сами по себе бумажные деньги не находятся в прямом отношении с товарными ценностями, что они представляют только цену товаров, выражаемую предварительно в золоте. Если валюта в золотом исчислении пала в 2 раза, то ясно, что все эти ценности будут стоить в бумажных деньгах в 2 раза больше. Правда, на начальной стадии всего процесса здесь замечается скорее отставание по части таких переоценок. Это вполне понятно, поскольку мы имеем перед собой лишь наличие известных тенденций, а не такие явления, которые поддаются в каждый данный момент точному измерению в цифровом выражении.

Наоборот, когда темп падения валюты достигает уже большой быстроты, стремление укрыть капитал, имеющийся в денежной форме, путем превращения его в товарные ценности, вызывает такой огромный напор со стороны покупателей этих ценностей, что на этом участке товарного рынка создается резкое превышение спроса над предложением. Вот это-то превышение спроса над предложением и приводит к тому, что в этой области происходит не только переоценка всех товарных ценностей по курсу дня валюты, а происходит и дополнительное повышение золотых цен на недвижимость, драгоценности и т. д., вследствие чего на этом участке экономического поля валюта начинает падать быстрее, чем во всем товарообороте, взятом в его целом.

Особенно заметна эта погоня за твердой иностранной валютой в тех странах, которые продолжают поддерживать активную связь с другими странами мирового хозяйства. Представим себе

на минуту торговое предприятие Германии периода падения марки, например какой-нибудь универсальный магазин, как Вертхейм и т. д. Вся кассовая выручка этого предприятия, скопившаяся на протяжении дня, имеет по курсу марки данного дня одну ценность, а завтра будет иметь уже другую, сниженную ценность. Естественно, что это предприятие стремится ту часть денежного капитала, которую можно превратить в иностранную валюту, обменить на твердую валюту и тем спасти от падения ее хотя бы на короткий срок, за исключением сумм, которые нужны для платежей в бумажноденежной валюте в тот же день. Но в таком положении находятся все, кто вынужден иметь на руках большие денежные резервы хотя бы на протяжении короткого срока. Естественно, что это давление на рынке иностранной твердой валюты взгоняет доллар, фунт и т. д. на уровень, который превышает темп падения бумажных денег, если исходить из всего товарного индекса внутри страны. С другой стороны, здесь перед нами та форма, в которой вообще происходит приспособление курса валюты к так называемому теоретическому золотому минимуму обращения.

В предыдущей главе, в которой мы говорим о явлениях, имеющих место в начале падения валюты, мы исключили из исследования фактор быстроты оборота денег. Мы исключили этот фактор по той причине, что в начальной стадии падения быстрота оборота денег не изменяется существенно в сравнении с периодом твердой валюты. Это тем более так, что в этот начальный период действует ряд противоборствующих тенденций. Положение в корне меняется, когда валюта находится уже в разгаре быстрого падения. В это время быстрота оборота денег резко увеличивается.

Некоторые исследователи считают теоретически неправильным рассматривать быстроту оборота денег отдельно от быстроты оборота товаров, а потому склонны отрицать самостоятельное действие этого факта. Они рассуждают таким образом. Если деньги обращаются быстро, значит и товары обращаются быстро. Следовательно надо говорить не о влиянии на валюту быстроты оборота денег, а о влиянии на нее более ускоренного товарного обращения. Это соображение является неправильным. В условиях падающей валюты мы наблюдаем, разумеется, в отдельных случаях и увеличение быстроты оборота товаров, но гораздо чаще мы встречаемся с фактами обратного порядка. Об этом более подробно мы скажем ниже, а здесь лишь иллюстрируем нашу мысль таким примером. Если торговое предприятие продало партию товара и приобрело новую партию, то оно максимально заинтересовано в том, чтобы эта новая партия была продана тогда, когда уже гарантирована возможность в кратчайший срок вырученные деньги реализовать на покупку новой партии товара. В этом случае торговое предприятие, имеющее часть своего капитала в бумажноденежной форме, платит эмиссионный налог в минимальном размере. Но

если предприятие не имеет шансов немедленно купить новый товар, то оно естественно будет задерживать продажу имеющегося товара, а следовательно стремление избежать эмиссионного налога, т. е. сама обстановка падающей валюты принуждает в данном случае не к ускорению товарного обращения, а к задержке капитала в товарной форме, т. е. к замедлению товарного обращения, что и констатируется всюду в описываемом нами периоде и вызывает яростные нападки на торгующих и обвинение их в спекуляции.

Но мы можем иллюстрировать быстрый оборот денег и всеобщую деньгобоязнь, которая наступает в рассматриваемую эпоху, и на другом примере, на примере из среды потребительских закупок.

Мы уже мельком говорили выше, что в начальный период падения валюты рабочие и служащие реализуют свою зарплату и жалование приблизительно в те сроки и в таком темпе, как они привыкли это обычно делать при устойчивых деньгах. Наоборот, при быстром падении валюты положение коренным образом меняется. Это изменение положения наступает, правда, не сразу, оно наступает постепенно. Но когда оно уже наступило, здесь можно констатировать всю серьезность происшедших изменений в этой сфере денежной циркуляции. Если рабочий получает, допустим, полумесячную зарплату в размере 50 руб., 100 марок, и т. д., считая в золотом исчислении, то когда валюта падает, допустим, на 10% на протяжении месяца, рабочий имеет все основания реализовать свою зарплату в самый день получки. Он тогда приобретает товаров на всю сумму полученных им денежных единиц в золотом исчислении. Наоборот, если он растягивает реализацию зарплаты на обычный срок, то каждый день он теряет определенный процент из своей зарплаты вследствие падения валюты и тем самым систематически выплачивает эмиссионный налог государству, т. е. фактически сокращает свое потребление. Если взять крайний пример, а именно, что рабочий основные покупки производит к концу половины месяца, т. е. тогда, когда цена уже поднялась на 10%, то он теряет 10% своей зарплаты.

Так обстоит дело уже в обстановке сравнительно еще медленного падения. Из практики мы знаем, что когда валюта приближается к катастрофе и ее покупательная способность падает с гораздо большей быстротой, потери рабочих и служащих достигают в этих случаях колоссальных размеров. Вот это-то стремление поскорее отделаться от денежной зарплаты и превратить ее в товарную форму приводит к резкому увеличению быстроты оборота денег. Деньги быстро обращаются во всей сфере их циркуляции: и там, где торговец имеет дело со своей денежной выручкой, и там, где промышленник имеет дело с полученным платежом за свою продукцию, и там, где рабочие имеют дело со своей зарплатой или жалованием.

Еще более ярко можно иллюстрировать весь этот процесс на

таких закупках, которые в условиях твердой валюты производятся не из периодических получек, а на основании некоторого накопления. Допустим, рабочему нужно купить пальто. При твердой валюте он откладывает из своей получки каждый раз какую-нибудь сумму и, допустим, через полгода он в состоянии осуществить покупку. Совсем иная картина получается здесь при падающей валюте. Если при падении валюты в два раза на протяжении месяца он откладывает, допустим, на покупку вещи, стоящей 50—60 руб. в золотом исчислении, по 10 руб. ежемесячно, то эти откладываемые деньги непрерывно падают в своей стоимости, и ему никогда не удастся осуществить свою покупку. Отложенные в первые месяцы 10 руб. к моменту покупки превращаются в полтора-два рубля. Деньги, отложенные в следующий месяц, хотя потеряют меньше ценности, но точно так же и здесь потеря будет огромной. В период катастрофического падения валюты можно даже представить себе такое положение, когда сумма, откладываемая на покупку ценной вещи, будет не возрастать, а уменьшаться—тем более, чем ближе будет приближаться момент покупки. Естественно, что и рабочий и служащий совершенно иначе строят свой бюджет в условиях падающей валюты. Они вынуждены совершенно отказываться от таких более ценных покупок, если они не могут сделать их сразу, непосредственно после получения жалования. Это тем более так, что в такие периоды покупки в кредит совершенно приостанавливаются по причинам, которые мы осветили выше, а именно вследствие того, что при падающей валюте все должники выигрывают, а все кредиторы теряют. В рассматриваемый нами период торговля перерождается в спекуляцию, промышленность разваливается, потому что она не в состоянии спасти от растраты свой капитал, пока не начнет исходить из золотого исчисления как при покупке сырья, так и при продаже готовой продукции. В этот период происходит постепенная натурализация всех товарообменных отношений.

Все отношения тогда становятся вверх дном. Если в нормальных условиях торговец заинтересован как можно больше продать и как можно быстрее продать, то теперь он связан теми ограничивающими условиями, о которых мы уже говорили выше. Если в нормальных условиях промышленник заинтересован в том, чтобы с максимальной быстротой сдать продукцию и реализовать ее, то он точно так же ограничен условиями получения сырья и все время должен заботиться о спасении от обесценения своего основного и оборотного капитала. С другой стороны, и мелкий производитель, теряя систематически на падающей валюте, точно так же максимально сближает сроки между продажей и покупкой. Обращающиеся и быстро падающие бумажные деньги напоминают горячие уголья, которые никто долго не желает и не может держать на руках и пытается сбросить их.

Из явлений этого периода нам приходится остановиться особенно на так называемом валютном дэмпинге. Если взять внеш-

нюю сторону явления, то она заключается в том, что страна с падающей валютой имеет возможность продавать свои товары на внешнем рынке дешевле, чем страна с твердой валютой, т. е. она является более конкурентоспособной не вследствие каких-либо изменений или улучшений в области техники производства, а вследствие всей обстановки падающей валюты. Об этом явлении очень много писалось после войны. Были приняты специальные меры таможенного характера против ввоза дешевых товаров. Этим вопросом занимались Лига наций и целый ряд других организаций как политических, так и экономических. Однако сущность этого явления не была в достаточной степени освещена в теоретической литературе.

Сущность же этого явления заключается в разрыве золотых цен страны с падающей валютой в сравнении с ценами мирового рынка. Этот разрыв цен происходит как вследствие неправильной калькуляции амортизационных отчислений, так и в особенности вследствие того, что в странах с падающей валютой наблюдается систематическое снижение заработной платы, и цена рабочей силы резко отрывается от ценности рабочей силы, что позволяет промышленникам получать более дешевую продукцию по сравнению со странами с твердой валютой и выбрасывать ее на внешний рынок по более низким ценам. Буржуазные экономисты, констатируя это явление, обыкновенно приходят к выводу, что твердая и высокая валюта является фактором, задерживающим экспорт, а низко падающая валюта является фактором, стимулирующим экспорт. Это утверждение лишь правильно описывает факт, но не объясняет его.

Этот разрыв золотых цен можно проследить хотя бы на следующей таблице, которую мы приводим в отношении индекса золотых цен ряда стран за период после войны:

Годы	США	Англия	Италия	Франция	Бельгия	Польша	Германия
1913—1914	100	100	100	100	100	100	100
1920	226	231	160	185	—	—	102
1921	143	156	128	133	141	—	86
1922	149	144	138	138	146	43	83
1923	154	149	137	133	134	86	95
1924	150	151	132	133	137	110	137
1925	158	159	142	134	138	126	142
1926	151	148	144	118	120	96	134

Эта таблица так выразительна, что к ней нечего больше прибавлять. Все страны с падающей валютой, особенно Германия, Польша и Франция с момента наименьшего падения франка, т. е.

в 1926 г., показывают резкий разрыв внутренних золотых цен от золотых цен стран с твердой валютой.

Экономические причины этого явления, следовательно, совершенно очевидны. Если страна живет в условиях падающей валюты, если все ее работники не дополучают по зарплате на всех ступенях производственного процесса и в сфере так называемых услуг, то, естественно, что условия ценообразования складываются иначе, чем в странах с твердой валютой. Это различие достигает наибольшей степени в тех экспортных индустриях, которые работают на собственном внутреннем сырье. Разрыв цен меньше в тех отраслях промышленности, которые работают на сырье, закупленном в странах с твердой валютой. В этом случае продажная цена товара отчасти уже лимитирована со стороны сырья, и снижение цен против средних цен мирового хозяйства достигается главным образом за счет снижения зарплаты при переработке импортного сырья, а также благодаря уменьшению транспортных расходов, поскольку и транспорт страны с падающей валютой также не доплачивает по зарплате всем своим работникам, а также обычно не воспроизводят, на основе правильных амортизационных отчислений, своего основного капитала.

Здесь перед нами процесс распродажи по дешевке рабочей силы пролетариата стран с падающей валютой, каковая операция принимает форму распродажи по дешевым ценам ее экспортной продукции. В тех случаях, когда мы имеем здесь перед собою проедание основного капитала страны, этот разрыв цен может быть еще более значителен, а следовательно, валютный дэмпинг еще более неприятен для конкурирующих стран с твердой валютой. Ниже мы еще вернемся к этому вопросу, но в другой связи, потому что правильная постановка и решение этого вопроса имеют огромное значение для решения проблемы о том, как золото может оставаться мерилом ценности и при падающей валюте.

Следующий интересный факт, который нужно здесь осветить и который наблюдается в рассматриваемый период, заключается в феномене так называемого денежного голода. Это парадоксальное явление констатируется решительно во всех странах с падающей валютой. Валюта падает вследствие огромного выпуска бумажных денег, а в то же время все жалуются на денежный голод. В чем здесь дело?

Проблема решается очень просто, если мы присмотримся к динамике реальной, т. е. золотой, стоимости обращения в странах с падающей валютой. Золотая стоимость обращения в этих странах под действием ряда факторов—быстроты оборота денег, сокращения накопления, отмирания функции денег как средства платежа и т. д.—падает с катастрофической быстротой. Это падение тем быстрее, чем успешнее население приспособляется к условиям падающей валюты, чем удачнее удается ему избежать эмиссионного налога. Но так как денежный товарооборот страны

держится на определенном уровне, потому что удовлетворение общественных потребностей при системе товарного хозяйства требует и определенного уровня производства и определенного уровня товарного обращения, то резкое снижение золотой стоимости обращения оказывается в противоречии с потребностями самого товарообращения.

Этот денежный голод особенно обостряется там, где начинается так называемое авансовое повышение цен в торговле, сущность которого мы рассмотрим ниже в главе о торговле и спекуляции. В общем и целом резкое снижение золотой стоимости обращения, с темпом падения которого читатель познакомится в главе, посвященной Германии Франции и России, достигает таких размеров, что обращение напоминает костюм ребенка, который хотят напялить взрослому. Этот денежный голод особенно обостряется к периоду замедления или прекращения падения валюты, и тогда он может превратиться в серьезнейшую преграду для всего процесса товарного обращения.

Из предыдущего ясно, что в разгар падения валюты все факторы, которые противодействовали раньше этому падению, прекращают свое действие и, наоборот, чрезвычайно усиливается быстрота оборота денег и катастрофически гонит курс валюты вниз. На примере ряда стран можно статистически установить, что в этот период курс денег падает быстрее темпа эмиссии. Мы иллюстрируем это явление ниже на примере валют трех стран. Но мы могли бы подтвердить правильность этого положения на любой стране с падающей валютой, если только ее бумажные деньги перешли во вторую фазу падения, когда весь процесс развертывается с большой быстротой.

Это расхождение в темпах, если не целиком, то в основной его части, происходит главным образом за счет увеличения быстроты оборота денег. Этот последний фактор, вообще трудно поддающийся статистическому учету и цифровому выражению, фотографируется в такие моменты с очень большой отчетливостью. Мы уже говорили выше о падении золотой стоимости обращения в этот период до самых последних пределов, до того, что эта стоимость обращения имеет тенденцию падать ниже потребности товарного обращения. Естественно, что в такой обстановке каждый новый выпуск бумажных денег представляет собой ведро, которое зачерпывает все меньше и меньше реальных ценностей из обращения, катастрофически приближаясь к тому моменту, когда расход на бумагу и на печатание бумажных денег начинает приближаться к стоимости получаемого таким образом эмиссионного налога.

Если перебрать основные функции денег за этот период, не говоря о функции мерила ценности, каковым качеством бумажные деньги не обладают уже с самого начала, то здесь мы имеем перед собой следующую картину. Функция денег как средство накопления совершенно отмирает. Функция денег как средство

платежа должна отмирать в это время с катастрофической быстротой.

Здесь нужно, однако, провести то разграничение, которое мы уже наметили отчасти выше.

В первую голову отмирает кредитное обращение и затем и вся система кредита в целом. Это отмирание происходит следующим образом. Если в начальный период падения валюты банковская система делает попытку приспособиться к создавшейся ситуации путем увеличения ссудного процента, то теперь эта операция делается все более и более безнадежной. В самом деле: если банк дает, допустим, краткосрочную ссуду сроком на три месяца в сумме один миллион марок в золотом исчислении и если на протяжении 3 месяцев валюта падает в 10 раз, то банк должен получить обратно ссуду, которая будет равна в ее реальной стоимости не миллиону, а 100 тыс. марок. Иными словами, на этой операции банк теряет $^{9}/_{10}$ своего капитала. Если в первое время он хочет компенсировать падение валюты повышением процента, то теперь такое повышение делается совершенно немыслимым, потому что процент должен во много раз превышать в абсолютных цифрах ссужаемый капитал. Банки пытаются выйти из затруднения путем перехода к различным формам золотого исчисления, но это обыкновенно является нарушением государственного законодательства о принудительном курсе бумажных денег. К этому прибавляется еще и то затруднение, что в рассматриваемый период «поумневшее» население забирает все свои вклады из сберегательных касс, торгово-промышленные предприятия и другие клиенты банков сводят к минимуму текущие счета, и таким образом банковская система теряет ту естественную финансовую базу, на которой строятся ее операции, если не считать систематических субсидий государственного казначейства в той же падающей валюте.

Что касается той функции средства платежа, которая относится к сфере расчетов государства с населением, то и эта функция теперь отмирает, хотя и на более глубокой ступени всего процесса падения. Если валюта падает несколько раз на протяжении полугода, то государство не дополучает колоссальных сумм по налогам и после попытки приспособиться к этой ситуации в форме пересмотра ставки налогов в сторону их увеличения, оно в конце концов машет рукой на все дело взимания денежных налогов, поскольку этот источник также быстро исчерпывает себя.

В итоге деньги продолжают выполнять кое-как только одну единственную функцию, которая за ними остается в это время и которая их исторически породила, а именно они еще продолжают кое-как держаться на функции средства обращения. Когда же начинается натурализация товарооборота, когда бумажные деньги отказываются служить и на этой своей функции, когда валюта начинает падать не только на протяжении месяца, не только на протяжении дня, но и падет на протяжении нескольких часов, то тогда ничто уже не может остановить ее от неизбежного краха.

Этот крах наступает либо как стихийная катастрофа, к которой не подготовились, либо государство уже некоторое время сознательно ведет свою валюту к краху, подготовляя ей соответствующего заместителя.

Так развертывается весь процесс, если валюта идет к своему краху по нисходящей кривой, без перерывов. Но в истории бумажноденежного обращения бывали и такие примеры, что падение валюты, которое в конечном счете кончалось крахом валюты либо денежной реформой, ликвидирующей данную валюту, на протяжении процесса, происходили известные перерывы в этом падении, известные моменты временной стабилизации и даже иногда периоды временного подъема валюты. Мы имеем несколько примеров этого, на которых здесь остановимся в двух словах.

Первый интересный пример относится к ассигнатам Великой французской революции. Эти ассигнаты начали выпускаться с с 1789 г., и к 1 августа 1793 г. их имелось уже в обращении 3 775 846 тыс. при курсе, равном 22%, считая в серебряных ливрах.

К 1 августа 1794 г. их имелось в обращении 8 577 705 тыс., т. е. количество их возросло приблизительно в два с половиной раза, в то же время курс их равнялся на этот срок 34% от стоимости серебряного ливра. Это поднятие курса ассигнационного обращения было связано с тем, что территория Французской республики в эпоху террора благодаря победоносным войнам расширилась, а следовательно, и расширилась сфера циркуляции бумажных денег. С другой стороны, революционное правительство Конвента проводило в жизнь знаменитый «максимум», т. е. таксировку цен на важнейшие продукты питания. Под влиянием этих двух причин падение валюты было временно задержано. Но этот перелом оказался очень непрочным, новые эмиссии ассигнатов увеличивались с огромной быстротой и через год, т. е. на 1 августа 1795 г., при общем ассигнационном обращении в 17 466 533 тыс. ливров, курс ассигнатов равнялся уже 3% с небольшим от серебряного ливра. В дальнейшем валюта стремительно покатилась вниз, и, как известно, дело кончилось полным крахом ассигнационного обращения, несмотря на замену ассигнатов так называемыми «территориальными мандатами».

Вторым примером временной приостановки падения валюты, на гораздо большем уровне ее падения, мы имели в Советской Роесии в 1921 г. после перехода на нэп. Летом этого года, несмотря на очень быстрый рост эмиссий, на несколько месяцев установилась некоторая временная стабилизация нашей валюты. Более подробные цифры, относящиеся к этому процессу, читатель найдет в главе, посвященной советской валюте. Главной причиной приостановки падения наших советских денежных знаков в 1921 г. было резкое расширение денежного товарооборота, связанное с восстановлением вольной торговли и с увеличением емкости товарооборота. Этот фактор оказался достаточно сильным, чтобы перекрыть понижательное действие на валюту новых эмиссий. Но точно так же как и во время Французской революции, и у нас

последующий огромный рост количества выпускаемых бумажных денег сорвал эту кратковременную стабилизацию, и дальше уже валюта безудержно катилась вниз вплоть до самого момента денежной реформы всной 1924 г.

Мы можем, наконец, привести в качестве примера аналогичное явление и из истории бумажной германской марки после войны, когда ее курс также временно поднимался на непродолжительный срок (особенно интересен случай задержки падения марки весной 1922 г.).

Эти факты интересны для нас потому, что они обнаруживают действие на падающую валюту тех факторов, которые являются основными в процессе восстановления валюты. В Советской России в 1921 г. в качестве такого основного фактора оздоровления валюты явился рост денежного товарооборота, этот основной первичный фактор всякого восстановления валюты даже при условии продолжения эмиссионного хозяйства.

6. ВОССТАНОВЛЕНИЕ ВАЛЮТЫ

После того как мы рассмотрели все основные процессы, сопровождающие падение валюты, рассмотрим систематически все явления, которые имеют место при восстановлении стабилизации. Выше мы говорили о том, что факторами, замедляющими падение валюты, являются: расширение товарооборота, рост накоплений, уменьшение безденежных расчетов, увеличение золотых цен, расширение действия функции денег как средства платежа, замедление быстроты оборота денег, и, наконец, прекращение эмиссий, а тем более, следовательно, дефляция, т. е. искусственное уменьшение бумажноденежного обращения. Спрашивается теперь, какие из этих факторов могут начать действовать в качестве первичного и основного фактора, способствующего стабилизации валюты.

Нам достаточно перебрать последовательно эти факторы и путем исключения установить те из них, которые могут выступить в роли той силы, которая совершает поворот во всем процессе.

Совершенно очевидно, что при падающей валюте не может быть речи ни о каком расширении бумажноденежного накопления, поскольку оно совершенно прекращается в этот период. Точно так же совершенно очевидно, что никакого значения не может иметь фактор уменьшения безденежных расчетов, поскольку безденежные расчеты при падении валюты и без того сводятся к минимуму. Безденежные расчеты могут уменьшаться или при твердой валюте, или в самом начале падения валюты, следовательно, сокращение этих безденежных расчетов может оказывать свое действие только в этот период. Точно так же и расширение функции денег в качестве средства платежа не может иметь места в рассматриваемой обстановке, поскольку эта функция сведена к самому последнему минимуму, если совершенно не ликвидирована. Таким образом остаются только три фактора: увеличение золотых цен, которое происходит независимо от падения валюты и на основе тех ценностных отношений в процессе производства, которые и определяют невидимые золотые цены, невидимые в том смысле, что реальное золото не фигурирует при падающей валюте в обращении. Но этот фактор не таков, чтобы он мог оказать серьезное действие, если бы даже он проявился в той или иной мере. В действительности же, как мы уже установили выше, при падающей валюте мы имеем обыкновенно не увеличение золотых цен, а, наоборот, их уменьшение вследствие систематического ограбления рабочего класса и недоплаты ему обычного в стране уровня зарплаты.

Таким образом остаются только два фактора: прекращение эмиссии и расширение товарооборота. Как мы уже видели, эти два фактора являются определяющими факторами, когда валюта начинает падать. Увеличение эмиссии и сокращение товарооборота совместно действуют в сторону падения валюты. Точно так же и теперь расширение товарооборота и прекращение или резкое сокращение эмиссии могут явиться теми двумя силами, которые в состоянии внести кардинальные изменения в весь процесс. Эти два фактора могут действовать в одном направлении, и тогда их совокупное действие может быстрее вызвать перелом. Но перелом может наступить и под действием только одного из этих факторов, а именно: если расширение товарооборота происходит с такой быстротой и с такой силой, что этот процесс в состоянии перебороть отрицательное действие на валюту продолжающихся эмиссий бумажных денег.

И наоборот, если товарооборот остается тем же, то одно прекращение эмиссий также в состоянии привести к стабилизации валюты по причинам, которые совершенно ясны из предыдущего. Эти причины заключаются в следующем. Допустим, в условиях падающей валюты и при тех же самых размерах денежного товарооборота в обращении находится 100 млрд. бумажных денежных единиц, при падении валюты в 1 000 раз, т. е. вся реальная, золотая, стоимость обращения равна 100 млн. денежных единиц. Эта золотая стоимость обращения, как и всегда при падающей валюте, имеет тенденцию сокращаться. Если мы имеем здесь прекращение новых эмиссий, то валюта будет падать некоторое время автоматически, и тем самым вся масса бумажноденежного обращения в его целом будет стоить в золотом исчислении меньше 100 млн. денежных единиц. Так как мы предполагаем товарооборот неизменным, то это уменьшение золотой стоимости обращения ниже того золотого минимума обращения, который необходим для данного товарооборота, приведет к тому, что все денежное товарообращение страны вступит в период резкого денежного голода. Вся совокупность денежно-торговых операций не может быть обслужена обращением, реальная стоимость которого ниже необходимого минимума. Это обстоятельство должно вызвать в дальнейшем уже не понижение денежной единицы, а как раз обратный процесс. Денежный голод, невозможность обслужить все товарообменные операции приводят на известной стадии к стабилизации, а потом к постепенному поднятию курса валюты. В такой форме чисто стихийным путем будет происходить приспособление теоретического золотого минимума обращения к потребностям товарообращения страны. Какие процессы будут развертываться дальше, мы об этом скажем ниже. В данном случае нам достаточно было показать, что один уже фактор прекращения эмиссии в состоянии на определенной ступени падения валюты автоматически вызвать прекращение этого падения.

Теперь рассмотрим другой случай, когда эмиссии еще продолжаются, но денежный товарооборот расширяется с такой быстро-

той, что он пересиливает отрицательные действия новых эмиссий. Как мы видели из приведенных выше примеров, этот случай является не только теоретически мыслимым, но он и фактически имел место в некоторых странах с падающей валютой. Здесь все дело заключается в силовом соотношении этих факторов. Если, допустим, на протяжении какого-либо срока, например квартала, торгово-денежный товарооборот увеличивается благодаря тем или иным причинам на 20%, а вся совокупность денежной массы, в которую продолжают вливаться новые потоки бумажных денег, увеличивается за тот же срок только на 10%, то тогда мы неизбежно будем иметь такое положение, когда оздоровляющий фактор роста товарооборота перекроет отрицательный для валюты фактор—новые денежные эмиссии. Но это единоборство двух факторов, действующих в противоположных направлениях, не может кончиться победой оздоровляющего фактора, т. е. фактора расширения товарооборота, если бумажноденежные эмиссии будут неуклонно продолжаться. Причина ясна: расширение товарного обращения в очень больших размерах объективно невозможно, особенно в условиях падения валюты. Наоборот, увеличение денежной массы, благодаря работе бумажного станка, не знает никаких пределов, кроме прекращения эффективности эмиссии и краха валюты. Положение могло бы измениться лишь в том случае, если бы новые денежные эмиссии были не очень значительны, а расширение товарооборота—энергичным и длительным. Это могло бы привести к перелому в общем положении и, если бы этот перелом сколько-нибудь закрепился, то фактор расширения товарооборота мог бы быть подкреплен рядом новых факторов, которые неизбежно и стихийно начинают действовать, как только падающая валюта превращается в более или менее устойчивую.

Продолжим дальше наше исследование. Допустим, что мы имеем приостановку падения валюты либо под влиянием прекращения эмиссий, либо под влиянием длительного перевеса расширяющегося товарооборота над отрицательным действием новых эмиссий; либо мы имеем совокупные действие и расширения товарооборота и прекращения эмиссий, что и приводит к стабилизации. При некотором закреплении этой стабилизации начинает действовать новый фактор, вырастающий на базе самой стабилизации. Это тот самый фактор, который появляется на известной стадии падения валюты, но только с отрицательным знаком, а теперь—с положительным знаком.

Самым важным из этих факторов вторичного производного характера, фактором, который немедленно окажет сильнейшее влияние на весь процесс, будет фактор уменьшения быстроты оборота денег. Выше мы видели, что на определенной стадии падения валюты начинается увеличение быстроты оборота денег, и это приводит к дальнейшему усилению падения валюты. Теперь мы будем наблюдать как раз обратную картину. Как только падение валюты приостановится и, пройдет некоторое время, в течение которого появится хотя бы очень слабое доверие к

достигнутой стабилизации, чрезвычайно быстрый оборот денег должен замедлиться. Практически это значит следующее: если раньше все деньгодержатели стремились как можно скорее избавиться от падающих денег, чтобы избежать действия эмиссионного налога, то теперь деньгобоязнь будет постепенно ослабевать. Если на протяжении месяца, двух, трех, рабочие и служащие убедятся в том, что цены не только не растут, но на некоторые товары даже падают, то им не будет уже никакого расчета и никакой крайней необходимости немедленно реализовать получаемые ими денежные средства, что сопряжено, как известно, с рядом неудобств. Они постепенно начинают тратить свои денежные получки в те сроки, в какие они обычно тратили их при твердой валюте. Это обстоятельство окажет очень существенное влияние на положение дела. Поскольку в этой очень широкой сфере циркуляции денег быстрота оборота этих денег замедляется, срок пребывания этих денег у деньгодержателей увеличивается, и таким образом вся сфера денежного обращения на этом участке будет испытывать значительное расширение. Такое же изменение произойдет и в сфере денежных отношений торговцев с промышленниками, торговцев между собой и торговцев с покупателями. Теперь уже не будет настоятельной необходимости немедленно превращать все денежные резервы в какие-либо твердые ценности, либо искусственно задерживать реализацию товаров, дабы не оказаться на руках с падающими бумажными деньгами.

Это обстоятельство приводит, во-первых, к постепенному превращению спекуляции в нормальную торговлю, к восстановлению правильной калькуляции в промышленности, к приближению внутренних золотых цен к золотым ценам менового рынка [1], к росту реальной заработной платы, к восстановлению кредита и т. д.

При наступлении хотя бы временной стабилизации деньги начинают постепенно завоевывать свои позиции и в той сфере, где денежный товарооборот начал вытесняться натуральным товарооборотом. Затем постепенно начинают восстанавливаться функции денег как средства платежа. Это скажется прежде всего в области налоговой системы, для обслуживания которой обычно необходимо довольно значительное количество денежных знаков. Но в это же время начинает постепенно действовать и другой фактор, который не увеличивает, а сокращает потребность денежных знаков, а именно—увеличение безденежных расчетов, постепенное восстановление кредита и т. д. Но этот фактор не в состоянии будет уже серьезным образом повлиять на сокращение необходимого золотого минимума обращения и будет полностью перекрыт совокупностью тех факторов, о которых мы только что говорили и которые действуют в обратном направлении, т. е. в сторону оздо-

[1] Правильней было бы сказать: к восстановлению того соотношения между внутренними золотыми ценами и ценами мирового рынка, какое существовало до инфляции, потому что расхождение внутренних и мировых золотых цен может существовать и при твердой валюте и даже при золотом обращении, будучи вызвано другими причинами.

ровления валюты. Если процесс стабилизации валюты будет продолжаться и дальше, если доверие к деньгам будет расти, то тогда сможет постепенно возродиться и денежное накопление в определенных слоях населения. При восстановлении же процесса накопления будет неизбежно увеличиваться потребность в деньгах и с этого конца. В общем и целом одна функция денег за другой будет восстанавливаться в своем действии, и в результате необходимый минимум обращения будет непрерывно расти.

Теперь возникает вопрос, каким же образом эта растущая потребность в расширении реального денежного обращения, т. е. денежного обращения в золотом исчислении, может быть практически реализована.

Здесь есть два основных пути, из которых каждый является не только теоретически мыслимым, но и практически возможным. Мало того, из реальной истории бумажноденежного обращения, т. е. в данном случае из истории обратного превращения падающей валюты в твердую, мы знаем достаточно случаев реализации и той и другой возможности. Эти две возможности заключаются в следующем.

Первый путь, на который стихийно встает само денежное обращение без какого-либо вмешательства государства, заключается в том, что курс денег начинает повышаться сам собой, и этим путем может быть достигнуто решение всей проблемы. Как это может фактически произойти, видно из следующего произвольно взятого примера. Если, допустим, стабилизация наступает в тот момент, когда золотая стоимость обращения равняется сумме в 100 млн. руб., в то время, как в иных условиях, т. е. в условиях стабилизации и под действием всех вышеназванных причин, для обслуживания товарооборота нужно уже не 100, а, допустим, 200 млн. руб., тогда золотой минимум обращения может быть достигнут путем повышения покупательной способности каждой отдельной денежной единицы в два раза. Как мы уже сказали, самоденежное обращение стихийно вступает на этот путь, если органы, регулирующие денежное обращение, сами ничего не предпринимают для приведения реальной покупательной способности денежного обращения в соответствие с необходимым минимумом обращения.

Этот путь отнюдь не является идеальным. Само собой очевидно, если раньше в процессе быстрого падения валюты происходило быстрое перераспределение народных доходов, при котором одни теряли, а другие выигрывали, а в общем все деньгодержатели в целом платили огромный эмиссионный налог государству, то теперь при обратном процессе, начинается снова перераспределение, но в другом направлении. Если раньше кредиторы страдали, а должники выигрывали, то теперь дело будет обстоять как раз наоборот: каждый кредитор будет получать по своим долговым обязательством, считая в реальной покупательной способности валюты, больше того, чем он отдал в долг, а каждый должник будет выплачивать большую сумму в реальной стоимости, чем он занял. Такое же положение будет существовать в разно-

образных сферах взаимоотношений между продавцами и покупателями, если эти взаимоотношения сопровождаются разрывом между моментом реализации товара и временем уплаты за него. Если оптовики отпускают в долг мелочным торговцам товар на сумму 1 млн. руб., то мелочные торговцы должны будут выплачивать ему через некоторое время не миллион, а большую сумму, в пропорции с повышенным курсом валюты. Если в период падающей валюты подписчики на государственные займы покупают на бирже на 1 млн. облигаций займа по курсу дня, то теперь с повышением курса валюты вдвое, они будут иметь не один, а 2 млн. в реальной стоимости. Если уплата по купонам этого миллиона в момент покупки займа по курсу дня приносила (исходя, положим, из 5%) 50 тыс. руб. в год владельцам займа, то теперь, с повышением валюты вдвое, покупательная способность купонов возрастает также вдвое, а, следовательно, пропорционально увеличивается расход государства на процентирование своих внутренних займов. Рабочие и служащие, которые при падающей валюте систематически ограблялись и не получали по реальному уровню своей зарплаты, то теперь, если номинал их зарплаты удерживается на том же уровне, на каком он находился к моменту стабилизации валюты, они при повышении курса валюты вдвое будут иметь увеличение реальной зарплаты также вдвое. Вот это-то последнее соображение является обыкновенно решающим для государственной власти и правящего класса, чтобы избежать такого пути восстановления валюты и, следовательно, увеличения необходимого золотого минимума обращения. Насколько эти слои были заинтересованы в уменьшении реальной зарплаты при падающей валюте, настолько же они будут всячески противодействовать стихийному и автоматическому увеличению уровня зарплаты.

Наконец нужно принять во внимание и решительные изменения, которые должны произойти при такой обстановке в условиях экспорта. Если падающая валюта была стимулирующим фактором для расширения экспорта, поскольку экспортеры страны с падающей валютой оказывались наиболее конкурентоспособными на мировом рынке, то теперь они должны будут выносить на мировой рынок продукцию, производимую в условиях стихийно повышающейся зарплаты, т. е. они должны будут продавать свою продукцию по ценам мирового рынка, или во всяком случае выше тех цен, по которым они ее продовали в период падающей валюты. И это обстоятельство играет не последнюю роль, чтобы удержать правящий класс от подобного пути восстановления валютного равновесия.

Но в истории денежного обращения мы имеем примеры, когда некоторые правительства шли именно по этому пути при восстановлении валюты. Достаточно указать, например, на стабилизацию французского франка при министерстве Пуанкаре в конце 1926 г. Однако этот путь оказался возможным для французской буржуазии только потому, что резкое падение валюты при министерстве Эррио было сравнительно кратковремен-

ным и не повлекло за собой быстрой переоценкиж всех ценностей, хотя, например, торговля уже начинала вступать на этот путь.

В качестве курьеза я могу привести следующий факт. Когда в июле 1926 г. курс франка резко пал, то многие торговые предприятия поторопились переоценить, применительно к этому падению, все товары и вывести на них в ряде магазинов новые этикетки. Когда министерство Эррио пало, и с воцарением Пуанкаре курс франка поднялся в размерах, о которых дает представление одна нижеприводимая таблица (см. стр. 165), то в магазинах, во избежание приостановки всей торговли, пришлось снова переменить все ценностные этикетки на товары, а покупателям было разъяснено, что здесь произошло «недоразумение».

Соображения, которые толкнули французское правительство именно на этот путь осуществления стабилизации и расширения минимума денежного обращения, были связаны также с очень большим давлением многомиллионной массы держателей государственных обязательств, которые в противном случае потеряли бы на протяжении 2—3 месяцев десятки миллиардов своих сбережений.

Второй путь приспособления золотого минимума обращения к необходимым размерам обращения при твердой валюте заключается в увеличении денежной массы пропорционально возрастающей потребности в новых средствах обращения.

Мы можем иллюстрировать этот способ разрешения вопроса на том же самом цифровом примере, который мы обрисовали выше. Если общая стоимость обращения равнялась к моменту стабилизации 100 млн. руб., франков, марок, а потребность обращения возрастает до 200 млн., то эта потребность может быть удовлетворена простым увеличением номинала обращения в два раза, т. е. выпуском такого количества уже стабилизованных бумажных денег, которые вдвое увеличивают наличный номинал всей циркулирующей массы. Если в обращении находится на 1 млрд. валюты, падающей в 10 раз, то вопрос может быть разрешен путем поднятия обращения с 1 до 2 млрд. денежных единиц, при фиксации курса денежной единицы на определенном уровне. На этот путь вступило правительство Австрии, после того как стабилизировало в 1922 г. осенью свою валюту и законодательным путем закрепило определенный уровень ее падения (в 14 тыс. раз). Когда стабилизация несколько окрепла, то естественное расширение денежного обращения, которое всегда наступает после периода падающей валюты, было достигнуто здесь путем новых эмиссий, которые не могли поколебать уже валюты, потому что производились в пределах необходимой потребности обращения.

Здесь мы останавливаемся только на самых основных явлениях, которые наблюдаются во всех странах, переживающих переход от падающей валюты к твердой. Мы не останавливаемся здесь на многих интересных частностях, которых отчасти коснемся в той части нашей работы, где мы на практических примерах из истории падающих бумажных денег будем доказывать правильность развиваемой здесь теории падающей валюты.

7. ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО В ПЕРИОД ИНФЛЯЦИИ

Рассмотрим функционирование промышленного предприятия в период падающей валюты. Изменения, которые происходят здесь в области ценообразования, настолько глубоки и своеобразны, что только на основе обстоятельного анализа мы в состоянии понять многие из тех явлений, которые наблюдаются в области промышленности в период инфляции и часто получают совершенно превратные объяснения.

Прежде всего, если дело идет о странах, связанных с мировым рынком, мы должны провести различие между отдельными группами предприятий по следующим признакам: 1) предприятия, работающие на внутренний рынок на сырье собственного производства и восстанавливающие основной капитал, не прибегая к импорту; 2) предприятия, работающие на внутренний рынок, но на импортном сырье; 3) предприятия, производящие для экспорта, но на собственном внутреннем сырье; 4) предприятия, работающие на внешний рынок на импортном сырье; 5) предприятия смешанного типа.

Кроме того при проведении этого разграничения необходимо также все время иметь в виду вопрос о том, как то или иное предприятие воспроизводит свой основной капитал, т. е. внутри страны или импортом. Совершенно очевидно, что все то разграничение, которое мы проводим выше, является неполным и упрощенным. Исследование вопроса с точки зрения восстановления основного капитала, при более подробном анализе, сделало бы необходимым ввести в него целый ряд еще и новых подразделений. Для упрощения мы не рассматриваем здесь педантически всех возможных вариантов, а хотим лишь, чтобы читатель понял основную мысль, лежащую в основе нашего анализа. В данном случае мы сознательно отказываемся от такой дифференциации всех возможных комбинаций и вариантов, какая может оказаться необходимой лишь при подробном анализе конкретной экономики промышленности той или иной страны периода падающей валюты.

Мы сделаем дальше еще и дальнейшее упрощение, а именно рассмотрим только два типа промышленных предприятий: совершенно не связанных с внешним рынком и связанных с внешним рынком в той или другой степени, т. е. либо со стороны импорта сырья и экспорта продукции, либо со стороны только одного из этих элементов, либо со стороны импорта основного капитала.

Представим себе промышленное предприятие, не связанное

с внешним рынком и продолжающее свою работу обычным темпом в условиях, когда в стране уже началось падение валюты.

В этом предприятии существует определенная норма амортизации основного капитала. Амортизационные отчисления временно остаются без изменения.

Предприятие имеет запасы сырья от предыдущего периода, т. е. от периода твердой валюты, либо имеет твердые контракты на поставку сырья и во всяком случае имеет сырье старой заготовки уже в переработке. Точно так же и зарплата на предприятии не изменяется в начальный период падающей валюты, как это всегда имеет место вследствие систематического отставания зарплаты от уровня жизни в период инфляции.

Теперь мы рассмотрим, как будет обстоять дело с воспроизводством на данном предприятии, когда курс валюты пал, допустим, на 20%. Для упрощения предположим, что предприятие выпускает одновременно из производства для оптовой продажи продукцию на 1 200 тыс. марок, но само предприятие в свою очередь связано твердым контактом на сдачу продукции по старым ценам. Тогда оборот этих 1 200 тыс. продукции совершается таким образом. Если курс валюты пал на 20%, то это значит, что амортизационные исчисления, чтобы избежать растраты основного капитала, должны были бы также подняться на 20%, если цены на элементы основного капитала поднимаются в уровень с падением валюты. Если такое изменение калькуляции не происходит, а мы исходим из того, что оно в нашем примере не происходит, как и фактически не происходит обычно в начальной стадии падения валюты, то тогда предприятие должно потерять 20% от всей суммы амортизированного капитала, входящего в продукцию стоимости 1 200 тыс. марок. Предположим, что основные элементы ценообразования распадаются следующим образом: 300 тыс. составляют амортизационные отчисления, 500 тыс.—стоимость сырья, топлива, вспомогательных материалов и пр. и 200 тыс.—зарплата. Мы отвлеклись здесь от ссудного процента предприятия. Тогда предприятие должно потерять 100 тыс. марок вследствие увеличения стоимости сырья и 60 тыс. на недополученных амортизационных отчислениях, но должно выиграть 40 тыс. марок за счет недополучения рабочими их средней зарплаты в данной стране, потому что рабочие не дополучили, сообразно росту индекса цен, 20% прибавки к номиналу зарплаты. В итоге предприятие, продающее за 1 200 тыс. свою годовую продукцию по старым ценам, теряет 120 тыс. руб. Если нормы эксплоатации в данном предприятии равняются 100%, то общая прибыль предприятия на всей операции должна равняться 200 тыс. марок. В итоге же предприятие получит только 80 тыс. марок вместо 200 тыс., т. е. не будет иметь средней нормы прибыли.

Между тем внешнее дело будет обстоять так, как будто бы ничего не изменилось. Эта иллюзия продолжается очень недолго, поскольку предприятию придется восстанавливать в дальнейшем основные элементы производства. Прежде всего изме-

нения начинаются по линии стоимости сырья. Следующую партию сырья предприятию уже не удастся закупить по старым ценам. Оно должно будет купить это сырье дороже, сообразно с курсом падения валюты или по крайней мере выше настолько, насколько успеет повыситься продукция предприятий, изготовляющих это сырье. Если это предприятие, которое работает только на внутренний рынок, то это повышение произойдет медленней и с отставанием от курса денег. Это изменит арифметически цифры примера, но ничего не меняет в существе всего процесса. Если сырье и пр. повысится в соответствии с общим индексом, т. е. на 20%, то предприятие на свои 500 тыс. марок сможет купить для второго цикла только 80% нужного ему количества сырья, топлива и пр. и должно либо сокращать производство, либо увеличивать свою задолженность.

По линии зарплаты не произойдет решающих изменений, потому что на определенной стадии падения валюты хотя и начнется давление рабочих на предпринимателей с тем, чтобы поднять зарплату, однако зарплата не сможет подняться до уровня стоимости жизни, и здесь предприятие всегда будет иметь источник для повышения прибыли или сокращения убытков, а с точки зрения ценностных отношений—уменьшение себестоимости производства. Что же касается основного капитала, который возобновляется на протяжении гораздо более долгого срока, то здесь перерасчеты амортизационных отчислений, основанные на переоценке всего основного капитала применительно к падению валюты, начнутся значительно позже, потому что для такой переоценки не будет непосредственных стимулов рыночного характера. Это будет второй причиной, приводящей к проеданию капитала предприятия.

В итоге при продолжающемся падении курса валюты, наше промышленное предприятие будет также повышать цены на свою продукцию, но это повышение будет отставать от реальных ценностных отношений в двух направлениях: оно будет отставать по линии зарплаты к выгоде предприятия и по линии недостаточных амортизационных отчислений и отставать от роста цен на сырье к невыгоде предприятия. На дальнейшей стадии падения валюты здесь может получиться совершенно парадоксальное положение, которое не раз наблюдалось в эпоху инфляции в ряде промышленных стран. Это парадоксальное положение сводится к следующему. Так как уровень цен быстро повышается, то наше промышленное предприятие может оказаться в один прекрасный день в таких условиях, когда цена его продукции на день сдачи ее оптовым покупателям окажется дешевле, чем рыночная стоимость сырья по курсу дня валюты. Это парадоксальное положение объясняется тем, что между началом производственного процесса, когда покупается и пускается в переработку сырье, и моментом выхода готовой продукции на рынок проходит известный промежуток времени, в течение которого валюта продолжает падать. Если это падение идет очень быстро, а рабочий период предприя-

тия длинен [1], то тогда, естественно, может получиться положение, которое мы охарактеризовали выше.

Но если так обстоит дело в области переоценки сырья и расценки готовой продукции, то тем больше будет этот разрыв в отношении нормального увеличения амортизационных отчислений.

В общем и целом, чем больше у предприятия так называемый рабочий период, т. е. то время, которое проходит от момента начала переработки сырья до момента изготовления готовой продукции, тем более сокрушительное действие будут оказывать на всю работу предприятия, на всю его калькуляцию и на весь его будущий реальный баланс в условиях падающей валюты.

Из сказанного мы можем видеть, почему переоценка стоимости продукции с наибольшим опозданием происходит как раз в тех отраслях промышленного производства, которое не связано с внешним рынком. Это относится также и ко всей сумме тех работ, которые носят характер услуг.

Наоборот, в тех отраслях промышленности, которые связаны с внешним рынком, переоценка начинается раньше всего, и это вполне понятно. Собственно раньше всего, раньше чем в промышленных предприятиях, эта переоценка должна начинаться в торговле импортными товарами. Наблюдение над торговлей стран с падающей валютой показывает, что, в ассортименте какого-нибудь универсального магазина товары импортного характера, колониальные товары, привезенные из страны с твердой валютой и пр., поднимаются в цене в пропорции, резко отличной от темпа повышения цен на продукты внутреннего производства. Причина здесь совершенно очевидна. Возобновление запасов всех этих товаров требует их покупки в твердой иностранной валюте. Поэтому торговые предприятия, не желающие заниматься филантропией и растратой основного капитала, раньше всего повышают цены на данные товары сообразно с уровнем мировых цен и исходя из интервалютарных отношений бумажных денег данной страны.

Но этот процесс, который даже в самой торговле импортными товарами может в начальной стадии падающей валюты несколько отстать от всего процесса падения, в области промышленности раньше всего переносится на отрасли, связанные с внешним рынком со стороны закупки сырья. Если, допустим, перед нами мануфактурная промышленность, которая покупает свое сырье в стране с твердой валютой, например в Америке, если перед нами кожевенная промышленность, работающая на импортной коже, шерстяная промышленность, перерабатывающая австралийскую шерсть и т. д., то эти отрасли в первую очередь должны позаботиться о правильной калькуляции своей продукции. Если они этого не сделают, они будут не в состоянии восстановить свой оборотный капитал и на определенной стадии процесс воспроизводства окажется для них вообще невозможным. Благодаря именно

[1] См. значение термина «рабочий период» во II т. «Капитала» Маркса.

этому обстоятельству продукция предприятий, связанных с импортным сырьем, в период падающей валюты держится на уровне более высоком (сравнительно с доинфляционным периодом), чем продукция отраслей производства, работающих на внутреннем сырье.

Наименее страдают или, правильнее даже будет сказать, наиболее выигрывают от инфляции те отрасли производства, которые работают на внутреннем сырье для экспорта. Эти предприятия получают свое сырье в условиях падающей валюты по ценам значительно более низким, в сравнении с ценами на данное сырье, которые устанавливаются в пределах мирового хозяйства. Эти отрасли выигрывают вдвойне. Они выигрывают на большей дешевизне внутреннего сырья в сравнении с мировыми ценами, они выигрывают на более низкой зарплате рабочих, в сравнении со средним уровнем зарплаты в этой стране. Именно этим обстоятельством объясняется положение, которое гласит: падающая валюта является стимулирующим фактором для экспорта.

Что касается промышленных предприятий, работающих для экспорта на импортном сырье, то они не имеют этой двойной выгоды в сравнении с вышеназванными предприятиями. Цены на сырье, которые они перерабатывают, диктуются им мировым рынком. Следовательно, они могут выигрывать только на падении реального уровня зарплаты, только на уменьшении этого ценообразующего фактора. Но и этой выгоды оказывается вполне достаточно, чтобы сделать продукцию этих стран конкурентноспособной на внешнем рынке даже в тех районах, куда эта продукция до инфляции раньше не проникала.

Но наиболее интересное явление происходит с динамикой стоимости основного капитала отраслей, связанных с мировым хозяйством. Если основной капитал этих отраслей полностью или в огромной своей части производится внутри страны, то эти предприятия имеют огромную выгоду еще и с этого конца. Вообще говоря, они как будто проедают свой основной капитал, поскольку амортизационные отчисления у всех предприятий, восстанавливающих свой основной капитал внутри страны, отстают от реальной стоимости этого капитала. Но с другой стороны, они извлекают большую выгоду из того обстоятельства, что они в состоянии быстро амортизировать старое и технически отстающее оборудование и заменить его оборудованием, изготовленным по последнему слову техники.

В период инфляции в Германии наблюдались одновременно два разных процесса: процесс растраты и проедания основного капитала в одних предприятиях, которые были не в состоянии его нормально амортизировать, а с другой стороны—процесс быстрого перевооружения промышленности как раз в области основного капитала других предприятий. Один процесс перекрещивался с другим. Но когда в конце все промышленные предприятия без различия, работали ли они на внешний рынок, или на внутренний, на внешнем сырье или на внутреннем, в состоянии

были приблизить цены на предметы своей продукции к ценам их производства, то оказалось следующее. В общем и целом промышленность в ряде отраслей оказалась с более совершенным основным капиталом по сравнению с периодом до инфляции, а рабочий класс все время не дополучал по зарплате на протяжении всего периода инфляции. В общем капиталистический класс в состоянии был восстановить основной капитал с минимумом затрат на основной ценнообразующийся фактор—рабочую силу. Мы говорим: «основной ценообразующий» фактор и потому, что дело идет в данном случае не об отдельных предприятиях и не об отдельных группах предприятий, а обо всем хозяйственном организме в целом. Если рабочий класс не дополучал в тех отраслях производства, которые изготовляют основной капитал для других отраслей; если в этих последних отраслях рабочий класс также не дополучал по зарплате и т. д., то в общем и целом капиталистический класс оказался в выигрыше, а рабочий класс оказался в проигрыше.

Правда, при развертывании внешней торговли Германии на внешнем рынке в инфляционный период германские товары продавались по столь низким ценам, что здесь дело шло не только о распродаже за бесценок рабочей силы германского пролетариата. Здесь дело шло, разумеется, и о распродаже части основного капитала германского хозяйства. Это была одна из причин, правда, не единственная, если вспомнить о репарационных платежах,—почему Германия не могла быстро восстановить свое хозяйство без получения внешних кредитов со стороны Америки. Во всяком случае, если инфляция обогащает одни слои буржуазии и разоряет другие, то она все слои рабочего класса подвергает добавочной эксплоатации.

Приблизительно тот же самый процесс мы наблюдали и во Франции на промежутке между окончанием войны и восстановлением стабилизованной валюты в конце 1926 г. Французская промышленность также перевооружилась по части основного капитала с огромной быстротой и в очень выгодных условиях снижения реальной зарплаты; хотя это снижение было во Франции гораздо менее значительным, чем в Германии [1].

Но все это относится к странам, где основной капитал в огромном большинстве его слагаемых изготовляется внутри самой страны. Ничего подобного мы не наблюдаем в тех странах, которые вынуждены импортировать основной капитал. Если страна падающей валюты, импортирующая основной капитал, продает свою продукцию без правильного учета амортизации, то она проедает свой основной капитал, и процесс замены его не только

---

1 Для правильного понимания динамики зарплаты во Франции после войны надо иметь в виду, что сохранение довоенного реального уровня зарплаты, при техническом перевооружении предприятий и их укрупнении, означало огромное увеличение эксплоатации методами относительной прибавочной стоимости. Все выгоды от роста производительности труда в таких условиях целиком идут предпринимателям.

не ускоряется тогда, но, наоборот, совершенно приостанавливается.

Для полноты картины нам необходимо упомянуть здесь еще и о транспорте. Транспорт представляет собой ту отрасль хозяйства, где основной капитал особенно велик и где он амортизируется особенно медленно. Во всех странах с падающей валютой мы наблюдаем, что железнодорожное хозяйство очень сильно страдает в этот период. Если железные дороги принадлежат государству, то всякое повышение тарифов, исходящее из себестоимости производства и правильной калькуляции в отношении износа основного капитала, встречает бешеное сопротивление со стороны буржуазного класса. Причина здесь вполне понятна. Промышленник старается перебросить часть своих убытков от инфляции на государство и заставляет его расплачиваться за вредные последствия падающей валюты. Но в тех случаях, когда железные дороги принадлежат частным компаниям, повышение тарифов встречается с большими затруднениями. Поэтому во всех странах падающей валютой растрата основного капитала на транспорте происходит неизбежно и в очень больших пропорциях. Но это замечается не сразу. Именно потому, что основной капитал транспорта восстанавливается в очень большие сроки, расплата за эти изъятия из основного капитала переносится обыкновенно на будущее время, в течение же периода инфляции государство и промышленные предприятия стремятся уменьшить расходы на текущий ремонт, отложить необходимые работы по восстановлению пути и тяги на будущее время, вследствие чего, между прочим, мы встречаемся с фактом увеличения железнодорожных катастроф в странах, которые длительное время находятся в условиях падающей валюты. В европейских странах, участвовавших в войне, здесь играл роль также и износ основного капитала, происшедший при напряженных железнодорожных перевозках военного времени.

На определенной стадии падения валюты, в общем на довольно высокой стадии такого падения, промышленность начинает приспособляться к создавшемуся положению, причем, разумеется, отдельные отрасли находятся либо в более, либо в менее благоприятных условиях для того, чтобы осуществить такое приспособление. Это приспособление точно так же как и в торговле, идет по линии не только гораздо более точной калькуляции, учитывающей уже совершившееся падение валюты и общий индекс цен, но и по линии авансового повышения цен. Это авансовое повышение цен заключается в том, что промышленное предприятие, сбывая свою продукцию, не только учитывает уже происшедшее к моменту продажи падение валюты по всем линиям своей калькуляции, но и делает авансовую надбавку страхового характера. Благодаря этому и предприятия, имеющие длинный рабочий период, начинают подгонять цены продукции к себестоимости производства. При всем том предполагается, что зарплата рассчитывается не по реальной стоимости рабочей силы

в стабильной валюте, а исходя из снижения расценки рабочей силы. В результате авансовое повышение цен практикуется промышленниками, продающими продукцию оптовикам. Это авансовое повышение цен делают и оптовики-торговцы при продаже своей продукции розничной торговой сети. Наконец авансовое повышение делает и розница, на которую как раз более всего и обрушивается негодование потребителя, обвиняющего торговцев в злостной спекуляции.

Здесь мы имеем в основном ту форму, в которой собственно и происходит приспособление товарных цен в бумажной валюте к золотым товарным ценам. Хотя золото уже не циркулирует в обращении, но оно незримо присутствует при всем этом процессе в качестве того регулирующего фактора, который в свою очередь увязан с трудовыми издержками при производстве всех товаров и самого золота. При всем том цена рабочей силы тяготеет не к обычному среднему уровню жизни в данной стране при твердой валюте, а к сниженному уровню существования, характерному для эпохи падающей валюты. Отсюда и специфический низкий уровень внутренних золотых цен стран с падающей валютой.

В сельском хозяйстве весь этот процесс происходит следующим образом. Что касается капиталистических предприятий в земледелии, то они в общем и целом находятся в условиях, близких к тем, в которых находятся промышленные предприятия страны. Все то, что мы сказали выше о промышленности, относится и к капиталистическому сельскому хозяйству. Капиталистическое сельское хозяйство, употребляющее большое количество искусственных удобрений внутреннего производства, естественно выигрывает на относительном уменьшении цен этой части своих средств производства. Наоборот, если аграрии употребляют импортное минеральное удобрение, они поднимают страшный шум по поводу невыгодности тех цен, по которым им приходится продавать свою продукцию на внутреннем рынке, особенно, если эта продукция, как это часто бывает, в такие времена, нормируется государством. Точно так же сельские хозяева выигрывают от сравнительного уменьшения цен на сельскохозяйственные машины. Наконец они выигрывают от падения валюты, поскольку она приводит к уменьшению их ипотечной задолженности, а также уменьшает реальную стоимость и в других обязательствах по отношению к банкам, каковые обязательства они покрывают по номиналу валюты.

Что же касается цен рабочей силы в сельском хозяйстве то здесь дело обстоит следующим образом. Если номинал зарплаты сельскохозяйственного рабочего повышается примерно в том же размере, как и номинал зарплаты рабочего промышленности, т. е. повышается с систематическим отставанием от стоимости рабочей силы, то здесь капиталистические предприима-

тели земледелия получают те же выгоды от снижения зарплаты рабочего класса, как и промышленники в индустрии. Наоборот, если часть зарплаты рабочий получает в натуре, то здесь сельским хозяевам трудно достигать снижения реальной зарплаты, здесь сельскохозяйственные рабочие оказываются в более выгодных условиях, чем пролетариат городской промышленности.

Что касается крестьянства, то в начальный период падающей валюты оно весьма увлекается денежным накоплением, поскольку денежное накопление представляется ему очень выгодной операцией. Точно так же крестьянство в этот период использует то обстоятельство, что ненормированные цены на продукты питания повышаются быстрее, чем цены на промышленные изделия и усиленно закупают различные виды оборудования. Это усиление вооружения новыми средствами производства зажиточного и капиталистического крестьянства в период инфляции представляет собой довольно широко распространенное явление во всех странах с падающей валютой. Точно так же в этот период крестьянство стремится к увеличению своих земельных владений, если цена земли еще отстает от роста всего индекса цен.

Но на определенной ступени развития всего процесса падающей валюты крестьянство начинает чувствовать, что все его накопления в бумажноденежной форме начинают таять. В этот период наблюдается особенно сильное стремление у крестьянства к приобретению средств производства, скота, покупки земли и другой недвижимости, т. е. крестьянство занимается операциями, которые позволяют вогнать денежный капитал в товарную форму, и тем самым предохранить его от обесценивания. Это приводит в конце концов к тому, что цены на недвижимость отрываются от общего индекса цен не вниз, как это было раньше, а вверх,— явление, которое мы констатировали и в отношении городской недвижимости и товарных цен на определенной стадии падения валюты. В условиях быстро падающей валюты крестьянство, поскольку оно не в состоянии выручаемые на рынке за свои продукты бумажные деньги систематически превращать в твердые ценности, теряет стимул к увеличению товарности своего хозяйства. Крестьянство начинает понимать, что все его усилия в сторону увеличения производства и увеличения товарной части производства в значительной степени оказываются убыточным делом. Отсюда то явление, которое мы наблюдаем в крестьянском хозяйстве всех стран с падающей валютой и которое заключается в сокращении товарности и в усилении натурализации хозяйства. Крестьянство стремится в таких условиях свести товарную часть своей продукции к такому уровню, который обеспечивает ему необходимое восстановление средств производства, уплату налогов, совершение покупок потребительского характера и возможности покупки твердых ценностей, размеры каковых покупок, разумеется, в каждой стране более или менее различны, но во всяком случае ограничены.

8. ТОРГОВЛЯ И СПЕКУЛЯЦИЯ В ПЕРИОД ПАДАЮЩЕЙ ВАЛЮТЫ

Перерождение торговли в спекуляцию происходит всюду, где существует падающая бумажная валюта, с одной стороны, и острый товарный голод—с другой. Сам по себе товарный голод не приводит к перерождению торговли в спекуляцию, если он не сопровождается резким и постоянным падением валюты, а самый голод не есть результат развала хозяйства по всей линии производства. Торговля приспособляется к товарному голоду и реагирует на него лишь спекулятивными симптомами на некоторых участках, а не перерождением в самых своих основах. Наоборот, быстро и непрерывно падающая валюта всегда приводит к перерождению части торговли в спекуляцию, даже в условиях увеличения товарного рыночного фонда в стране. Постараемся проанализировать поэтому влияние падающей валюты на самое существо спекуляции и обратное влияние спекуляции на курс бумажных денег.

Возьмем какое-либо торговое предприятие и рассмотрим его функционирование в условиях устойчивой и в условиях падающей валюты.

Пусть мы имеем предприятие, торгующее мануфактурой. Предположим, что часть денежного капитала предприятия в 100 тыс. золотых рублей превращена в мануфактуру. В нормальных условиях капиталистического производства и торговли задача предприятия состоит в возможно быстрой реализации товара и в превращении его в деньги с тем, чтобы процесс оборота был как можно короче, число полных оборотов в год возможно больше, уровень прибыли как можно выше. Если товар превращен в деньги, т. е. продан, закупка новой партии может быть сделана лишь по увеличенной цене, то к моменту реализации возможно понижение цен, а предприятие может и не торопиться с закупкой новой партии, чтобы не понести убытки. Правда, предприятию, имеющему определенный кадр постоянных клиентов, иногда приходится по соображениям торговой тактики итти и на некоторые убытки, чтобы не растерять клиентов и в будущем не понести еще большие убытки, но все это делается в известных границах.

В общем же и целом предприятию в описанном случае выгодней продержать капитал в денежной форме, поскольку в денежной форме при твердой валюте капитал не только не обесценивается, но и дает известный процент, пусть даже самый

минимальный процент по текущему счету в банке. Наоборот, если в момент реализации мануфактуры цены растут и еще не достигли возможного максимума, предприятию выгодней задержать оборот в стадии Т—Д с тем, чтобы полностью использовать рыночную конъюнктуру.

Если в первом случае капитал предприятия растет, будучи задержан в своей денежной оболочке, то теперь он растет, будучи задержан в своей товарной форме. Во всяком случае как бы ни разнообразны были те или иные варианты, но ясно одно: при твердой валюте для торговли есть достаточно почвы для маневрирования; при этом задержка капитала в денежной форме часто бывает выгодна, несмотря на уменьшение числа годовых оборотов. Катастрофического обесценения капитала не происходит, тогда как в товарной форме он может иногда обесцениваться.

Совсем иная картина получается, когда то же торговое предприятие мы возьмем в обстановке падающей валюты. Допустим, товар на 100 тыс. золотом продан. Если в среднем между моментом реализации и моментом закупки новой партии прошло только две недели, то на операционном капитале это отразится весьма чувствительно. Правда, в реальной действительности процесс реализации делается частями, как и частями делаются закупки. Я упрощаю пример, но это не меняет существа дела. Итак, товар стоимостью в 100 тыс. продан. Если принять, что курс валюты падает на 20% в месяц, то пребывание капитала в денежной форме в течение двух недель приведет к его обесценению на 10% и вместо 100 млн. торговая фирма как бы имеет для новой закупки лишь 90 млн., 10 млн. заплачено по тому налогу, который называется эмиссией бумажных денег. Совершенно ясно, что такой «коммерцией» не найдется охотников заниматься, и что торговля должна как-то приспособляться к падению валюты. Это приспособление идет по трем основным линиям: по линии сокращения срока пребывания капитала в бумажноденежной форме, по линии замены специализированной торговли универсальной и по линии авансового увеличения цен выше того уровня, который диктуется всему рынку в целом уже происшедшим падением курса валюты.

Остановимся сначала на первом методе страховки от падающей валюты. Наша торговая фирма имеет для реализации мануфактуры на 100 тыс. зол. руб. Ее задача должна заключаться в том, чтобы двухнедельный срок пребывания капитала в денежной форме свести к самому минимуму, если можно, к 14 часам вместо 14 дней. Как это достигается? Это достигается тем, что фирма совершает реализацию товара лишь тогда, когда уже обеспечена закупка новой партии товара. Вырученные от реализации деньги немедленно бросаются на закупку нового товара, и новый товар реализуется лишь при гарантии следующей закупки. Если нет надежды немедленно купить новую партию товара вместо продаваемой старой, то фирме выгодней задержать у себя на складе товар до того момента, когда новая закупка

будет возможна. Капитал в товарной форме не обесценивается, с товаром можно ждать, не терпя убытков (кроме задержки в числе оборотов), наоборот, ждать товара с деньгами в руках— значит разоряться. Весь процесс сводится к постоянной тенденции сокращать срок пребывания товара в денежной форме и увеличивать за счет этого, когда нужно, срок пребывания капитала в форме товарной. А это значит, что спекуляция отличается от торговли лихорадочно быстрым оборотом денег и замедленным темпом оборота товаров. Той же самой цели торговое предприятие пытается достигнуть, переводя свои денежные резервы в иностранную валюту, что, однако, не всегда возможно в нужных размерах.

Но под занавесом падающей бумажной валюты реальные (выраженные в золоте) цены товаров также претерпевают изменения. Как влияет изменение реальных цен на описанном выше процессе?

Если при нормальных условиях торговли падение цен на ту же мануфактуру, при возможности скорого их роста вверх, заставляет придержать товар, то этот фактор лишь прибавляется к тому фактору, который заставляет воздерживаться от продажи, когда нет гарантии закупки. Когда же рыночная конъюнктура благоприятна для максимально быстрой продажи по максимально возможным в данный период ценам, то, если закупка не гарантирована и бумажные деньги нельзя предохранить от обесценения, обменяв на более или менее твердую валюту, фирма рискует больше потерять от обесценения денег, если они задержатся у нее на руках, чем выиграть от продажи. Фактор падения валюты действует сильней, чем изменения в реальных эквивалентах цен на товарном рынке.

Из всего сказанного вытекает ряд выводов, имеющих отношение не только к курсу бумажных денег, но и к оценке наиболее приспособленных к падающей валюте типов торговли, что имеет для торгового капитала очень большое практическое значение.

Чем объясняется в периоды падения валюты большой успех частной торговли в сравнении с кооперативной.

Совершенно ясно, что он объясняется большей маневровой гибкостью частного аппарата по части приспособления к падающей валюте. Частный торговец продает только в том случае, если гарантировал себе покупку. Он выжидает, если покупка немедленно возможна. Для кооперации подобная изворотливость недостижима не только вследствие громоздкости ее аппарата и меньшего знания рынка и меньшей способности во-время и быстро закупать, но и невозможности, как организации общественной, задерживать товар; кооперация связана с потребительской массой иначе, чем частный торговец. Она не может задерживать капитал в товарной форме и часто вынуждена для борьбы со спекуляцией явно в убыток реализовать свой товар. Поэтому для кооперации путь приспособления к падающей валюте иной, чем

для частной торговли. Центр тяжести в кооперативной торговле может быть перенесен не на удлинение срока пребывания оперативного капитала в товарной форме за счет денежной, а в максимальном и максимально разнообразном развитии закупок. Чем разнообразней будет по своему ассортименту товарная масса, проходящая через кооперативные лавки, тем легче кооперации сокращать потери от падения валюты, не удлиняя искусственного пребывания капитала в товарной форме во вред потребителям. Почему это так, мы сейчас увидим.

Все читатели знают, что перерождение торговли в спекуляцию характеризуется между прочим тем, что спекулянт делается продавцом и покупателем всех решительно товаров. Сплошь да рядом мы видим в период быстро падающей валюты мануфактуриста-оптовика, торгующего железными товарами, перепродающего партию сапог или несколько вагонов пшеницы. Объяснение этого явления нужно искать прежде всего в действии падающей валюты на механику торговли.

Вернемся к нашему примеру с мануфактурной фирмой. Эта фирма, допустим, может реализовать немедленно и выгодно всю мануфактуру, но немедленно купить мануфактуру же не может, зато представляется случай купить сапоги или партию пшеницы. Ей надо или воздержаться от продажи мануфактуры до нового предложения и тем уменьшить число оборотов капитала в год, т. е. уменьшать среднегодовой уровень прибыли, или продать мануфактуру, обернуть капитал через хлеб и сапоги и выиграть время для покупки новой партии мануфактуры. Последняя операция как правило выгоднее выжидания. Поэтому в условиях падающей валюты мы не только наблюдаем увеличение быстроты оборота денег за счет товаров (один вид страховки от эмиссии), но и перерождение специализированной торговли в универсальную спекуляцию (другой вид страховки).

Для кооперации это обстоятельство имеет громадное значение. По ее природе ей наиболее подходит второй вид страховки от падения курса рубля, т. е. помещение освобождающегося денежного капитала немедленно во всякие виды товаров, которые вообще можно купить и продать. Универсализация кооперативной торговли есть лучший способ сохранить возможность маневрирования без придержки товара на складах.

Третьим видом страховки от падения курса является увеличение цен выше уровня, который предопределен размером бумажных выпусков при данном объеме товарного фонда, обращающегося на рынке. Авансовое увеличение цен особенно ярко выступает в моменты финансово-экономического перелома, когда эмиссия или резко сокращается, или прекращается. Это увеличение, которое автоматически продолжается некоторое время, как стихийная сила, врезывающаяся в новый фазис торговли, как бы дает себя тогда сфотографировать. Это увеличение действует во все время падения валюты. Такой способ защиты от эмиссии более всего необходим мелкой розничной торговле, но

им с большим успехом пользуется и крупная оптовая спекуляция. Он имеет большое значение именно для мелкой торговли потому, что другие методы приспособления к падению курса для нее менее доступны, ввиду того, что мелкая торговля получает товар по ценам, которые фиксированы оптовой торговой сетью.

Необходимо еще указать одну характерную черту в развитии торговли в период падающей валюты. Это величайшая неустойчивость всех связей, мягкость тканей торгового организма, огромные прибыли и массовые банкротства, возможность формирования крупных капиталов в сравнительно короткие сроки и почти неизбежное их исчезновение также в короткие сроки, если они не переводятся в твердые ценности и не выбираются из оборота.

Теперь заглянем в область спекуляции и торговли в период восстановления валюты. Мы видели выше, что торговля, перерождаясь в процессе приспособления к падающей валюте в спекуляцию, пользуется тремя способами страхования денежного капитала от обесценения: авансовым повышением цен, задержкой капитала в товарной форме, универсализацией торговли. При твердой валюте первый способ отпадает, если только спекуляция не возникает исключительно лишь благодаря товарному голоду и сокращению продукции во всем народном хозяйстве. Повышение цен в отдельных предприятиях поставило бы их в худшие условия сбыта по сравнению с другими, продающими товары дешевле, и в результате произошло бы замедление оборота всего торгового капитала в целом, т. е. уменьшилась бы средняя годовая норма прибыли. Цены при твердой валюте падают или повышаются в зависимости от спроса и предложения, а средние цены тяготеют к ценностям товаров, т. е. определяются в конечном счете общественно необходимыми затратами труда на их производство.

Что касается задержки капитала в товарной форме и замедления вследствие этого оборота товаров и, следовательно, уменьшения товарных сделок, то при установлении устойчивой валюты здесь начинается обратный процесс. Торговцу теперь нет никаких оснований задерживать продажу, если даже закупка новых партий товара немедленно не обеспечена. С твердой валютой в кармане можно ждать, не рискуя потерять на падении курса. Наоборот, торговец может упустить благоприятный момент для реализации товаров и останется сидеть с товарами на полках тогда, когда представится случай выгодных закупок. Правило спекуляции—не торопись продавать, если не можешь немедленно закупить,—заменяется правилом торговли: продавай, как можно скорее. Товар, лежащий долго на полках, в условиях твердой валюты есть убыток, потому что задерживает быстроту оборота всего капитала. Если при падающей валюте сплошь да рядом бывает, что продажа по очень выгодным ценам невыгодна, раз новые закупки не обеспечены, потому что полученная при

продаже прибыль будет сведена к нулю процессом обесценения валюты, то при твердой валюте как правило верно как раз обратное.

Продажа даже со скидкой выгодна, потому что дает возможность быстрее обернуть весь капитал без риска обесценить его, когда он временно находится в денежной форме. Какое это значение имеет для валюты, совершенно очевидно. Во-первых, капитал, принявший денежную форму, не вгоняется с судорожной быстротой в товарную форму и, следовательно, нужда всего товарооборота в целом в необходимой денежной массе увеличивается. Здесь происходит то же самое, что и с более длительной задержкой денег на руках у рабочих и служащих. С другой стороны, товар гораздо чаще продается и перекупается, т. е. проделывает больше оборотов, требующих денежных знаков, чем это имеет место при спекуляции. При спекуляции товар или пробегает очень быстро путь от производителя к потребителю и нужда в посредничестве роли денег сводится к минимуму, поскольку имеет только однократное действие купли и продажи; либо товар долго лежит на складе, потому что его владелец боится превращения капитала в денежную форму, и тогда нужда лежащего без движения товара в средствах обращения на период этого лежания равна нулю. Это особенно относится к торговле оптовой. При падающей валюте перепродажа с небольшой прибылью очень опасна. Наоборот, при твердой валюте она выгодна, увеличивая быстроту оборота всего капитала.

Наконец остановимся на универсализации торговли. Поскольку универсализация торговли происходила и до войны, при твердой валюте и нормальных условиях капиталистического обмена, поскольку происходило создание таких торговых гигантов, как Лувр в Париже, Мюр и Мерилиз в Москве и т. д., дело шло о естественной централизации торгового дела, о рационализации торговой техники, о сбережении расходов на аппарат буржуазного распределения.

Мы не касаемся здесь нормального процесса централизации и универсализации торговли, которые не имеют ничего общего с искусственной универсализацией при спекуляции, поскольку в последнем случае универсализация вызвана исключительно условиями падающей валюты. Как мы видели раньше, эта последняя вызывается необходимостью для предприятия кроме товаров, которыми обычно торгует данная фирма, покупать, что попало и где попало, лишь бы не держать долго капитала в денежной форме и делать больше оборотов. При прочих равных условиях в обстановке падающей валюты то торговое предприятие дает больший доход и выдерживает в борьбе за существование, которое в состоянии как можно скорее превратить деньги в товар. Наоборот, при твердой валюте необходимость такого уродования специализированной торговли отпадает; более жизненными оказываются предприятия, которые хорошо знают рынок в области своего товара, приближаются непосредственно к источникам про-

изводства, обходятся без посредников, следят за качеством производимого и продаваемого ими товара и удерживают за собой свою клиентуру и приобретают новую, обеспечивая ей доброкачественный материал. Специализированная торговля при твердой валюте начинает вытеснять универсализацию и спекуляцию, предприятия закупают теперь не что попало, а то, что нужно, чего ждут от него его клиенты. Если покупки задерживаются, то предприятие довольствуется банковским процентом на наличный денежный капитал по текущему счету, либо помещает его в легко реализуемых ценностях. Весь этот процесс возврата к специализированной торговле также ведет к увеличению сроков пребывания капитала в денежной форме, т. е. к расширению необходимого минимума обращения. Если же тенденция к сокращению сроков действует и теперь, то она вызывается необходимостью более быстрого оборота всего капитала в целом, а не лихорадочным стремлением избавиться от денежной формы капитала, путем превращения его в товарную форму какой угодно ценой.

Таким образом мы видим, что стабилизация валюты оказывает огромное влияние на товарооборот, вносит в него оздоровление, перерождает спекуляцию в нормальную торговлю. А в свою очередь это возвращение к нормальной торговле влияет положительно на валюту в том отношении, что в огромной степени увеличивает потребность товарооборота в добавочных денежных средствах, замедляет быстроту денежного оборота при том количестве товарноденежных сделок, следовательно, в общем и целом, увеличивает общественно необходимый минимум средств обращения.

9. ЗОЛОТОЙ МИНИМУМ ОБРАЩЕНИЯ (РЕАЛЬНЫЙ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ)

Мы подошли к очень важному пункту нашего исследования, где нужна величайшая ясность насчет того, насколько различно складывается реальная величина обращения при падающей валюте (т. е. весь номинал обращения, деленный на курс денег) от реальной величины обращения при твердой валюте, будь то бумажная твердая валюта или же металлическая.

Если дело идет о смене металлического обращения твердой бумажной валютой, то здесь вопрос достаточно ясен. Чтобы после такого перехода не началось обесценение валюты и расстройство обращения, нужно, чтобы бумажные деньги сменились золотыми деньгами в том самом количестве, в каком раньше требовалось для обращения золота. Если допустим, для заполнения всех функций денег в данной стране в условиях металлического обращения или в условиях свободного размена требовалось полноценных денег на 1 млрд. денежных единиц, то при всех прочих равных условиях бумажная валюта останется твердой валютой лишь в том случае, если бумажных денег в обращении также будет 1 млрд. Мы особенно подчеркиваем здесь «при прочих равных условиях» и вполне понятно почему. Если при переходе к бумажной валюте прочие условия, т. е. условия, определяющие размеры необходимого обращения, подвергаются изменениям, то дело не может уже свестись просто к замещению имеющихся в обращении металлических денег их бумажными представителями без дальнейших последствий. Мы имеем здесь в виду не те изменения, которые происходят при таком переходе в системе международных расчетов, и все дальнейшие последствия таких изменений, мы имеем здесь в виду те основные факторы и основные слагаемые, которые непосредственно определяют минимум обращения.

Допустим, для всего обращения страны, при существовании металлических денег, требовался 1 млрд. денежных единиц. Этот миллиард требовался в условиях, когда товарооборот был равен X, когда для выполнения функции денег как средства обращения требовалось их в количестве Y, при денежном накоплении, равном Z, при размерах безденежных расчетов = T, при быстроте оборота = U. Чтобы при переходе к бумажному обращению, заменяющему 1 млн. золота, 1 млн. бумажных денег мог сохранить свой паритет с золотом, необходимо, чтобы все эти «прочие условия», определяющие размер обращения, оставались бы без изме-

нения. Правда, здесь возможны некоторые изменения, но только второстепенного характера, изменения, принципиально возможные для самого металлического обращения. Например некоторое увеличение товарооборота может компенсироваться увеличением быстроты оборота денег или размерами безденежных расчетов. Возможно и уменьшение товарооборота, но зато компенсируемое соответственным увеличением денежного накопления и т. д. Эти вариантные изменения по самой сути дела не могут быть очень большими в условиях металлического обращения. В общем и целом такие изменения не выйдут из границ общих требований, выражаемых словами: «при прочих равных условиях». Важно лишь, чтобы соотношения величин, действующих на образование минимума обращения, создавали «равные условия» не по отдельным слагаемым а по итоговой сумме.

Спрашивается теперь, можно ли механически применять всю эту формулировку к обстановке падающей валюты?

Из всего предыдущего ясно, что такое механическое перенесение условий твердой валюты на падающую означало бы весьма детскую стадию во всем анализе разбираемого процесса.

В самом деле, что означает применение к падающей валюте постулата «при прочих равных условиях»? Это есть либо тавтология, если под разными условиями понимать одинаковость силового соотношения в действии различных факторов, определяющих курс валюты, либо это логическое противоречие, потому что все «прочие условия», как раз и подвергаются изменениям и притом таким изменениям, когда все они увязаны в единый процесс также и со стороны внутренней зависимости их друг от друга и со стороны строгой последовательности их действия во времени.

Разве может при падающей валюте, если даже товарооборот остается тем же, в обращении сохраниться 1 млрд. бумажных денег и равняться по стоимости 1 млрд. золотых денег. Совершенно очевидно, что минимум обращения при падающей валюте может в данном случае равняться 1 млрд. в золотом исчислении только тогда, когда действия всех других факторов, тянущих валюту вниз, полностью перекрываются расширением товарного обращения. А это есть совершенно исключительный случай.

Разве может при падающей валюте не изменяться в сторону сокращения, а на известной стадии развития процесса и в сторону полного прекращения, денежное накопление, а также и сфера применения денег в их функции средства платежа?

Разве могут не изменяться, также в сторону сокращения, а затем и полного превращения, размеры безденежных расчетов, хотя и с обратным действием на валюту, но с действием, гораздо более слабым, чем все остальные факторы падения?

Разве может не изменяться быстрота оборота денег и как раз в сторону гораздо большего возрастания темпа этой быстроты?

Совершенно очевидно, что при падающей валюте происходит

не только количественное, но и качественное изменение во всех предпосылках, определяющих необходимый минимум обращения. Лишь для упрощения и лишь на один момент в ходе нашего исследования мы можем представить себе такую ситуацию, что обращение «при прочих равных условиях» может возрасти в нашем примере в десять раз, и тогда курс денег также упадет в 10 раз. На минуту это можно себе представить только для того, чтобы в чистом виде проследить зависимость между размерами эмиссии и курсом валюты, т. е. проследить действие лишь одного фактора, влияющего на падение бумажных денег. В действительности же, раньше чем валюта дойдет по номиналу с 1 млрд. до 10 млрд. «все прочие равные условия» окажутся настолько неравными в сравнении с условиями твердой валюты, что курс валюты должен будет пасть значительно ниже, потому что серьезнейшим образом изменяется вся сумма тех слагаемых, которые определяют минимум обращения. Здесь неизбежно начинается сокращение, а затем ликвидация денежного накопления, усиливается приток денег из сферы накопления в сферу обращения, увеличение быстроты оборота денег и т. д.

Рассматриваемый нами процесс изменения золотого минимума при падающей валюте дает прекрасный материал не только для закона перехода количества в качество, но и блестящий пример перехода качества в количество. Бумажноденежные эмиссии увеличивают количество денег в обращении за пределы необходимого золотого минимума обращения и тем превращают твердую валюту в падающую. Количество переходит в качество. А затем вся обстановка падающей валюты приводит к перерождению и к отмиранию целого ряда функций денег и в корне меняет минимум золотого обращения и с количественной стороны, т. е. качество переходит в количество.

Лучше всего мы можем иллюстрировать все изменения, происходящие при падающей валюте в сравнении с твердой валютой, если приведем здесь одно место из Маркса, относящееся к металлическому обращению. Маркс пишет: «При общем понижении товарных цен масса средств обращения может оставаться неизменной, если масса товаров увеличивается в том же самом отношении, в каком падает их цена, или если быстрота обращения денег уменьшается в том же самом отношении, как и цена. Масса средств обращения может расти, если товарная масса растет или скорость обращения уменьшается быстрее, чем падают товарные цены.

Вариации различных факторов могут взаимно компенсировать друг друга таким образом, что несмотря на их постоянную изменчивость, общая сумма товарных цен, подлежащих реализации, остается постоянной, а потому остается постоянной и обращающаяся масса денег» [1].

Из всего предыдущего читатель знает, что при падающей ва-

1 «Das Kapital», Hamburg, 1909, B. I, S. 86.

люте не может быть таких ситуаций, таких вариантных возможностей, которые даны здесь Марксом в отношении твердой валюты.

Если при твердой валюте количество подлежащих реализации товаров увеличивается в той же пропорции, в какой падают совокупные цены этих товаров, то количество денег, необходимое для обращения, остается без изменения. При падающей валюте такие варианты исключены принципиально. Цены товаров здесь не могут падать. Раз перед нами падающая валюта, следовательно, несомненно растут и цены. Расширение товарооборота может действовать лишь как фактор, сдерживающий это падение. Этот фактор может, правда, и приостановить падение, если будет действовать с большой силой, но тогда валюта превратится из падающей в стабильную, т. е. исчезнет самый объект для сравнения. Но что самое интересное, так это то, что при падающей валюте происходят изменения не только цены товара, выраженной в бумажноденежных единицах, но изменяются и золотые цены, о чем подробно будет ниже.

Возьмем теперь второй пример. Если при твердой валюте быстрота обращения денег уменьшается в той же пропорции, в какой сокращается совокупная сумма товарных цен, подлежащих реализации, т. е. в какой уменьшается емкость товарооборота, то количество денег в обращении также должно остаться «при прочих равных условиях» без изменения, потому что эти два фактора взаимно уравновешиваются. При падающей валюте и этот вариант исключен, потому что здесь как правило происходит увеличение быстроты обращения денег. Уменьшение быстроты оборота денег наблюдается лишь к моменту стабилизации и особенно после стабилизации денег, т. е. когда валюта уже «выздоравливает» или «выздоровела», т. е. когда перед нами уже не падающая валюта.

Из всего этого с полной очевидностью вытекает, что золотой минимум обращения при падающей валюте хотя и складывается под действием тех же факторов, что и реальный золотой минимум обращения при металлическом обращении, однако соотношение этих факторов совершенно другое, и последовательность действия их во времени совершенно другая, наконец, некоторые факторы вообще прекращают свое действие на определенной стадии падения. Все это приводит к тому с первого взгляда непонятному факту, что при тех же самых размерах товарооборота в условиях твердой валюты требуется гораздо больше денег, чем в обстановке падающей валюты.

В самом деле. Возьмем две страны, которые имеют одинаковый товарооборот, измеряемый, допустим, в 10 млрд. рублей, марок, франков товарного обращения за определенный период времени. При твердой валюте для обслуживания этого товарооборота, если быстрота обращения денег равна 10 раз, если накопление требует 300 млн. единиц, если потребность в деньгах, как в средстве

платежа, требует 250 млн. единиц, если безденежные расчеты высвобождают денег на сумму 150 млн. единиц—все обращение будет равно цифре $\frac{10 \text{ млрд.}}{10} + 300 \text{ млн.} + 250 \text{ млн.} - 150 \text{ млн.} = 1\,400 \text{ млн.}$ денежных единиц. Возьмем тот же товарооборот в стране, находящейся в условиях быстро падающей валюты, когда деньги обращаются вдвое быстрее нормального, т. е. коэфициент быстроты = =20, а все функции денег, кроме функции средства обращения, совершенно замерли. Тогда для обслуживания данного товарооборота потребуется в золотом исчислении денег $\frac{10 \text{ млрд.}}{20}$, т. е. всего лишь 500 млн. денежных единиц.

Таким образом при тех же размерах товарооборота, но при прекращении действия других факторов, вызывающих расширение обращения,—а прекращение их действий наблюдается везде и всегда при быстро падающей валюте—потребность обращения в деньгах в золотом исчислении уменьшилась в нашем примере почти втрое.

Мы можем взять, разумеется, и не такой крайний случай. Мы можем взять валюту на такой стадии ее падения, когда накопление еще не ликвидировано окончательно, а лишь упало до минимума; когда функция денег как средства платежа не отмерла совершенно, но также сжалась очень сильно; когда быстрота оборота денег увеличилась, но не в два раза, а, допустим, только в полтора раза. Это даст в итоге другую, более значительную сумму денег в золотом исчислении, потребную для обращения, даст не 500 млн., а, может быть, 800 млн. или 1 млрд. Но во всяком случае это будет сумма значительно меньше той, которая нужна для обслуживания *того же самого товарного обращения при твердой валюте*.

Здесь перед нами факт, который подтверждается всей историей всех падающих валют, какие когда-либо существовали. Этот факт полностью объясняется с точки зрения марксовой теории денег, если только не механически переносить на падающую валюту всю ту обстановку, какая существует для денежного обращения при существовании золотого размена или при металлическом обращении.

Но здесь немедленно же возникает такой вопрос. Если все это так, то верно ли положение, что при бумажном обращении золотой минимум обращения, т. е. все обращение, деленное на курс бумажных денег, равен всегда тому количеству золота, которое представляет вся обесценившаяся масса денег.

Это положение остается незыблемым. Бумажные деньги представляют не товарные стоимости непосредственно, а золотые товарные цены, хотя бы золото и не было в обращении. Если бумажная марка пала в 100 раз по сравнению с маркой золотой, то она представляет в 100 раз меньшую по весу частицу золота, с пересчетом всего этого на бумажные цены товара. Движение же самих золотых цен, лежащих в основе всего процесса, определяется

общими стоимостными отношениями товарного производства данной страны и лишь переводится на язык всех расчетов в бумажно-денежных знаках, с постоянной оглядкой на реально-золотые цены, т. е. на цены товаров в иностранных валютах, имеющих золотой размен, с постоянной оглядкой на интервалютарные отношения бумажных денег.

Какой механизм лежит в основе всего этого процесса, об этом мы отчасти говорили выше, отчасти скажем несколько ниже.

Но все это совершенно не значит, что, беря теоретически мыслимый пример, что если бы какая-либо страна с быстро падающей валютой на всем скаку сразу перешла к золотому обращению, то после такого перехода для обращения потребовалось бы совершенно такое же количество золота, какому был равен золотой минимум обращения при падающей валюте перед самой реформой. Если до реформы требовалось при том же товарном обороте 500 млн. в золотом исчислении (это может означать 5 млрд. денежных единиц при падении курса в 10 раз, 15 млрд. при падении в 30 раз и т. д.), то после реформы обращение может обойтись в 500 млн. золотых денег. Именно сам факт перехода к металлическому обращению должен так увеличить минимум обращения за счет уменьшения быстроты оборота денег и вследствие восстановления всех функций денег, которые отмирали в период падающей валюты, что минимум обращения должен быстро и на громадную сумму возрасти.

Из всего этого следует, что золотой минимум обращения при падающей валюте есть такая величина, к которой тяготеет обращение только при падающей валюте и только под действием всех условий, сопровождающих падение. Эта величина сейчас же превращается в другую величину, как только валюта стабилизуется.

Но валюта может перестать быть падающей не только в результате перехода к металлическому обращению, но вследствие перехода к бумажной же, но твердой валюте. В этом случае дело будет складываться совершенно таким же образом, как и при переходе к металлическому обращению. Здесь минимум обращения также является теоретическим, потому что реального золотого обращения нет. Однако изменения минимума происходят в таких размерах, как если бы в обращение вступило бы золото. Это доказывает, что то изменение размеров минимума обращения, которое мы здесь описываем, происходит не потому, что золото вышло из обращения, а потому что функция денег и соотношения факторов, влияющих на размеры обращения, при падающей валюте изменяются под действием самого факта падения.

В этом и заключается одно из важнейших оснований, которое заставляет построить теорию падающей валюты, как особую форму приложения марксовой теории денег к тому извращению денежного обращения, товарного обращения и товарного производства, какие всюду происходят в условиях падающей валюты.

---

10. РАЗРЫВ ВНУТРЕННИХ ЗОЛОТЫХ ЦЕН И ЦЕН МИРОВОГО РЫНКА. ВАЛЮТНЫЙ ДЭМПИНГ

Вторая причина, заставляющая подвергнуть условия падающей валюты специальному исследованию, заключается в разрыве между национальными золотыми ценами и ценами мировыми. Только исходя из теории падающей валюты, можно правильно понять многие явления, возникающие в этой обстановке, в том числе теоретически правильно понять всем известное явление валютного дэмпинга.

Почему, собственно говоря, происходит этот разрыв золотых цен и каково его валютное выражение?

Возьмем, например, какую-нибудь страну, которая живет в условиях падающей валюты и в то же время находится в тесной связи с мировым хозяйством. В такой стране цены на товары в бумажной валюте неизбежно будут отрываться от золотых цен, которые существовали до периода падения. Допустим, во Франции после войны центнер железа стоил 80 бумажных франков вместо довоенных 20, метр мануфактуры определенного качества 12 бумажных франков вместо довоенных 3 и т. д., а весь индекс внутренних цен также поднялся в 4 раза по сравнению с индексом довоенных золотых цен. Предположим, что валютная котировка франка на доллар также пала в 4 раза, т. е. за доллар платят вместо 5,18 франка 20,72 бумажного франка. В этом случае золотые цены во Франции в мировом золоте, т. е. в долларах, будут равняться золотым ценам в бумажных франках, разумеется, при том непременном условии, что золотые цены в странах мирового хозяйства с твердой валютой равны золотым ценам в странах с падающей валютой. Но такого положения как раз и не бывает.

Посмотрим поэтому, почему не бывает такого положения и как складываются при падающей валюте вообще ценностные взаимоотношения с мировым хозяйством.

Возьмем ту же Францию в довоенных условиях. Вся ее внутренняя продукция делилась на три части: 1) на ту часть, которая вообще не могла экспортироваться; 2) на ту часть, которая не могла экспортироваться вследствие того, что издержки внутреннего производства и транспортные расходы делали продукцию Франции не конкурентоспособной на заграничных рынках; 3) та французская продукция, которая, несмотря на транспортные расходы и таможенные ставки импортирующих стран, могла экспортироваться, потому что на рынках продажи она стоила

или ниже или столько же, сколько стоила продукция ввозящих стран. В данном случае нас не интересует первая группа товаров. Мы рассмотрим здесь те изменения, которые происходят с золотыми ценами на продукцию 2-го и 3-го разряда.

Для облегчения нашего исследования возьмем какой-либо цифровой пример. Предположим, что определенная партия товаров, которая стоила перед войной в Америке 100 долл., стоила столько же и во Франции. Это значит, что эта партия товаров, при паритете франка, равном 5,18 франка за один доллар, должна была стоить во Франции 518 франков. Совершенно очевидно, что при наличии транспортных расходов вывозка этой продукции в Америке в условиях довоенных ценностных отношений была не рентабельна, и она не имела места.

Представим себе далее, что валюта Соединенных штатов остается стабильной, золотые цены в Америке равняются также ценам довоенным, т. е. стоимость золота не изменилась. А во Франции произошло падение валюты в 4 раза, т. е. доллар стоит в валютной котировке не 5,18 франка, а 20,72 франка. Спрашивается теперь, изменится ли что-либо здесь в более благоприятную сторону с точки зрения экспортных возможностей для Франции?

Совершенно очевидно, что здесь не произойдет никаких изменений, потому что та партия товаров, которая стоила до войны 518 франков, будет стоить теперь 2072 франка, т. е. партия будет стоить 100 долл., если перевести эти 100 долл. во франки по курсу франка, павшего в 4 раза. Из этого примера мы с полной очевидностью видим, что само по себе падение валюты, если оно происходит в условиях неизменности золотых мировых цен и золотых цен внутри страны с падающей валютой, неспособно создать какую-либо новую ситуацию. Из сказанного совершенно очевидно, что изменение ситуации может произойти лишь в случае какого-то существенного изменения в золотых ценах.

Теперь представим себе, что золотые цены изменились и в Америке и во Франции, но изменились в разных пропорциях. В данном случае мы возьмем конкретные цифры из области того, что было реально. Возьмем, например, 1926 год, год максимального падения франка, а потому наиболее для нас интересный. В этом году средний индекс золотых цен в Америке, беря средний годовой, равнялся по сравнению с довоенным—151. Это значит, что та партия товаров того или иного набора, за которую надо было до войны платить 100 долл., покупалась в Америке в 1926 г. за 151 долл. Если бы золотые цены во Франции в 1926 г. также возросли по сравнению с довоенными на 51%, совершенно независимо от того, как выглядело бы все это в бумажной французской валюте, то в этом случае условия товарного обмена между Францией и Америкой также не потерпели бы изменений. В этом случае за ту партию французских товаров, за которую при довоенных золотых ценах, но при падении франка в 4 раза, платили 2072 франка, теперь платили бы и во фран-

ках и в долларах на 51% дороже. Это значит, что ни американским импортерам, ни французским экспортерам не было бы никаких особых выгод делать операции с данными товарами.

Но совершенно иначе дело будет обстоять в том случае, когда между американскими золотыми ценами и французскими золотыми ценами наступит разрыв. Этот разрыв был особенно резким в рассматриваемый нами 1926 г. и сводился он к следующему. Золотые цены в Соединенных штатах, как мы уже видели, равнялись 151 в сравнении с довоенными 100, в Англии 148 по сравнению с довоенными 100, во Франции же они равнялись 118. Этот разрыв цен означает следующее. Та самая партия товаров, за которую в Америке в 1926 г. приходилось платить 151 долл., внутри Франции стоила только 118 долл. Совершенно очевидно, что такой огромный разрыв естественно должен был способствовать усилению экспорта товаров из Франции в Америку и чрезвычайно затруднял импорт из Америки во Францию тех товаров, которые могли ввозиться до войны, за исключением, разумеется, того импортного сырья, без которого вообще не может работать французская промышленность.

Из приведенного конкретного примера вытекает много весьма существенных выводов. Прежде чем перейти к этим выводам, мы должны однако с самого начала предупредить читателя от одного возможного недоразумения. Мы прежде всего должны оговориться, что, когда мы говорим о разрыве внутренних цен какой-либо страны с ценами мирового рынка, мы имеем в виду не то расхождение цен, которое обычно существует и в условиях золотого обращения во всех странах мирового хозяйства, следовательно, не о том расхождении, которое существовало и до войны. Это довоенное расхождение отражало собой ту естественную обстановку, при которой вообще возможно международное разделение труда. Это значит, что одна страна по характеру ее природных богатств и по ряду других причин производит какую-либо продукцию дешевле, чем ее производят другие страны мирового хозяйства. Вследствие этого экспорт продукции из этой страны в другие страны, несмотря на издержки транспорта, оказывается рентабельным. Именно на этой базе и развертывалась все время мировая торговля с самого начала образования мирового рынка. В данном случае мы имеем в виду не это. Мы имеем в виду здесь такой разрыв золотых цен, который связан с другой совершенно причиной, а именно с различными условиями ценообразования в странах твердой валюты и в странах с падающей валютой.

Вторая оговорка, которую здесь нужно сделать, сводится к следующему.

Когда мы производим сравнение мировых золотых цен с золотыми ценами той или иной страны с падающей валютой, то мы не подвергаем анализу самое явление расхождения послевоенных золотых цен с золотыми довоенными ценами во всех

странах мирового хозяйства. Это явление, вызванное специфическими причинами, требует особого изучения [1].

В данном случае нас интересует не само это явление, а различный уровень золотых цен в странах с твердой и в странах с падающей валютой.

Переходим теперь к исследованию как причин, так и последствий установленного нами факта.

Первым последствием данного нами факта является с первого взгляда непонятное явление, а именно, что индекс оптовых цен во Франции за годы после войны все время повышался быстрее, чем падал франк в его отношении к доллару. Объяснение этого факта заключается именно в том, что индекс оптовых цен во Франции сравнивается с довоенной стоимостью золота, между тем золотые цены во Франции уже изменились по сравнению с довоенным положением в сторону повышения, несмотря на то, что весь этот процесс затушеван в цифрах оптового индекса, за сходную базу которого берется довоенная расценка товаров.

Второй вывод относится к объяснению того явления, почему курс франка держался на том или другом уровне в отношении к доллару за отдельные годы после войны. Как известно, профессор Кассель выступил здесь со своей сильно нашумевшей теорией о так называемом паритете покупательной силы валюты. Эта теория абсолютно ничего не объясняет из того, что происходит в области интервалютарных отношений в странах с падающей валютой. Наоборот, наша теория дает вполне достаточное объяснение всем происходящим здесь процессам. В самом деле, если мы вернемся к взятому для примера 1926 г., то разрыв золотых цен между Францией и Соединенными штатами, т. е. разрыв цен на целые 38% объясняется тем обстоятельством, что внутренние золотые цены во Франции, т. е. продажные цены товаров, выраженные в долларах, приспособлялись к условиям себестоимости производства во Франции. А условия себестоимости производства во Франции в период падения франка были весьма специфическими, как и во всякой стране с падающей валютой. Французские товары стоили дешевле по тем причинам, которых мы отчасти коснулись выше при исследовании вопроса о форме ценообразования при падающей валюте. Ценообразование во Франции, как во всякой стране с падающей валютой, определялось двумя основными факторами: снижением реальной зарплаты—во-первых, т. е. расхождением цены рабочей силы и стоимости рабочей силы, и неправильной калькуляцией в области амортизации основного капитала—во-вторых.

Что касается второй причины, которую мы можем в гораздо более яркой форме констатировать также и в Германии за период падающей валюты, то уже одна эта причина могла бы

---

[1] Интересующихся этим вопросом я отсылаю к своей статье «Изменения в стоимости золота и товарные цены», напечатанной в № 1—2 журнала «Проблемы экономики», за 1930 г.

многое объяснить во всем процессе. Однако решающую роль играет первая причина, т. е. повышенная эксплоатация рабочего класса предпринимателями. Благодаря недооплате рабочей силы вся продукция французской промышленности, шедшая на экспорт, складывалась в условиях ценообразования, очень благоприятного для экспортеров. Поскольку в данную продукцию входило сырье собственного производства и амортизация основного капитала, также собственного производства, то это были элементы, произведенные при сниженной зарплате. Если в экспортную продукцию входило сырье импортное, то его стоимость не могла изменяться в сравнении с ценами мирового рынка, но зато была ниже нормальной та часть стоимости, которая складывалась из амортизации основного капитала, плюс недооплата по зарплате при процессе превращения этого сырья в готовую продукцию. В итоге, следовательно, условия себестоимости производства для капиталистического класса во Франции по всей линии оказывались более выгодными, чем при производстве аналогичных товаров в Америке, если только все это не перекрывалось в некоторых отраслях совершенно исключительными выгодами американского производства благодаря более высокой технике и массовому стандартному производству.

То же самое относится к сфере транспортных расходов внутри Франции и ко всей сфере так называемых услуг.

Разрыв цен во Франции и Германии периода падающей валюты был настолько значителен, что это приводило к усилению роста экспорта из этих стран и к совершенно небывалому наплыву иностранных туристов в страны с падающей валютой. Эти иностранные туристы, как саранча, наезжали в Германию, Австрию, Францию и Италию периода падающей валюты, делали там в массовых размерах закупки по дешевым ценам, очень дешево платили за все услуги в отелях, кафэ и за все увеселения и полностью использовывали выгодную для них ситуацию. В общем и целом все устремлялись в страны, где пролетариат не дополучал по зарплате и где временами проедался основной капитал в промышленности.

В качестве одного из наиболее ярких примеров из этого периода можно привести следующий факт. Как известно, в Англии существует сравнительно прилично организованное для капиталистической страны страхование от безработицы, вследствие чего безработные получают, в сравнении с другими странами, более высокие пособия. В период падения валюты во Франции наблюдалось такое интересное явление. Английские безработные, получавшие свои пособия в английских фунтах, предпочитали тратить эти фунты на жизнь не на территории Англии, а на территории соседней Франции. Они в очень больших количествах селились на побережьи Ламанша в дешевеньких французских курортах и там в состоянии были жить гораздо лучше, чем на своей родине с ее более высокими ценами на квартиры, услуги и большую часть товаров.

Исходя из вышеизложенного нам делаются гораздо более ясными все явления, связанные с так называемым валютным дэмпингом. Валютный дэмпинг мы не должны смешивать с тем бросовым экспортом, который практиковался капиталистами ряда стран с трестированной или синдицированной промышленностью. В основе бросового экспорта лежит ограбление покупателей внутри данной страны путем искусственного взвинчивания цен, благодаря чему тресты и синдикаты оказываются в состоянии выбрасывать на внешний рынок часть своих товаров ниже себестоимости производства. В качестве такого примера бросового экспорта можно привести пример с нашей сахарной промышленностью до войны. Так как наши сахарозаводчики производили больше продукции, чем они могли разместить при данных фиксированных ценах на русском рынке, они предпочитали выходить из этого положения не путем снижения цен на сахар и увеличения таким путем спроса на него, а путем нормировки цен на то количество сахара, которое предназначалось для внутреннего потребления. Остальную часть сахара, которая не могла быть реализована внутри, они вывозили на внешний рынок и кормили этим сахаром английских свиней. В массовом масштабе подобного же сорта бросовый экспорт практиковали тресты и синдикаты Соединенных штатов. Разница бросового экспорта от валютного дэмпинга заключается в том, что при валютном дэмпинге не существует никакой нормировки ни размеров производства, ни внутренних цен. Эта нормировка к выгоде для капиталистов происходит вследствие факта недооплаты рабочему классу по зарплате. Продукция, произведенная в условиях падающей валюты, может поэтому с успехом вывозиться на внешний рынок и побивать в конкурентной борьбе продукцию стран, которая производится при твердой валюте и, следовательно, в условиях относительного соответствия между ценой рабочей силы и ее стоимостью.

При таких условиях естественно, что курс бумажных денег страны с падающей валютой тяготеет к расценке товаров этих стран в золотой валюте государств с твердой валютой. Это есть тот основной уровень золотых цен, к которому тяготеет и расценка бумажных денег на валютной бирже. Здесь таким образом мы имеем перед собой те соотношения, которые складываются на основе основного регулятора капиталистического хозяйства, а именно на основе закона ценности.

Правда, здесь возможно и известное отклонение от этого базиса ценностных отношений, отклонение, вызываемое теми или другими конъюнктурными колебаниями. Причина этих конъюнктурных колебаний в каждый данный момент может быть весьма различной. Несмотря на валютный дэмпинг, в той или иной экспортирующей стране, особенно если она связана целым рядом международных платежей в твердой валюте, потребностью всего валютного обращения, а также потребностью покрытия тех или других платежей, может вызвать более значительный спрос на

твердую валюту в сравнении с обеспеченным покрытием этого спроса на основе торговых отношений. Такое положение может складываться особенно в отношении тех стран с твердой валютой, которым страна с падающей валютой вынуждена не только платить по тем или иным долговым обязательствам, но где ей приходится кроме того делать и очень большие закупки импортного сырья. Если на продолжении определенного промежутка времени, допустим в течение полугода, стране с падающей валютой приходится выплатить тем же Соединенным штатам бо́льшую сумму в твердой валюте по государственным платежам и по расчетам за закупленное сырье, чем данная страна в состоянии выручить от своего экспорта в Соединенные штаты, иными словами, если платежный баланс страны с падающей валютой складывается неблагоприятно в ее отношениях с Соединенными штатами, то такая страна будет иметь дефицит на доллары Соединенных штатов и естественно, что расценка валюты этой страны в долларах будет иметь тенденцию оторваться от внутренних золотых цен этой страны, если только проблема платежей не может быть полностью разрешена на основе так называемого арбитража. Здесь возможно, конечно, и обратное положение. Но эти конъюнктурные колебания мы в состоянии будем правильно понять, а также сможем делать и правильный прогноз насчет дальнейшего изменения с курсом данной валюты, если в основу всех исчислений все же будем класть самое существенное, будем класть исходную величину, от которой и идут конъюнктурные колебания. Этой основной величиной оказывается *себестоимость внутреннего производства в стране с падающей валютой*. Только в свете данной постановки вопроса делается понятным и то как будто совершенно необъяснимое явление, что в ряде стран с падающей валютой золотые цены после войны не только стояли ниже золотых цен Соединенных штатов и Англии, но *падали даже ниже довоенных*. В качестве примера из этой области можно указать на Германию, у которой золотые цены в 1919 г. равнялись 96,9, считая довоенные золотые цены равными 100. В той же Германии в 1921 г. золотые цены равнялись 86, в 1922 г. 83 и в 1923 г.—95,1. Но после перехода Германии к твердой валюте золотые цены в 1924 г. поднимаются за довоенный уровень и приближаются в дальнейшем к индексу золотых цен в Соединенных штатах и Англии. То же самое мы можем видеть и на примере Польши периода падающей валюты, а также в ряде других стран, как это видно из вышеприведенной таблицы (см. стр. 47).

После всего сказанного нам делается понятным вся сумма тех явлений, которые наблюдаются при переходе стран с падающей валютой к стабилизации. Этот процесс Германия переживала до декабря 1923 г., а Франция до осени 1926 г.

Переход к твердой валюте сразу же меняет всю картину в том отношении, что калькуляция себестоимости производства складывается теперь уже в иных условиях. Прежде всего каждое пред-

приятие вынуждено строго следить за правильной амортизацией основного капитала и соответствующим отражением амортизационных расчетов в себестоимости продукции. Следовательно, мы имеем здесь ликвидацию того источника снижения калькуляции, которая играла не последнюю роль в период валютного дэмпинга.

Но самое важное изменение происходит в области зарплаты. При переходе к твердой валюте зарплата, отрывающаяся от стоимости рабочей силы, имеет тенденцию вернуться к уровню стоимости воспроизводства рабочей силы. Насколько серьезные изменения это должно вносить во всю калькуляцию готовой продукции, в том числе и экспортной продукции, это можно видеть по динамике зарплаты в Германии в условиях довоенных, в период инфляции Германии и в период после стабилизации валюты. Это можно видеть по цифрам реальной зарплаты в Германии, Австрии, Польше и других стран падающей валюты по всем исследованиям, в том числе по данным Бюро труда при Лиге наций. Это особенно бросается в глаза в странах, переживших катастрофу с валютой. Что же касается, например, Франции, то здесь этот процесс был гораздо менее заметен. Это объясняется недостатком рабочих рук во Франции, а также тем, что довоенный уровень зарплаты во Франции складывался при низкой часто полуремесленной технике и остался на том же уровне после перевооружения промышленности. Но относительно это и есть уменьшение зарплаты. Это сказывается на индексе цен после стабилизации, который стоит на 10 и более пунктов ниже, чем в САСШ, Англии и даже Германии. Если мы рассмотрим кривую роста оптового индекса цен с 1911 по 1926 г., то и здесь будем иметь, после некоторого забега зарплаты вверх против индекса в середине этого периода, в дальнейшем систематическое отставание кривой зарплаты от кривой роста оптовых цен. Наиболее ярко этот процесс можно проследить на кривой зарплаты высококвалифицированных рабочих в Париже. При этом надо еще иметь в виду, что сравнение идет с довоенной Францией и с отсталым в то время оборудованием. Это значит, что весь рост производительности труда с тех пор не отразился на повышении зарплаты.

Все вышесказанное доказывает, что в условиях падающей валюты мы имеем в области ценообразования, в сфере отношения внешней торговли, в области расценки рабочей силы, в области калькуляции износа основного капитала, в области интервалютных отношений целый ряд таких специфических изменений, с которыми мы не встречаемся ни в условиях золотого обращения, ни в условиях существования твердой бумажной валюты. И рассматриваемый нами пункт, а именно область разрыва золотых цен страны с падающей валютой от мировых золотых цен, показывает, насколько специфичен и своеобразен весь материал для теоретического исследования и насколько необходимо для понимания всех этих специфических явлений создание особой теории падающей валюты.

11. МЕХАНИЗМ СТОИМОСТНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРИ ПАДАЮЩЕЙ ВАЛЮТЕ

Мерилом стоимости при падающей валюте остается золото, но между условиями производства золота в пунктах его мировой добычи на одном полюсе и между бумажными деньгами той или иной страны с падающей валютой на другом полюсе расстояние сильно удлиняется. Самое важное заключается в том, что в странах с падающей валютой себестоимость производства товаров резко отрывается от себестоимости производства в странах с золотым разменом и вместе со всеми извращениями денежного обращения и самого товарного обращения весьма осложняет весь механизм ценностного регулирования через денежную систему.

При более конкретном анализе здесь надо различать страны, тесно связанные с мировым хозяйством, и страны, находящиеся в состоянии временной хозяйственной автаркии. В общем, подавляющее большинство стран, переживавших период падающей валюты, было все время в той или иной мере связано с мировым хозяйством, а мы рассматриваем вопрос именно в этих условиях. Советская Россия, находившаяся в состоянии полной хозяйственной изоляции от мирового хозяйства, за период блокады, не вполне характерна для исследования еще и потому, что она в период военного коммунизма испытала изменения в самой структуре хозяйства. А в период нэпа она хотя и вышла из состояния изоляции, но переживает дальнейшее углубление и расширение сферы планового хозяйства, вследствие чего ее деньги имеют в значительной степени другую экономическую природу в сравнении с деньгами капиталистических стран.

И в условиях твердой бумажной валюты и в условиях падающей, если страна находится в состоянии связи с мировым хозяйством, а в сфере самого мирового хозяйства есть такие страны, которые имеют или золотое обращение или золотой размен, то и в том и в другом случае, т. е. и твердая бумажная валюта и падающая бумажная валюта имеют соприкосновение с мировым золотом. Это материальное соприкосновение с мировым золотом обеспечивает и здесь и там возможность выражения в мировом золоте внутренних цен товаров как при твердой, так и при падающей валюте. Однако в общих условиях такого соприкосновения есть значительная разница. Исследование этой разницы представляет одну из важнейших задач теории падающей валюты и одно из оправданий существования такой теории.

Твердая бумажная валюта, как мы уже видели, соприкасается с мировым золотом в сфере мировой торговли и международных расчетов. Для стран, ввоз и вывоз которых в общей сумме равен хотя бы 10% их внутренней товарной продукции, это очень серьезное соприкосновение. Между тем большинство капиталистических стран связано с мировым хозяйством в гораздо более сильной степени.

Этот ценностный переплет с мировым хозяйством особенно велик для тех стран, промышленность которых работает в значительной части на импортном сырье. Расценка этого сырья в мировом золоте входит независимым объективным фактором, так сказать, внешне данной величиной и в расценку той части продукции, которая идет не только на внешний, но и на внутренний рынок. Следовательно, товарообмен страны и котировка ее валюты на мировой валютной бирже одной своей частью непосредственно соприкасается с мировым золотом и непосредственно регулируется стоимостными отношениями мирового хозяйства, а в другой своей части ее товарообмен ориентируется на эти отношения, поскольку соприкасается с мировым золотом лишь косвенно, через внутреннюю связь всех видов производства с мировым хозяйством. При этом и здесь и там, т. е. в странах с золотым разменом и в странах с твердой бумажной валютой образование золотых цен происходит в нормальных отношениях товарного производства и товарного обращения.

При падающей валюте, но при сохранении известной связи страны с мировым хозяйством, валюта соприкасается с мировым золотом тем же путем, но образование внутренних золотых цен происходит в специфических условиях резкого разрыва цен рабочей силы со стоимостью рабочей силы, при дезорганизующем влиянии падающей валюты на всю систему калькуляции основного капитала, а также в какой-то степени и на расценку оборотного капитала, поскольку он воспроизводится внутри страны. При таком положении происходит неизбежный разрыв и внутренних золотых цен с мировыми, т. е. соприкосновение валюты с мировым золотом осложняется этим очень важным фактом.

Отсюда вытекает и другой самый важный и в то же время самый специфический вопрос, а именно вопрос о том, какие золотые цены лежат теперь в основе золотого минимума обращения внутри страны с падающей валютой: внутренние ли золотые цены, т. е. искусственно сниженные, или же цены мирового рынка? Совершенно очевидно, что когда мы говорим о сниженных золотых ценах при падающей валюте, то в бумажных деньгах эти цены могут быть огромными, в 5, 10, 20 раз выше тех цен, которые существовали в данной стране в период стабилизации ее денег.

Поставленный теоретически вопрос надлежит решать таким образом. Минимум обращения должен складываться в стране с падающей валютой на основе и мировых и внутренних цен, но в пропорциях, которые существуют между размером импорта дан-

ной страны и размером ее внутреннего производства. Иными словами: если страна ввозит предметы потребления, сырье и другие средства производства в размере 10 или 15% всего внутреннего товарного обращения, то в этой части денежный товарооборот должен браться в мировых ценах. Все же товарные массы внутреннего производства должны браться по внутренним золотым ценам, точно так же должен браться по внутренним ценам и весь экспортный контингент. Исследование должно учесть при этом влияние цен импортного сырья на готовую продукцию и избегать двойного счета.

В отношении экспортной части продукции такая постановка вопроса может казаться неправильной, потому что как раз именно эта часть продукции непосредственно получает цену в мировом золоте. Однако установленное нами положение является абсолютно верным, поскольку мы проводим строгое различие между величиной товарной стоимости и ее денежным выражением в мировых твердых валютах. Если бы расценка экспортного контингента делалась на основании стоимостных отношений мирового рынка, то тогда не могло бы быть и валютного дэмпинга. Когда какая-либо страна с падающей валютой выносит свою продукцию на внешний рынок, то экспортная продукция выходит с производства с себестоимостью, более низкой, чем аналогичная продукция стран с твердой валютой, а следовательно и расценивается в мировом золоте через разменные и твердые валюты других стран на уровне, близком к внутренним золотым ценам экспортирующей страны. Валюта мирового хозяйства лишь повторно и окончательно подтверждает эти цены, складывающиеся в процессе производства, но не определяет величину их. Иначе пришлось бы допустить, что товары в странах с падающей валютой выходят на рынок без внутренней стоимости. Это противоречило бы основам марксовой теории стоимости и теории денег [1].

Ввиду исключительной важности этой части нашего исследования, мы изложим еще раз в двух словах всю динамику этого процесса в целом на примере какой-либо отрасли производства, допустим, на примере машиностроительных заводов Германии периода падения марки. Здесь надо различать три основные момента:

1. Стоимость продукции с точки зрения затраченного на ее производство общественно-необходимого труда в целом, т. е. включая и воспроизводство элементов оборотного капитала и амортизуемой части основного капитала. Эти затраты труда и при падающей валюте не изменяются, если техника остается той же.

2. Цена продукции при падающей валюте. Эта цена отрывается теперь от стоимости продукции, т. е. она систематически ниже стоимости как вследствие падения цены рабочей силы в

[1] Вообще надо заметить, что золотые цены страны с падающей валютой есть ее цены, измеренные, а отчасти прямо выраженные в валютах стран, имеющих золотой размен, т. е. практически, прежде всего выраженные в долларах САСШ.

сравнении со стоимостью ее в нормальных условиях, т. е. в условиях твердой валюты, так и нередко вследствие недооценки амортизации основного капитала. Между тем с точки зрения затраты труда, как мы уже сказали, положение не изменилось [1].

3. Этот разрыв между ценой и стоимостью сначала фиксируется во внутренних золотых ценах, т. е. в ценах, измеряемых в иностранных твердых валютах, но он затушеван всей обстановкой падающей бумажной валюты. Эти золотые цены выражаются на практике в определенном количестве единиц падающей бумажной валюты. Этот разрыв отчетливо выступает, однако, при экспорте данной продукции в страны с золотым разменом и получает свое окончательное выражение при продаже экспортных контингентов данных товаров на мировом рынке. Отсюда все явления валютного дэмпинга.

Вся трудность при исследовании проблемы заключается в установлении того, каким образом происходит в странах с падающей валютой образование внутренних золотых цен при отсутствии в обращении реального золота. Эти цены получают свое выражение через механизм косвенного соприкосновения падающей валюты с валютой стран золотого размена. Это соприкосновение идет не только по линии экспорта, но и по линии импорта, а также во всей остальной сфере хозяйственных связей между странами.

Таким образом товары внутреннего производства хотя и расцениваются в бумажных деньгах, но эти бумажные деньги в свою очередь все время имеют свою расценку в мировом золоте. Таким образом на внешнем рынке продукция стран с падающей валютой выходит уже расцененной во внутренних золотых ценах, а потом эта внутренняя расценка, так сказать, подтверждается на мировом рынке и материализуется в ценах стран с золотым обращением или с твердыми валютами.

Это тем более так, что внутри стран с падающей валютой внутреннее золото хотя и не фигурирует в сколько-нибудь значительном масштабе в обращении, однако оно также подвергается все время котировке, если можно только употреблять это выражение в отношении к золоту, причем эта котировка почти всегда совпадает с котировкой бумажной валюты данной страны в валютах стран с золотым разменом. Эта расценка золота внутри ориентируется не на товарный индекс, исчисляемый в довоенных ценах, а на мировое золото.

Так должен формулироваться вопрос теоретически. Насколько верна эта формулировка и насколько она подтверждается фактами, это должно показать конкретное исследование вопроса на ряде стран специально под этим углом зрения.

---

[1] Здесь мы имеем очень интересный случай длительного отрыва цен от стоимостей, причем можно говорить уже и о временной деформации стоимостного регулирования, либо о новых условиях образования самих стоимостей. Анализ этого теоретически интересного случая не входит здесь в нашу задачу.

Здесь возможен в частности такой методологический прием исследования. Золотой минимум страны с падающей валютой один раз перечисляется, исходя из расчета по внутренним ценам, с той поправкой на валютном контингенте, о которой мы говорили выше. Другой раз тот же минимум исчисляется, исходя из мировых золотых цен на ту же товарную продукцию по отдельным товарам. Если при втором исчислении, которое должно дать в итоге преувеличение размера минимума обращения, такое перечисление не может объяснить движение курса валюты во вне и его покупательной способности внутри, то это и будет доказательством неверности этого варианта. При этом надо лишь иметь в виду ряд осложняющихся обстоятельств, о которых мы говорили выше, а именно: надо всегда принимать во внимание кроме изложенных соображений также расчетный баланс страны, наряду с сальдо расчетов с решающими странами мирового хозяйства.

Что касается стран, находящихся в условиях хозяйственной автаркии и в то же время сохраняющих чисто капиталистические отношения, то мы не имеем в сущности ни одного такого примера в истории последних десятилетий в совершенно чистом виде. Могут указать, правда, на Германию и Австрию периода морской блокады во время мировой войны. Но не нужно забывать, что центральные державы не были совершенно изолированными от нейтральных стран. Они вели очень оживленную торговлю с нейтральными странами, которые в свою очередь продолжали сохранять связи с мировым хозяйством. Что касается Советской России за период с 1917 по 1921 г., то она хотя и была изолирована от внешнего мира, но в ней капиталистические отношения были в основном ликвидированы, а товарные отношения были сильнейшим образом деформированы; в ней начинался распад самой системы денежного обращения и возврат, в сфере вольного рынка к натуральному товарообмену, а внутри государственного хозяйства был сделан переход от денежного товарообмена к плановому распределению продуктов. Впрочем, как мы увидим ниже, в некоторых отношениях денежное обращение Советской России давало ценный материал для изучения отдельных сторон процесса падающей валюты, особенно для изучения в чистом виде влияния эмиссии на курс валюты. А в то же время здесь мы встречаемся со специфическим вопросом о том, как могло золото оставаться мерилом стоимости, когда оно не было в обращении как деньги, а валюта страны не имела даже косвенной связи с золотом мирового хозяйства.

12. МЕТОДОЛОГИЯ ИЗУЧЕНИЯ КУРСА ПАДАЮЩЕЙ ВАЛЮТЫ И ПОСТРОЕНИЕ ПРОГНОЗОВ

Наше исследование ставит перед собой две задачи. Чисто теоретическая задача состоит в том, чтобы изучить закономерности извращения денежного обращения при падающей валюте и объяснить все запутанные явления в этой области, которые наблюдаются во всех странах с падающей валютой. Наша же практическая задача заключается в том, чтобы наметить тот метод, с помощью которого можно понять не только то, что происходило и что происходит в условиях падающей валюты, но и обеспечить возможность предсказаний в отношении курса падающей валюты и других явлений в области денежного обращения.

Прежде чем мы перейдем к проверке нашего метода на конкретных фактах из истории падающей валюты, мы возьмем для иллюстрации произвольный числовой пример, воспроизводящий наиболее характерные черты всего процесса, внутреннюю связь и закономерную последовательность основных явлений при падающей валюте.

Представим себе страну, которая в условиях стабилизации валюты имела в обращении денег на 2 млрд., причем половина обращения состояла из разменных банкнот, а другая половина из полноценных металлических денег, плюс некоторое количество мелкой разменной монеты. Допустим далее, что денежный товарооборот страны за определенный промежуток времени измерялся суммой в 12 млрд. денежных единиц, например марок при быстроте оборота денег в восемь раз. Допустим, что эти 2 млрд. складывались при выполнении деньгами их функции в таких пропорциях: функция денег как средства обращения требовала 1 500 млн. марок, их функция как средство платежа— 400 млн. марок; функция накопления связывала 600 млн. марок; безденежные расчеты высвобождали денег на 500 млн. марок.

Представим себе далее, что страна была выведена из состояния валютного равновесия и оказалась в условиях падающей валюты под действием двух факторов, которые пошатнули валюту. Первым из этих факторов было сокращение товарооборота страны на одну треть, т. е. товарооборот страны вместо 12 млрд. сжался до 8 млрд. марок. Второй причиной, потащившей валюту вниз, были бумажноденежные эмиссии для кредитных целей, в результате которых в обращение было выброшено 3 млрд. марок. Предположим, что все золотые деньги оказались запертыми

в подвалах государственных банков, уплыли за границу или настолько тезаврировались в известной части населением, что дальше уже не влияли на необходимый минимум золотого обращения внутри страны.

Предположим далее, что падающая валюта начала оказывать влияние на все функции денег, сокращая быстроту оборота денег, которая в начале в нашем примере остается без изменений, что соответствует реальному положению вещей во всех странах с падающей валютой на первом этапе падения.

Далее предположим, что под влиянием падения валюты сфера применения денег в качестве средства платежа сократилась на 25%, т. е. в золотом исчислении теперь требуется для обслуживания этой функции не 400 млн., а только 300 млн. марок, но в начале инфляции функция денег как средства накопления еще не испытывает сжатия, следовательно, размеры накопления равняются 600 млн. в золотом исчислении и значительно выше в бумажноденежном. Такое положение является вполне реальным, поскольку функция накопления в бумажных деньгах при падающей валюте не подвергается обычно значительному сокращению в самом начале падения валюты. Предположим далее, что безденежные расчеты (а также фигурирование денег попеременно то для выполнения функции средства платежа, то в роли средства обращения), которые раньше высвобождали денег на 500 млн. марок, теперь сократились на 20% и высвобождают денег лишь на 400 млн. марок в золотом исчислении.

Какой получаем мы в этом случае итог?

Итог получился бы такой, что сокращение товарооборота, уменьшение применения денег как средства платежа действовали бы в качестве факторов, уменьшающих золотой минимум обращения. Наоборот, сокращение безденежных расчетов действовало бы в качестве противодействующего фактора, т. е. сокращение этих расчетов расширяло бы сферу циркуляции денег в сравнении с периодом стабилизации. Подводя итоги всего процесса в цифровом выражении, мы получим золотой минимум обращения для данной страны в таких размерах: товарный оборот требует $\frac{8 \text{ млрд.}}{8} = 1$ млрд. марок в золотом исчислении. Функция средства платежа требует 300 млн. марок. Функция накопления требует 600 млн. марок. Безденежные расчеты высвобождают денег только на 400 млн. марок в золотом исчислении. В итоге золотой минимум обращения в стране при той же быстроте оборота денег и отвлекаясь от более второстепенных факторов был бы равен 1·500 млн. вместо прежних 2 млрд. марок. Выше мы сказали, что бумажноденежное обращение, благодаря новым эмиссиям, равняется теперь 3 млрд. бумажных марок.

На основании всех приведенных выше цифр, которые в максимально упрощенной форме дают движение основной величины, определяющей курс валюты, мы имели бы в стране 3 млрд. бу-

мажных марок при необходимом золотом минимуме обращения в 1 500 млн. марок. Совершенно очевидно, что искомая нами величина, т. е. курс валюты, будет выражаться отношениями $\frac{3\,000}{1\,500}$, т. е. одна золотая марка будет равна двум бумажным маркам.

Так обстоит дело, если будем вести все расчеты не в бумажных деньгах, исходя не из степени падения, которое как раз нам и надо объяснить, а будем ориентироваться на основную величину, которая лежит в основе, в фундаменте всего процесса обесценивания, т. е. на теоретический золотой минимум обращения. Если же все величины, которыми мы оперируем, мы выразили бы в бумажных деньгах, то мы будем иметь следующие цифры. Товарооборот будет рассасывать у нас 2 млрд. бумажных марок. Функция средства платежа возьмет 600 млн. марок; функция средства накопления 1 200 млн. марок, а безденежные расчеты будут высвобождать бумажные деньги на 800 млн.

Так будет обстоять дело в самом начале падения, когда важнейший фактор падения, а именно быстрота оборота денег, еще не начал действовать.

Уже из беглого взгляда на все эти цифры мы видим, что в нашем примере падение валюты идет не пропорционально размерам бумажноденежных эмиссий. Бумажноденежные эмиссии увеличили бумажное обращение втрое, между тем как валюта пала только в 2 раза. Объяснение этого явления заключается в том, что из обращения выпал 1 млрд. бумажных денег, который находился в обращении при стабилизации и который теперь должен быть замещен бумажными деньгами. Несмотря на сокращение товарооборота и сокращение сферы циркуляции денег в их различных функциях, это необходимое замещение выпавшего миллиарда как раз и приводит к тому, что бумажные деньги падают ниже того уровня, которого можно было бы ожидать, если исходить только из размеров увеличения эмиссии.

Уже на одном этом примере, который воспроизводит наиболее характерные черты из момента начала падения валюты, мы можем видеть, насколько нелепым и вульгарно упрощенным является метод исследования бумажноденежного обращения, применяемый на основании количественной теории денег. В основе всего процесса обесценивания валюты лежит целый ряд совокупно действующих факторов, из которых один действует в сторону падения, другие противодействуют этому падению. Итоговый же результат, находящий свое выражение в курсе валюты, представляет собой величину, составленную из самых различных слагаемых с различными знаками положительными и отрицательными. Из сказанного видно, что курс бумажных денег лишь в виде исключения может падать в прямой пропорции с ростом бумажноденежной массы, находящейся в обращении. Это особенно верно как раз по отношению к первому периоду инфляции.

Возьмем теперь валюту на дальнейшей стадии ее падения.

Если быстрота оборота денег остается старой, то дальнейшее падение бумажных денег может итти прежде всего под действием развивающегося сокращения товарооборота и под действием новых денежных эмиссий, как основных факторов падения, а также на основе дальнейшего отмирания всех функций денег, кроме средства обращения, т. е. на основании причин производного характера. При этом дальнейшее сокращение или полное прекращение безденежных расчетов будет действовать как положительный фактор, но настолько слабо что он будет перекрыт совокупными действиями всех более мощных факторов падения.

Возьмем теперь следующую стадию падения и предположим, что товарооборот, испытывающий дальнейшее снижение, допустим на 25%, следовательно, равен 6 млрд. в золотом исчислении. Предположим также, что эмиссии продолжают развертываться и бумажноденежное обращение в сумме возрастает на 50%, т. е. всего будет в обращении 4,5 млрд. бумажных марок.

Допустим, что накопление сильно снижается и берет в золотом исчислении всего только 100 млн. марок. Допустим также, что функция денег как средства платежа требует в золотом исчислении также только 100 млн. марок. Что касается безденежных расчетов, то и они в нашем примере будут, допустим, сведены всего к 100 млн. золотых марок.

В рассматриваемом примере мы исходим из той же самой быстроты оборота денег, что и на первой стадии падения, т. е. примем быстроту оборота равной цифре 8. Тогда мы будем иметь минимум обращения в золотом исчислении, равный следующим величинам:

$$\frac{6 \text{ млрд.}}{8} + 100 \text{ млн.} + 100 \text{ млн.} - 100 \text{ млн.} = 850 \text{ млн. марок.}$$

При таком состоянии денежного обращения и всех его основных показателей, определяющих курс валюты, одна золотая марка будет равна $\frac{4\,500 \text{ млн.}}{850 \text{ млн.}}$, т. е. будет равна 5,3 бумажной марки.

И в этом случае мы будем иметь такое падение валюты, которое не пропорционально росту эмиссии. Но зато теперь диспропорция будет обратная: теперь бумажные деньги будут падать быстрее в сравнении с темпом эмиссии, тогда как на самой первой стадии падения они падали медленнее темпа эмиссии. Почему получается такой результат, это совершенно очевидно из предыдущего. Теперь на падение валюты влияет и эмиссия и сокращение товарооборота и фактор отмирания функции денег как средства платежа и средства накопления.

Прежде чем перейти к дальнейшей стадии падения валюты и ввести в действие новый фактор—быстроту оборота денег, мы остановимся на приведенном примере вот с какой точки зрения. Читатель понимает, что в нашем примере, как в примере условном, соотношение величин может быть различным, однако здесь есть известные пределы. В приведенном примере известные циф-

ры могут быть изменены без противоречия со внутренней сущностью самого процесса, но некоторые предпосылки не могут подлежать изменению. Выяснение этой обусловленности факторов и во времени и в силовом выражении имеет для научного исследования очень важное значение.

Начнем с исходного пункта. В самом начале падения валюты мы исходили из того, что фактором, бросающим валюту вниз, выступает одновременно и рост бумажноденежных эмиссий и уменьшение емкости товарооборота страны. Совершенно очевидно по самой сути дела, что одинаковый эффект, в смысле степени падения валюты, уже на первом этапе может получиться и под действием одной только эмиссии. В этом случае мы должны взять в пример темп роста эмиссии более быстрой, чем это мы приняли. Короче говоря: этот фактор падения валюты должен быть взят с таким увеличением против нашего примера, чтобы заместить полностью отрицательное действие сокращения товарооборота, предусмотренного в нашем примере. Можно допустить такое положение, что товарооборот будет даже несколько увеличиваться, но тогда тем в большем масштабе должна развертываться эмиссия, чтобы получилось то падение валюты, какое взято в нашем примере.

С другой стороны, хотя остальные факторы, влияющие на курс валюты, и могут действовать с различной степенью интенсивности, но и здесь имеется свой предел. Совершенно очевидно, что в высокоразвитых капиталистических странах уже в начальной стадии падения валюты не может не сокращаться накопление среди той части городского населения, которая связана с торговлей и промышленностью. Эта часть населения раньше всего реагирует обыкновенно на изменения в области валютных отношений, особенно же элементы, связанные с внешней торговлей. Таким образом падение накопления в этой сфере совершенно неизбежно. Но в общем и целом накопление может конечно даже увеличиваться, как это имело место в первые годы бумажноденежных эмиссий царской России. Это накопление может итти за счет увеличения денежных сбережений мелкобуржуазных слоев населения, которые имеют доверие к валюте и которые довольно поздно начинают соображать, что падающая валюта означает их систематическое разорение. Этот процесс можно было наблюдать среди мелкобуржуазных слоев даже в Германии.

Что касается функции денег как средства платежа, то сжатие этой функции совершенно неизбежно уже на первой стадии падения, хотя числовое выражение этого сжатия может быть весьма различным.

Точно так же совершенно неизбежно уже на первой стадии падения сокращение безденежных расчетов и начало паралича всей кредитной системы. Это неизбежно должно привести к увеличению расчетов за наличные. Насколько далеко продвинется этот процесс, это также зависит от целого ряда обстоятельств, причем, разумеется, в более высоко развитых капиталистических

странах пропорции здесь будут иными, чем в странах, где преобладает просто товарное производство.

Рассмотрим под этим углом зрения наш цифровой пример на второй стадии падения бумажных денег.

В нашем примере дальнейшее падение валюты развертывается под действием тех же самых основных факторов, которые циркулировали в первом примере, т. е. под действием новых эмиссий, во-первых, и вследствие дальнейшего сокращения товарооборота, во-вторых. И в этом случае возможно такое положение, что дальнейшее падение валюты может происходить только под действием дальнейшего увеличения бумажноденежной массы, при стабильности размеров денежного товарооборота. Положение может быть и обратное, а именно бумажноденежное обращение может оставаться на том же уровне, но зато с тем большим темпом должен сокращаться денежный товарооборот страны. При этом надо, разумеется, иметь в виду, что если размеры бумажноденежных эмиссий могут быть произвольно увеличены государством до очень больших пределов, то, наоборот, сокращение товарооборота имеет свои естественные границы. Эти границы определяются тем, что данная общественная система может сжать свое товарное производство, товарное обращение и уровень потребления лишь до известного предела. Следовательно при построении того или другого примера здесь нельзя исходить из фантастической величины сокращения товарооборота, допустим, в 3, 4, 5 раз, если в экономике страны не произошло каких-нибудь коренных изменений, вроде, например, замещения в больших размерах рыночного товарооборота плановым распределением продуктов.

Далее можно констатировать, что если падение валюты продолжается довольно долгий срок и доверие населения к валюте сильно подорвано, то уже при падении валюты, например, в пять с лишним раз, как это имеет место в нашем втором примере, относящемся к следующей стадии развертывания всего процесса, накопление либо должно совершенно приостановиться, либо должно сжаться до очень небольшой величины, если считать его не в бумажноденежном выражении, а в золотом исчислении.

Уже на той стадии падения, которая изображена в нашем втором примере, не только возможно, но в известной степени и неизбежно увеличение быстроты оборота денег. Если мы не вводим в действие этого фактора уже в нашем втором примере, то это объясняется исключительно тем, что мы хотим изобразить действие этого фактора в таких условиях, когда его влияние легче изучить, абстрагируясь от действия других факторов.

Наконец необходимо оговориться здесь еще и относительно уровня золотых цен. При падении валюты в пять с половиной раз, как это имеет место в нашем примере, падение золотых цен совершенно неизбежно, потому что совершенно неизбежен разрыв между стоимостью рабочей силы и ее ценой. Собственно

говоря, и эмиссионные доходы капиталистического государства опираются в рассматриваемых условиях не только на ограбление всех деньгодержателей, но и на систематическое ограбление всего рабочего класса, не дополучающего по зарплате. Если этот фактор мы не учитываем в нашем втором примере, то это мы делаем по той самой причине, по какой не отображали еще действия фактора увеличения быстроты оборота денег. Мы хотим и этот фактор осветить в цифровом выражении в условиях, когда легче изучить его влияние.

Хотя мы ведем изложение в этой работе в самой сжатой конспективной форме, тем не менее не можем не остановиться на одном интересном явлении. В нашем втором примере денежное накопление населения в золотом исчислении сжимается до 100 млн. марок, при падении валюты в 5,3 раза.

Это значит, что весь фонд накопления страны в бумажных марках равняется 530 млн., т. е. по номиналу валюты он почти равен накоплению периода стабилизации, когда денежное накопление равнялось 600 млн. золотых марок.

Здеся период нами весьма типичный пример из периода падающей валюты, когда деньгодержатели, имеющие известные накопления, сравнивают размеры этих накоплений с прежним временем и по номиналу валюты не находят большого различия. Между тем, как видим из нашего примера, 530 млн. бумажных марок равняются в золотом исчислении только 100 млн., т. е. в 5,3 раза меньше в реальном выражении, чем это было в период стабилизации. Ограбление деньгодержателей происходит незаметно под затемняющим покровом бумажноденежной валюты.

Идем дальше. Возьмем теперь следующую стадию падения. Предположим, что товарооборот страны равняется той же сумме, что и на предыдущей стадии, т. е. равняется 6 млрд. марок в золотом исчислении. Этот пример вполне реален, он иллюстрирует такое положение, когда товарооборот страны хотя и сжался в два раза в сравнении с периодом стабилизации под действием тех или иных причин, влияющих на сокращение производства, но остается на уровне, ниже которого вообще не может спускаться потребление данного общества.

Предположим дальше, что все функции денег, кроме функции средства обращения, совершенно замерли. Это значительно облегчит нам освещение действия нового фактора, который мы вводим в наше исследование и влияние которого на валюту можно теперь легче проследить. Этот фактор есть увеличение быстроты оборота денег, которую мы предположим на данной стадии равной 12 раз, вместо быстроты оборота в 6 раз, которая существовала при стабилизации валюты и на первой ступени ее падения.

Точно так же мы предполагаем, что под влиянием сокращения реальной зарплаты, а также вследствие дезорганизации в области калькуляции амортизируемого капитала золотые цены падают на 20% по сравнению с нормальными условиями товарного производства, и, следовательно, сумма товарных цен, под-

лежащих реализации, сокращается на 20%, т. е. будет равна не 6 млрд. а лишь 4,8 млрд. При таких условиях мы будем иметь теоретический золотой минимум обращения, который будет равняться $\frac{4{,}8 \text{ млрд.}}{12} = 400$ млн.

Предположим далее, что в результате новых эмиссий бумажноденежное обращение страны возрастет вдвое в сравнении с предыдущей стадией и равняется теперь 9 млрд. бумажных марок.

При таком положении курс бумажной марки будет равняться $\frac{9 \text{ млрд.}}{400{,}0 \text{ млн.}}$, т. е. одна золотая марка будет равна 22,5 бумажных марок.

И в данном случае мы будем иметь такое положение, когда курс бумажных денег падает быстрее темпа эмиссий. Причина здесь совершенно очевидна. Бумажная валюта падает в данном примере не только под действием роста бумажноденежного обращения, что должно было бы сбросить валюту вниз по сравнению с предыдущим этапом только в два раза, но и под действием увеличения быстроты оборота денег, а также вследствие уменьшения золотых цен. И на этом примере мы видим несостоятельность количественной теории денег даже для объяснения явлений бумажноденежного обращения.

На следующей стадии падения мы предположим товарооборот неизменным, т.-е. он равняется 6 млрд. марок в золотом исчислении. Примем быстроту оборота денег равной 16 раз, что будет означать увеличение в сравнении с периодом стабилизации в два раза. Если золотые цены уменьшатся еще на 10%, то мы будем иметь минимум обращения, равный сумме $\frac{4{,}2 \text{ млрд.}}{16} =$ 262,5 млн. в золотом исчислении.

Если все денежное обращение увеличивается на этой стадии падения валюты в 2 раза, т. е. будет равно вместо 9 млрд. 18 млрд., то тогда одна золотая марка будет равна немного менее 70 бумажных марок.

Прежде чем пойдем дальше, здесь интересно будет сравнить некоторые величины на достигнутой стадии падения валюты с исходным моментом, т. е. с периодом стабилизации. В начале стабилизации мы имели денежное обращение, которое было равно 2 млрд. золотых марок. Теперь мы имеем золотую стоимость обращения, которая равна всего 262,5 млн. марок, несмотря на то, что по номиналу все обращение равняется 16 млрд. бумажных марок.

Мы имеем здесь увеличение роста всего обращения только в 9 раз, если брать номинал обращения на данной стадии падения и сравнивать его с периодом стабилизации.

Между тем, как это видно из нашего примера, валюта пала не в 9 раз, а в 70 раз. Огромный разрыв между этими двумя

величинами лучше всего показывает, какой сложный процесс мы имеем здесь перед собой и насколько диференцирование должно быть исследовано при выяснении действия на валюту различных факторов падения, с учетом различной последовательности во времени этого действия.

В дальнейшем падение бумажной валюты будет развертываться при неизменяемости товарооборота, лишь под действием двух основных факторов: дальнейшего увеличения бумажноденежной массы и дальнейшего увеличения быстроты оборота денег. Что касается фактора падения золотых цен, то этот фактор, как и падение емкости товарооборота страны, имеет свой естественный предел. На этой последней стадии падения валюты, на которой мы хотим закончить наш иллюстративный пример, мы предполагаем, что этот фактор уже прекращает свои действия. Дальнейшая динамика всего процесса совершенно ясна из всего предыдущего. Если мы допустим, что бумажноденежное обращение в результате новых эмиссий государства увеличится в 10 раз, то мы будем иметь в обращении 188 млрд. бумажных марок. Если быстрота оборота увеличится еще вдвое по сравнению с предыдущей стадией падения, т. е. эта быстрота увеличится до 32 раз, то тогда золотой минимум обращения должен будет сжаться до 131,2 млн. При таких условиях одна золотая марка будет равна около 1 440 бумажных марок.

Здесь мы можем остановиться, хотя из истории бумажного обращения мы знаем примеры ряда стран, валюта которых падала несравненно ниже данного уровня и золотая стоимость обращения также сжималась в гораздо большей пропорции. Дальнейшее исследование примера не даст уже нам ничего нового [1]. Мы скажем теперь несколько слов относительно эффективности бумажноденежных эмиссий государства как особого вида налогов. На первой стадии падения, которую мы отобразили в нашем примере, золотая марка пала в 2,22 раза. При таком размере падения те 2 млрд. новых бумажных марок, которые были брошены государством в обращение, могли ему обеспечить эмиссионный доход, равный $\frac{2 \text{ млрд.}}{2}$, т. е. эффективность эмиссии была очень высока, и государство должно было бы получить сумму в 1 млрд. в золотом исчислении. Эта сумма должна была получиться, если падение валюты в указанных пропорциях представляло собой средний уровень падения за какой-нибудь определенный срок, в течение которого было выпущено в обращение новых бумажных денег на 2 млрд. Реальная стоимость эмиссионного налога может изменяться в зависимости от того,

[1] В только что рассмотренном варианте эмиссия и быстрота оборота денег внутренне связаны между собой, а потому нельзя, например, предположить нарастание эмиссии, а быстроту оборота денег принять такую же, какая была на предыдущей стадии. Рост эмиссии, при неизменности прочих условий, неизбежно ускоряет увеличение быстроты оборота.

как распределялись эмиссии по отдельным месяцам и с какой быстротой из месяца в месяц шло падение валюты. Мы должны здесь оговориться, что мы очень упрощаем все это вычисление. Реально дело обстоит значительно сложнее. Общий размер эмиссионных доходов может быть и больше и меньше установленной здесь величины. Он будет больше, если государство выбрасывало больше бумажных денег в первый месяц перехода к падающей валюте, когда падение валюты было еще небольшое. Наоборот, если большая часть эмиссий приходится на конец рассматриваемого периода, когда падение валюты было более значительно, то итог получится менее благоприятный для государственного казначейства.

Что касается размеров эмиссионных доходов в конце рассматриваемого периода, то эти эмиссионые доходы будут представлять собой довольно скромную величину. Если в течение этой последней фазы падения валюты государство бросило в обращение новых бумажных денег на 162 млрд. марок, а их средний курс равнялся 1 440 бумажным маркам за золотую, то эмиссионный доход будет равняться всего 112,5 млн. марок, т. е. он будет почти в 8 раз меньше, чем в первую стадию падения, когда в обращение было выпущено всего только 2 млрд. новых бумажных денег.

Теперь мы попробуем проанализировать условия, в которых может начаться и может завершиться стабилизация валюты, исходя из того уровня ее падения, на котором ее оставляет наш пример.

Вопросы о методах стабилизации валюты имеют огромную литературу в каждой стране, находившейся в условиях падающей валюты бумажных денег. Если падение валюты не достигало катастрофических размеров, и стабилизацию можно было осуществить без замены старой валюты новой, то в специальной литературе очень оживленно дебатировался вопрос о том, нужно ли применять для осуществления стабилизации наряду с другими мерами также дефляцию. Наше исследование позволяет с полной точностью ответить на этот интересный вопрос.

Здесь могут быть четыре основных случая. Если размер товарооборота страны остается без изменения, если основным фактором дальнейшего падения валюты, после отмирания всех функций денег, кроме функции средства обращения, остается только бумажноденежная эмиссия и увеличение быстроты оборота денег, то стабилизация может быть достигнута естественным путем и совершенно стихийно, в результате одной только приостановки эмиссии. В этом случае ненужно никакой дефляции, потому что раз выпуск новых бумажных денег прекратится, а дальнейшее увеличение быстроты оборота денег будет еще некоторое время автоматически развиваться, то тогда это увеличение быстроты оборота денег сведет теоретический золотой минимум обращения к такой малой величине, что бумажная валюта не сможет уже обслужить всего наличного товарооборота. Это легче

всего показать на нашем примере, на котором мы остановили наше исследование. Если бумажная валюта при падении бумажных денег в 1 440 раз сводит теоретический золотой минимум обращения к 131,2 млн. марок, если дальнейшие эмиссии прекращены, но быстрота оборота денег продолжает увеличиваться, валюта будет тоже падать, и золотой минимум обращения упадет, допустим, с 131,2 млн. марок до 120 и 110 и т. д., то тогда в стране начнется острый денежный голод. Это должно привести автоматически к тому, что дальнейшее падение валюты будет приостановлено и даже может начаться автоматическое повышение курса валюты. В данном случае, следовательно, дефляция будет совершенно бесполезна и очень невыгодна для государства, потому что автоматическое увеличение быстроты оборота денег, при том же номинале всего обращения, как раз и вызывает ту же самую реакцию, которую должна была вызвать дефляция.

Второй случай. Если мы имеем в стране не только прекращение бумажноденежных эмиссий, но и расширение товарооборота, то стабилизация может быть достигнута еще быстрее, чем в только что рассмотренном примере. В этом случае дальнейшее увеличение быстроты оборота денег гораздо скорее натолкнется на естественную преграду в виде той огромной диспропорции, которая получится между необходимым минимумом обращения и тем минимумом, который должен будет обслуживать возрастающий товарооборот страны. Следовательно и в этом втором случае применение дефляции было бы совершенно бессмысленно, потому что такая мера еще больше обострила бы денежных голод и еще энергичнее погнала бы бумажную валюту вверх производя полную пертрубацию во всех отношениях.

Третий случай. Если мы имеем расширение товарооборота настолько быстрое, что оно перекрывает отрицательные действия на валюту бумажноденежных эмиссий, то в этом случае стабилизация может наступить даже без прекращения бумажноденежных эмиссий и тем более без какой бы то ни было дефляции. Соответствующий пример из истории бумажноденежного обращения мы уже приводили выше: одним из наиболее ярких примеров является история денежного обращения Советской России за летние месяцы 1921 г., после перехода к новой экономической политике.

Четвертый случай. Если бумажноденежные эмиссии происходят в условиях, когда товарооборот страны продолжает сокращаться и сокращается также и после приостановки эмиссии, то в этих условиях стабилизация не может быть достигнута в результате только одного прекращения выпуска бумажных денег. В этом случае золотой минимум обращения будет продолжать сжиматься под действием уменьшения емкости товарного оборота и под действием автоматически продолжающегося увеличения быстроты оборота денег, причем послед-

ний фактор в этом случае не будет встречать должного противодействия. Только в этих условиях для осуществления стабилизации будет неизбежна дефляция. Совершенно очевидно, что в такой обстановке дефляция может дать необходимый эффект только тогда, когда она будет проводиться в достаточных размерах, чтобы привести размеры бумажноденежного обращения при данном курсе валюты в соответствие с систематически снижающимся товарным оборотом. Если сокращение товарооборота длится довольно долго, то и дефляция должна все время сопровождать это сокращение [1].

Теперь представим себе, что в результате прекращения бумажноденежных эмиссий, или в результате действия обоих факторов, оздоровляющих валюту, т. е. при наличии еще и расширения товарного оборота, бумажная валюта в нашем последнем примере начинает стабилизоваться. Мы будем иметь тогда следующий процесс.

Первым следствием стабилизации будет то, что быстрота оборота денег начинает уменьшаться. В нашем примере эта быстрота достигла 32 раз. Если быстрота оборота уменьшается, допустим, в два раза, то это автоматически увеличит теоретический минимум золотого обращения в два раза. Следовательно, для удовлетворения необходимой потребности надо будет либо провести операцию смены валюты, если ее падение зашло безнадежно далеко и нормализация валюты неосуществима, либо надо взогнать курс имеющейся обесцененной валюты в два раза сравнении с тем уровнем падения, до которого валюта скатилась.

Для исследования действия во времени всех факторов, влияющих на курс валюты, здесь интересно будет констатировать следующее. Как мы уже видели из предыдущего исследования и как это показывает опыт всех без исключения стран с падающей валютой, быстрота оборота денег начинает оказывать свое действие лишь на довольно высокой стадии развития всего процесса падения. Наоборот, при стабилизации валюты уменьшение быстроты оборота денег выступает в качестве решающего фактора и наиболее сильного фактора, который увеличивает необходимый золотой минимум обращения в стране и, следовательно, автоматически гонит валюту вверх, если государство не осуществило полной замены одной валюты другой. В нашем примере уменьшение быстроты оборота денег в два раза должно увеличить необходимый золотой минимум обращения с 131,2 до 262,4 млн. При смене валюты движение вверх золотого минимума обращения будет то же, но валютное равновесие будет достигаться не увеличением курса валюты, а увеличением количества стабилизованных бумажных денег.

---

[1] Здесь возможна, правда, и другая тактика. Дефляция производится сразу в большем объеме, чем это нужно для установления стабилизации на данный момент, чтобы валюта могла получить поддержку от возобновления действия всех функций денег. Здесь не место рассматривать все эти детали.

Вместе с этим фактором, но несколько позже его начнет действовать второй фактор, а именно увеличение золотых цен. Это увеличение золотых цен, связанное с неизбежным ростом искусственно сниженной зарплаты до нормального ее уровня в данной стране, приводит к тому, что та же самая товарная масса, которая должна быть реализована в бумажных деньгах по золотому курсу, будет расцениваться выше, чем это было в условиях падения валюты. В этом случае мы будем иметь перед собой тот самый вариант, который фигурирует и у Маркса, когда он исследует то количество денег, которое нужно для обращения в условиях увеличения товарных цен при металлической валюте.

Вслед за этими двумя факторами, которые будут влиять на увеличение золотого минимума обращения, выступят и следующие: увеличение потребности в деньгах для выполнения ими их функции средства обращения, каковая функция начнет теперь снова возрождаться; затем увеличение минимума обращения для обслуживания функции накопления, которое приостановилось на предыдущем этапе и которое теперь снова возобновится. Эти два дополнительные фактора также должны повлиять на валюту в сторону расширения общего минимума обращения.

Наконец в рассматриваемый период начнется восстановление кредита и расширение безденежных расчетов. Тем самым безденежные расчеты начнут высвобождать известное количество денег, потребных для обращения. Этот последний фактор по сравнению с предыдущим будет действовать как раз в обратном направлении. То есть этот фактор в противоположность вышеназванным будет не гнать вверх золотой минимум обращения, а будет уменьшать его в известной пропорции.

Можно упомянуть здесь еще и о том влиянии, правда, довольно скромном, которое может оказать на весь описываемый здесь процесс выход из тезаврации металлических денег. Этот выход совершается и может оказать заметное влияние в том случае, если страна переходит не к твердой бумажной валюте, а к металлическому обращению, либо к введению золотого размена. Наоборот, если страна заменяет падающую бумажную валюту твердой, но тоже бумажной валютой, этот выход металлических денег из тезаврации может и не иметь места, а следовательно, этот фактор вообще может быть сброшен со счета.

Если та или иная страна, пережившая падение валюты, а затем восстановляющая свою валюту в форме твердых бумажных денег, либо неразменного банкнотного обращения, находится в оживленной торговой связи с мировым хозяйством, то на размеры ее обращения может оказать свое влияние еще одно обстоятельство. Выше, когда мы иллюстрировали наш метод исследования на условном цифровом примере, мы не приняли во внимание при описании процесса падения валюты возвращения бумажных денег данной страны из-за границы, на родину. Это возвращение может быть довольно значительно и может заметно ухудшить курс валюты в определенный момент. При более деталь-

ном исследовании вопроса этот фактор нельзя игнорировать. Мы его не учли исключительно в целях упрощения всего исследования. Теперь же, когда валюта страны стабилизуется, то твердые бумажные деньги страны могут в известном размере задерживаться за границей и таким образом минимум обращения страны может несколько возрасти и благодаря этой причине.

На этом мы можем закончить наше изложение, касающееся методологии изучения всех основных процессов в период падающей валюты. Мы уже указали выше, что все наши цифровые иллюстрации весьма условны. Тем не менее они достаточно отчетливо вскрывают динамику всего процесса и весь метод исследования явлений инфляции. Этот метод может служить надежным руководством не только для изучения того, что происходит в период падающей валюты, но и для построения правильных прогнозов. Из всего нашего изложения читатель видит, что мы все время исходим для каждого данного момента из нахождения основных величин, которые позволяют понять весь процесс падения: мы все время исходим из основной задачи, т. е. из установления различными методами необходимого теоретического золотого минимума обращения. Эта величина, если она найдена, дает ключ для решения всех прочих проблем. Но сама эта величина устанавливается с трудом и лишь весьма приблизительно, и понятно почему. Если размер эмиссий всегда известен на основе данных казначейства, если интервалютарные отношения также всегда фиксируются на валютной бирже, если золотые цены товаров данной страны точно так же могут быть установлены путем анализа данных торговой статистики и исследования индексов, то все прочие необходимые величины могут быть установлены только косвенным путем. Еще сравнительно благополучно может обстоять дело с учетом расширения денежного товарооборота страны. Здесь мы можем располагать статистикой производства и потребления; мы можем располагать и другим способом учета реального товарооборота. Наоборот, ни размер бумажноденежного накопления, поскольку он не фиксируется учетом вкладных операций, ни размер быстроты оборота денег, ни сжатие или расширение функций денег как средства платежа, ни размеры безденежных расчетов не могут быть учтены сколько-нибудь точно. Если размеры вкладов и текущих счетов могут дать некоторое представление о размерах бумажноденежного накопления, то при этом постоянно надо иметь в виду, что такого рода накопление не лежит без движения в соответствующих кредитных учреждениях, а находится в постоянной циркуляции. А вклады, появляющиеся на балансах банков в результате кредита, оказываемого самими банками, вообще не могут приниматься здесь во внимание. Следовательно, наиболее интересная величина, а именно расшире-

ние накопления, не фиксируемое цифрами вкладных операций, не может подлежать точному учету. Если потребность в деньгах как средстве платежа может быть более или менее установлена при исследовании всей суммы платежей, которые делает государство и которые делаются государством, то размеры денежного обращения, которые нужны для других платежей, трудно поддаются учету.

Во всем этом исследовании приходится прибегать к различным косвенным сопоставлениям и к ряду искусственных приемов. К счастью, при изучении денежного обращения той или иной страны с падающей валютой бывают иногда моменты, когда действие того или иного фактора, влияющего на валюту, может быть сфотографировано разными цифровыми сопоставлениями довольно отчетливо. В тех случаях, когда это возможно, это значительно облегчает все исследование и уменьшает количество тех неизвестных, которые фигурируют в нескольких уравнениях с несколькими неизвестными. Наиболее благоприятной ситуацией для таких сопоставлений является такой момент, когда курс валюты изменяется, а все другие факторы, кроме исследуемого, действуют с прежней интенсивностью или не действуют вовсе.

В заключение мы должны указать на то, что овладеть изложенным здесь методом исследования падающей валюты невозможно полностью, если этот метод не проверяется на конкретных исторических примерах. Поэтому в нашей работе мы наряду с общей теоретической частью помещаем также и главы, посвященные изучению бумажноденежного обращения некоторых стран. Это изучение, имеющее интерес сам по себе, является одновременно и экспериментальной проверкой нашего метода и иллюстрацией того, как этот метод должен применяться при конкретном исследовании.

13. ПРОВЕРКА ТЕОРИИ НА ИСТОРИИ ТРЕХ ПАДАЮЩИХ ВАЛЮТ

а) Русский рубль за время войны и революции

История нашего бумажноденежного обращения за время войны и революции, и в частности движение курса нашего рубля дают достаточное экспериментальное подтверждение правильности тех основных положений о теории падающей валюты, которые изложены в предыдущих главах. Бумажноденежное обращение России еще и потому представляет огромный интерес для изучения и хороший пробный камень для каждой теории бумажных денег, что почти четыре года страна представляла собой в хозяйственном отношении замкнутый круг, влияние мировых хозяйственных процессов было исключено, и законы изменения бумажной валюты и все сопутствующие явления мы можем наблюдать в условиях, отличных от капиталистического хозяйства. Общественные науки, в том числе политическая экономия, отличаются, например, от химии тем, что метод экспериментального изучения для них недоступен. Наоборот, впадание России из орбиты мирового хозяйства создало возможность как бы огромного эксперимента в области изучения законов бумажноденежного обращения, давая редкий случай проследить все изменения в валюте внутри данного хозяйственного комплекса, со сведением на-нет осложняющегося действия хозяйственных процессов, вытекающих из связи отдельного национального хозяйства с мировой экономикой. Правда, у нас были и свои внутренние осложняющие моменты, прежде всего натуральные взаимоотношения внутри государственного хозяйства и отчасти натурализация отношений государственного хозяйства с мелким товарным производством. В этом смысле эксперимент не достаточно «чист» для изучения законов бумажноденежного обращения развернутого товарного хозяйства. Впрочем вполне чистых, идеальных примеров для иллюстрации какого-либо закона в области экономики или социологии вообще не бывает в истории человеческого общества. Хорошо, если пример освещает или общую тенденцию, или какую-либо сторону исследуемого закона.

Рассмотрим движение курса нашего рубля, начиная с момента войны, и проследим влияние на темп его падения всех основных факторов, держащих в своих руках судьбу валюты в стране.

После объявления войны царское правительство приостановило свободный размен кредитных билетов на золото, ввело принудительный курс на кредитные билеты и в сущности превратило эти билеты в бумажные деньги. С этого момента мы можем считать начало истории нашего бумажного денежного обращения времени войны и революции.

С начала войны, т. е. с июля 1914 г. по 1 января 1915 г., царское правительство к 1,633 млн. кредитных билетов, имевшихся в обращении до войны, прибавило еще сумму в 1,397 млн. Всего в обращении бумажных денег к 1 января 1915 г. было 3,030 млн. Это увеличение эмиссии никакого заметного влияния на покупательскую способность рубля и на цены не оказало. Мы рассмотрим вторую половину 1914 г. и весь 1915 г. сразу и постараемся проследить действие всех факторов, влияющих на курс рубля, по-очереди. Тогда суммарный результат, получающий свое отражение в курсе, представится нам как равнодействующая разных сил, действующих в различных направлениях. Мы приведем сразу за весь период войны и революции таблицу размеров обращения и индекса цен, прежде чем приступить к анализу этих цифр по годам [1].

Годы (на 1 января)	Количество денег в обращении на 1 января (вместе с кассовой наличностью)	Средний годовой индекс товарных цен статистики труда (1913 = 1)	Золотая стоимость обращения (по индексу статистики труда)
1914	2 402,2 млн.	1,01	2 379,0
1915	3 226,6	1,30	2 481,9
1916	5 851,8	2,03	4 092,2
1917	9 263,5	6,73	3 150,9
1918	27 650,2	73,4	1 333,9
1919	61 326,2	774	373,9
1920	225 015,2	7 683	92,9
1921	1 168 596,9	74 200	69,6
1922	17 539 232,1	6 410 000	60,9
1923	1 994,5 млрд. совзнаков и на 11,2 млн. червонцев	563 млн.	105,8
1924	Совзнаков вып. 1923 г.— 225 917,4 м. р., червонцев—280 млн.	—	330,8
1925	742,6 млн. руб. (в твердой валюте)	—	375,9
1926	1 269 млн. руб.	—	604,7
1927	1 414,6 млн. руб.	—	636,6

[1] См. Статистич. справочник за 1928 г. изд. ЦСУ, и сборник «Итоги десятилетия советской власти».

Начнем с важнейшего фактора, т. е. с выпуска бумажных денег. В 1915 г. было выпущено бумажных денег на сумму 2 586 млн., что вместе с выпущенными за второе полугодие 1914 г. 1 397 млн. дает увеличение денежной массы за полтора года в 3 983 млн. До войны, как мы видели, в обращении было 1 633 млн. кредитных билетов плюс металлические деньги. Всего же было в активном обращении по 1 января 1914 г. 2 223 млн. и 2 402 млн. с кассовой наличностью. Таким образом общая бумажная денежная масса увеличилась на 244%, и в сравнении со всем довоенным обращением мы имели увеличение с 2 223 млн. до 5 616 млн. Если бы все остальные факторы остались без изменения, то это должно было бы обесценить рубль примерно в той же пропорции, т. е. более чем в два раза. В действительности же курс рубля понизился значительно меньше. Внутри страны цены (считая 1913 г. за 1) возросли в среднем за весь 1915 г. до 1,30, в то время как должны были бы возрасти более чем в два раза, исходя только из увеличения эмиссии. Возьмем другой мощный фактор, влияющий на валюту, т. е. состояние производства и размеры товарооборота. Быть может, этот фактор со времени войны влиял на повышение?

Ничего подобного. Как раз наоборот: массовые мобилизации на войну привели к уменьшению продукции ряда предприятий, работавших на рынок. Переход ряда предприятий к работе на оборону приводил к тому, что огромное количество ценностей, раньше выбрасывавшихся на рынок, теперь прямо с заводских складов стало притекать в склады военного ведомства. Кроме того огромное количество товаров, необходимых для армии, принудительно закупалось военным ведомством, без выхода их на рынок, а расчеты делались в большинстве случаев не столько наличными на всю сумму, сколько безденежным путем, обязательствами государственного казначейства и пр. Таким образом размеры товарного оборота в стране вообще и размеры денежных расчетов в отношении той части продукции, которая теперь шла для нужд фронта, сокращались. Кроме того уже явственно обнаружилось развитие спекуляции, задержка товаров от реализации и сокращение поэтому товарооборота по этой причине. Насколько было велико это сокращение и каково его числовое выражение, это не поддается точному учету. Но вряд ли будет преувеличением предположить, что за полтора года войны товарооборот сократился по крайней мере на одну треть. Если прибавить этот фактор к предыдущему, то мы должны были бы иметь падение курса рубля еще больше.

Теперь нам остается рассмотреть действие трех факторов, от которых мы абстрагировались и которые должны явиться ключами для объяснения поразительно малого падения курса рубля, т. е. факторов быстроты оборота денег, накопления и безденежных расчетов.

Что касается быстроты оборота денег, то вследствие начавшегося падения валюты этот оборот не мог стать более замед-

ленным, потому что никаких побудительных мотивов к этому не могло быть. Возможно было бы ожидать обратного, т. е. увеличения быстроты оборота вследствие начавшейся спекуляции, начавшейся задержки торгового капитала в товарной форме, вызванного ростом цен и уменьшением предложения товаров от производителей, поскольку дело идет о промышленности. Но так как падение валюты было незначительным и темп падения пока еще весьма медленным (в сравнении с дальнейшим), то этот фактор без большой погрешности мы можем совсем исключить из рассмотрения, приняв его равным нулю.

Остается поэтому рассмотреть факторы накопления и безденежных расчетов и в них искать разгадки проблемы.

Что касается фактора накопления, то накопление отчасти поддается цифровому учету за это время. С начала войны до 1 ноября 1916 г. количество вкладов в Государственном банке увеличилось на 647 млн., в сберегательных кассах на 633 млн. и в частных банках на 1 млрд., а всего на 2 230 млн. Насколько это накопление было необыкновенным по своим размерам и темпу, можно видеть отчасти хотя бы из такой справки: за десятилетие с 1903 по 1913 г. сумма вкладов в сберегательных кассах возросла с 784 до 1 594 млн., т. е. на 103% или в среднем увеличивалась на 81 млн. в год. С 1 июля 1914 г. по 1 июля 1915 г., т. е. за год войны, денежные вклады по номиналу увеличились на 430 млн., т. е. обнаружили годовой рост в пять раз больше средней за предыдущее десятилетие. Еще большие суммы осели у населения и не вносились в сберкассы.

Текущие счета и вклады в Государственном банке, частных банках, сберегательных кассах обществ взаимного кредита и учреждениях мелкого кредита были:

1 января 1914 г.	6 111 млн.
1 » 1915 »	6 821 »
1 ноября 1916 »	9 273 »

Таким образом накопление достигло за один 1915 г. суммы 2 452 млн., а с прибавлением второго полугодия 1914 г. до 2 700 млн. Правда, было бы неправильно преувеличивать значение этих цифр для размеров того накопления, которое фактически влияет на курс валюты. Счет вкладов и текущих счетов торгово-промышленных кругов вообще мало интересен для нашей темы. А с другой стороны, не надо забывать, что реальные вклады не лежат в соответствующих кредитных учреждениях без движения. Они бросались банками, как в торгово-промышленный оборот, так и обращались на покупку облигаций государственных займов. И в том и в другом случае бумажные деньги появлялись снова в каналах денежного обращения, а не находились в связанном состоянии. Но, во-первых, известная часть вкладов в качестве оперативного резерва кредитных учреждений всегда находилась в наличности в кассах, следовательно, находилась

в связанном состоянии. А с другой стороны, и это самое главное, размеры роста бумажноденежных накоплений, вносимых в кредитные учреждения, дают возможность судить о размерах роста накопления, которые никогда не поступали в кредитные учреждения в виде вкладов и хранились в домашних «банках» населения. Это особенно относится к крестьянству, которое, освободившись от 10 млн. едоков, призванных в армию и содержавшихся за счет казны и имея сбережения благодаря уничтожению продажи водки, значительно увеличило свою приходную часть бюджета, но денежные сбережения вследствие непривычки вносить свободные средства в кредитные учреждения или вследствие недоверия к ним хранило у себя на руках. Если нельзя считать увеличение денежной массы, попавшей в связанное состояние в результате накопления,—на всю сумму роста реальных денежных вкладов, то, с другой стороны, их следует считать вряд ли меньше этой суммы, учитывая тот факт, что вкладная операция в деревне была мало развита, затрагивая больше верхи крестьянства. Увеличение денег, находящихся в связанном состоянии, сокращало фактическое обращение. Не менее одной трети всех денег оседало тогда в деревне. Это был мощный фактор, задерживавший падение валюты.

Таким образом мы подошли к последнему фактору, игравшему на повышение, т. е. к уничтожению кредита в частной торговле и к резкому сокращению безденежных расчетов. В печати очень много говорилось в 1915 г. по поводу перехода торговли к сделкам только за наличные. Только действию этого факта и остается приписать, что к январю 1916 г. курс рубля пал лишь до 60 коп. Если даже мы предположим, что накопление рассосало больший процент эмиссии, чем мы установили, а сокращение товарооборота было меньше, чем на одну треть, то и тогда огромная роль уничтожения безденежных расчетов и сокращения кредита до минимума будет огромна. Значительная часть эмиссии пошла на это увеличение минимума обращения, возросшего вследствие прекращения безденежных расчетов.

После рассмотренного нами движения валютного курса за полтора года войны нам остается продолжить это исследование по тому же методу в отношении дальнейших лет войны и революции.

В 1916 г. выпущено в обращение бумажных денег еще на 3,6 млрд., и общая бумажноденежная масса достигла 9,2 млрд.

В среднем за год покупательная способность рубля пала в 2,03 раза в сравнении с довоенной. Мы все время будем исходить из покупательной способности рубля на внутреннем рынке, потому что только движение курса внутри не носило случайного характера, а явилось отражением совокупности всех хозяйственных процессов страны, чего нельзя сказать про движение курса рубля за границей.

Рассмотрим, как получилась эта цифра и какова при этом была роль каждого из факторов, влияющих на валюту.

Если бумажноденежную массу к январю 1916 г. и курс рубля принять за исходный пункт, то увеличение денежной массы путем эмиссии почти на $^1/_3$ общей суммы должно было бы привести к падению рубля на $^1/_3$, т. е. курс рубля должен был бы при действии только этой причины упасть с 60 до 40 коп.

Что касается сокращения товарооборота и понижающего влияния его на курс, то некоторое представление о размерах сокращения могут дать следующие факты: посевная площадь в 1916 г. в сравнении с площадью 1914 г. сократилась на 24,7%, животноводство сократилось на 30%, продукция чугуна и металла также сократилась, хотя в меньшей пропорции.

Кроме того мобилизация промышленности привела к тому, что огромное количество предприятий, работавших на рынок, начало работать на войну, сдавая всю продукцию непосредственно военному ведомству и тем уменьшая рыночный товарооборот. Насколько это обстоятельство могло иметь значение за год войны и в частности за 1916 г., видно из суммы военных расходов, с одной стороны, и цифры довоенной продукции—с другой. Военные расходы составляли:

в 1914 г.	. . . . .	1 656 млн. руб.
» 1915 »	. . . . .	8 815 » »
» 1916 »	. . . . .	12 670 » »

Весь национальный доход России перед войной по довоенным же исчислениям был равен сумме от 11 до 13 млн. золотых рублей. Позднейшие подсчеты статистиков из Госплана выводили более значительную сумму. Из этого количества в товарооборот поступило до $^2/_3$, т. е. до 8 млрд. Если сопоставить эту цифру с цифрой военных расходов, то станет ясно, в какой мере должен был уменьшиться товарооборот страны. В товарообороте, правда, кроме выносимой на рынок части ежегодной продукции страны участвуют также и ценности, созданные за предыдущее время и входящие в сумму национального богатства (перед войной национальное богатство России исчислялось около 120 млрд. золотых руб.), но главная масса ценностей, оборачивающихся на рынке, относится к продукции промышленности и земледелия данного года. Правда, из суммы расходов надо вычесть те, которые делались за счет иностранных займов и реализировались за границей (главным образом военное снаряжение), либо стоимость снаряжения, которое поступило прямо на фронт. Кроме того для сравнения с довоенным положением расходы 1916 г. надо взять по среднему курсу 1916 г., т. е. уменьшить раза в два. Тем не менее огромный и безвозвратный вычет из товарооборота страны для целей войны налицо. Не будет поэтому преувеличением допустить, что в 1916 г. общие размеры товарооборота по сравнению с 1915 г. уменьшились больше чем на одну треть. Иными словами—рост эмиссии и сокращение товарооборота и в 1915 г. и в 1916 г. должны были привести к падению среднего курса рубля, в 1916 г. значительно больше чем в 2 раза, в срав-

нении с довоенным, если бы на валюту действовали только эти причины.

В действительности же, как мы видели, курс рубля был равен к 1 января 1917 г. около 38 коп. Причина сравнительно скромного падения покупательной способности рубля в 1916 г. заключается в действии тех факторов, которые влияли на повышение и в 1915 г., т. е. это были факторы накопления и сокращения безденежных расчетов. Но действие этих факторов было уже в 1916 г. иным, чем в предыдущем году. Повышение курса вследствие дальнейшего сокращения безденежных расчетов должно было быть менее заметным, потому что основной переход на оплату за наличные был уже совершен в 1915 г. Можно допустить, что действие этого фактора уравновешивалось противоположным действием более быстрого оборота денег. Тогда основную причину замедления падения курса рубля нужно будет приписать накоплению и притом более всего крестьянскому накоплению. Если принять во внимание падение курса рубля, то прирост не только не покрывал падение стримости рубля, а наоборот, выраженная в золоте стоимость вкладов и текущих счетов была меньше, чем в предыдущем году. Таким путем царизм производил посредством своей эмиссии экспроприацию бумажноденежных накоплений страны. Основное же накопление шло в деревне тем более, что уже в 1916 г. замечалась тенденция к выбиранию вкладов их владельцами, особенно со стороны торгово-промышленного класса, который предпочитал застраховать от обесценения свои капиталы, обращая их в товарную форму. В это время также усилилась тенденция к помещению капитала в недвижимость, в дома и т. д.

Переходим теперь к 1917 г. За этот год в стране существовало три режима и произошли две революции. Как известно, финансы страны и ее денежное обращение не любят ни войн, ни революций, и с этой точки ухудшение валюты должно быть приписано в известном проценте также и этим явлениям. Но в основном падение валюты продолжалось неуклонно под влиянием все тех же факторов, о которых шла речь, хотя, разумеется, сама революция усилила действие важнейшего фактора, т. е. расстройства производства и сокращения товарооборота.

За 1917 г. было выпущено бумажных денег 18,1 млрд. и всего в обращении к концу года имелось 27,3 млрд. против 9,2 к концу предыдущего года. Если бы действовал только один фактор эмиссии, то при прочих равных условиях, в сравнении с предыдущим годом, курс рубля должен был бы пасть в 1917 г. в 3 раза и в 6 раз в сравнении с довоенным положением. Фактически он пал в 6,9 раза, т. е. падение валюты начало приближаться к темпу эмиссии. Такое падение произошло в результате действия расстройства производства, резкого уменьшения товарооборота и в особенности в результате увеличения быстроты оборота денег. Но благодаря этим факторам, если бы они действовали только одни, курс пал бы еще ниже, чем он пал в действитель-

ности. В самом деле. Земледелие в 1917 г. продолжало сокращать площадь, животноводство продолжало падать. По промышленности общее сокращение достигло огромных размеров.

Весь национальный доход по сравнению с довоенным должен был сократиться почти в три раза, а по сравнению с 1916 г.— в два раза. А так как по мере сокращения продукции увеличилась относительно доля крестьянского самопотребления в общем национальном доходе, то сокращение товарооборота было огромным. Он сократился в таком большом размере и потому, что расход на войну в 1916 г. был особенно велик и опустошение рынка особенно чувствительно.

Остается допустить, что если рубль не пал еще ниже, то это вследствие продолжавшегося еще отчасти крестьянского накопления бумажных денег, которое действовало и в этом году в качестве контртенденции. Вообще мы видим здесь подтверждение общего закона, установленного нами и в теоретических главах книги, что в начале падения валюты темп эмиссии обгоняет темп падения бумажных денег вследствие противодействия других факторов, действующих на повышение. Потом действующие на понижение факторы кроме эмиссии начинают уравновешивать причины, влияющие на повышение, и тогда в качестве временной переходной ситуации падение валюты оказывается пропорциональным увеличению денежной массы. В дальнейшем факторы, действующие на понижение, опять-таки не считая эмиссий, начинали пересиливать и тогда падение валюты начинает обгонять темп эмиссии. Это наблюдалось в истории всех падающих валют, достигавших большой степени падения.

Переходим к 1918 г. Бумажных денег выпущено за год на 35,5 млрд., денежная масса к 1 января 1919 г. возросла до 60,8 млрд. В сравнении с денежной наличностью в 27,3 млрд. к 1 января 1918 г. это означает увеличение денежной массы в 2,2 раза. Это должно было бы понизить покупательную способность денег в той же пропорции, если б на падение валюты действовала только эта причина. В действительности средняя покупательная способность рубля пала в сравнении с довоенной в 73 раза, в сравнении с предыдущим годом почти в 12 раз.

В этом году почти прекратилась городская торговля. В этом году был совершен натиск на кулачество, и торговому земледелию, т. е. такому, которое всегда выносит излишки на рынок, был нанесен сильнейший удар. В этом году была национализирована промышленность со всеми остатками продукции от прошлых лет и из товарооборота были вычеркнуты ресурсы всей промышленности кроме ремесленной. На рынке обращались, с одной стороны, распродаваемые городским населением старые запасы, находившиеся в индивидуальном пользовании, с другой стороны, продукты сельского хозяйства. В этом году началась проводиться разверстка, и таким образом часть продукции деревни, до того поступавшая на рынок, стала распределяться плановым образом государством помимо рынка. Все это должно было оказать огром-

ное влияние на сокращение размеров товарооборота. Наконец еще быстрей стал оборот денег. Накопление в деревне приостановилось и все это приводило к тому, что падение курса денег шло уже гораздо быстрей темпа эмиссии.

1919 г. является типичным годом с точки зрения хозяйственной системы военного коммунизма. Национализированная промышленность ничего не дает для рынка, кроме, разумеется, того, что поступало в продажу нелегальным путем. Размеры торгового оборота деревни с городом сокращаются по меньшей мере на всю сумму стоимости получаемых государством по разверстке продуктов крестьянского хозяйства. Но, с другой стороны, территория Республики расширяется, обогащаясь рынками окраин. Падение курса рубля происходит по всем тем причинам, которые действовали в 1918 г., но с той лишь разницей, что увеличилась натурализация оборота, а, с другой стороны, деревня теперь сама стала выбрасывать деньги, которые у нее скопились в предыдущее время. Количество денег в обращении возросло с 1 января 1919 г. по 1 января 1920 г. с 60,8 млрд. до 252 млрд., что составляет увеличение денежной массы в 3,7 раз, в то время как покупательная способность рубля падает более чем в 10 раз в сравнении со средней 1918 г. и в 774 раза в сравнении с довоенным положением. Сокращение товарооборота на вольном рынке произошло: 1) вследствие уменьшения продукции в крестьянском хозяйстве под влиянием продолжавшегося падения посевной площади и поголовья стада; 2) под влиянием увеличения разверстки и военных реквизиций и уменьшения соответствующей доли хозяйственных продуктов, которая могла бы пойти в товарообмен на вольный рынок; 3) вследствие дальнейшего сокращения товарного фонда, который город был в состоянии выбросить на торговлю с деревней вследствие сокращения запасов прежних лет; 4) под влиянием увеличившегося количества товарообменных операций без посредства денег. В результате этого крестьянство, не будучи в состоянии реализовать на городском рынке всю свою свободную продукцию, увеличивает собственное потребление.

В обратную сторону влияли расширение территории вследствие военных успехов советской власти, расширившей территорию за счет окраин, еще достаточно богатых продуктами потребления. Под действием всех этих причин товарообмен на деньги сократился по сравнению с 1918 г. весьма значительно.

1920 г. существенно не отличается от 1919 г. В 1920 г. мы можем наблюдать в чистом виде действие трех факторов: эмиссии, сокращения товарооборота и увеличения быстроты оборота денег, причем сокращение товарооборота вряд ли было значительным, так как ему уже почти некуда было больше сокращаться.

Что касается эмиссии, то вновь выпущено было в 1920 г. 943,6 млрд. по сравнению с 164,2 млрд., выпущенными в 1919 г. Общая же денежная масса к 1 января 1921 г. возросла до 1,168 млрд. против 225 млрд. к 1 января 1920 г. Таким образом мы имеем увеличение денежной массы в 5,2 раза. Курс рубля

упал в среднем за 1920 г. в 7,683 раза в сравнении с довоенным и почти в 10 раз в сравнении с предыдущим годом. Таким образом в 1920 г. уже главной причиной падения курса является эмиссия и увеличение быстроты оборота денег, в то время как действие сокращения товарооборота сказывается относительно меньше, чем в предыдущие годы. Это вполне понятно, если мы вспомним, что в 1920 г. к Советской России были присоединены все окраины с большими запасами хлеба, как Сибирь и Кубань, и это расширение территории только ослабляло уменьшение товарооборота, имевшего место вследствие увеличения разверстки, плохого урожая и сокращения торговли деревни с городом на той территории, которая все время находилась в руках советской власти.

1921 г. является весьма своеобразным годом. Первая четверть года является типичным продолжением предыдущего года как по сокращению товарооборота, так и по движению вниз рубля, как это видно из следующей таблицы.

Курс рубля по месяцам 1921 г. и размеры эмиссии

Месяцы	Стоимость обращения (в млн. руб.)	Курс рубля	Размеры эмиссии (в млрд.)	Доход от эмиссии по индексу (в миллионах рублей)
Январь	69,6	26 539	130,3	4,7
Февраль	60,1	29 686	189,3	5,4
Март	53,9	40 096	198,5	4,8
Апрель	47,3	42 029	230,5	5,7
Май	44,9	39 173	205,1	4,5
Июнь	34,2	50 901	224,9	3,9
Июль	29,1	63 114	460,9	7,2
Август	35,0	61 603	702,6	11,1
Сентябрь	46,0	61 941	1 023,7	13,9
Октябрь	55,4	85 506	1 950,3	21,0
Ноябрь	67,9	100 507	3 365,0	26,5
Декабрь	77,1	153 218	7 694,3	37,1

Наоборот, во вторую четверть начинается любопытнейший поворот. Несмотря на то, что весной обыкновенно происходит сезонное сокращение рынка вследствие уменьшения притока продуктов сельскохозяйственного производства, что при продолжении эмиссии должно было бы привести к более быстрому падению курса, мы видим как раз обратную картину: апрель показывает ничтожное падение в сравнении с мартом, а в мае курс рубля даже повышается. Явление совершенно небывалое за время революции. Объясняется оно тем, что в результате разрешения свободы торговли емкость рынка за счет припрятанных товаров сразу возросла и в результате вместо фактора сокра-

щения товарооборота, который раньше все время действовал вместе с эмиссией на понижение валюты, выступил фактор расширения товарооборота, действующий на повышение. Но запасы рынка оказались небольшими, продолжающаяся эмиссия пересиливает, и июнь, и июль дают падение курса. Но вот приходит момент реализации урожая, промышленность выбрасывает на рынок часть продукции и происходит снова резкое расширение товарооборота. В то же время резко увеличивается и эмиссия. Два фактора, дружно действовавшие раньше в одном направлении, в направлении понижения курса, вступают теперь в единоборство. Расширяющийся рынок обороняет курс рубля от натиска столь же быстро растущей эмиссии. Июль, август и сентябрь обнаруживают равновесие борющихся сил и рубль почти стабилизовался. Но уже в октябре рынок не выдерживает напора экспедиции заготовления государственных бумаг и курс рубля начинает падать.

Падение продолжается в ноябре, а в декабре достигает катастрофических размеров. Это падение нисколько не удивительно, если принять во внимание цифры эмиссии, показанные по месяцам в вышеприведенной таблице. Из цифр видно, что падение курса все-таки шло медленней, чем возрастала эмиссия. Излишества эмиссии в ноябре и особенно в декабре приводит к финансовому кризису в январе, потому что декабрьские знаки реализуются главным образом в январе. В результате курс рубля к 1 января падает в 172,461 раз в сравнении с довоенным.

Как ни велика эта цифра абсолютно, но относительно она меньше той, которая могла бы быть, если бы в 1921 г. не было совершено перехода на новую экономическую политику. В самом деле, если бы в 1921 г. падение шло как в 1920 г., то курс рубля к 1 января 1922 г. должен был бы равняться 225,581, т. е. значительно больше, чем он в действительности был. О том же говорит и другой подсчет, если исходить из размеров эмиссии. Денежная масса к 1 января 1922 г. равнялась 17 539 млрд. против 1 168 млрд. к 1 января 1921 г., т. е. увеличилась в 15 раз. Если б курс рубля падал только под действием эмиссии, то он был бы равен к 1 января 1921 г. не 26 539, а около 40 тыс., т. е. был бы примерно в полтора раза ниже реального. Если же этого не было, то это надо приписать действию расширившегося товарооборота. Как в годы войны и отчасти в 1918 г. крестьянское накопление задерживало падение курса, так в 1921 г. расширение емкости рынка отчасти умеряло катастрофическое действие эмиссии. Между прочим по действию эмиссии на курс рубля можно косвенно вывести заключение о степени расширения емкости рынка. Если в сравнении с июлем эмиссия в октябре возросла почти в 4½ раза, а курс рубля пошатнулся с июля по октябрь только на 35%, то это уже дает представление о росте стоимости минимума обращения, т. е. в данном случае, когда в связанном состоянии бумажных денег нет и все они в обороте, минимум обращения—это есть стоимость всей бумажноденежной массы в стране

в переводе на золотой рубль. В июле стоимость обращения была равна, включая июльскую эмиссию 44,4 млн., в октябре 62,1 млн., в ноябре 99,4 млн., на 1 января 1922 г. около 103 млн. Правда, кроме расширения товарооборота денежного имело влияние и увеличение денежных расчетов там, где раньше существовали натуральные взаимоотношения, хотя бы объем обращающихся ценностей не возрос. Вероятно имело значение и замедление темпа оборота денег, поскольку три месяца стабилизации курса рубля могли способствовать тому, что владельцам денег уже не было острой необходимости немедленно сбрасывать с рук денежное богатство, заменяя его товарным. Но в данные месяцы влияние этого фактора нет возможности уловить. Зато дальше мы будем иметь единственный в своем роде случай сфотографировать действие этого фактора в весьма благоприятном сочетании. Но об этом ниже.

Что касается накопления, то хотя при начавшемся оживлении в стране оно имело известную экономическую базу, правда, весьма небольшую, тем не менее при быстро падающей валюте оно было невозможно и охотников разоряться на таком накоплении после опыта военного периода не находилось.

Накопление происходило в товарной форме и путем скопления золота и драгоценностей в руках некоторых групп населения. Точно так же и влияние безденежных расчетов, несмотря на открытие государственного банка, было так ничтожно, что его можно не принимать в расчет.

Приведенные цифры характеризуют кризис начала 1922 г., но в то же время они позволяют уловить влияние того фактора, который ускользал до сих пор от более точного анализа, т. е. фактора быстроты оборота денег. Стоимость денежной массы январь—февраль 1921 г. в среднем равна стоимости за январь—февраль 1922 г., а к 1 марта она даже ниже таковой в сравнении с мартом 1922 г. Так как в начале 1922 г. факторы накопления и безденежных расчетов не действуют, а товарооборот, совершавшийся при посредстве денег, был значительно больше, чем за первые месяцы 1921 г., то обслуживание возросшего товарооборота и денежных расчетов той же стоимостью обращения можно объяснить только одним единственным фактором—страшно возросшей быстротой обращения денег. Здесь мы ловим этот фактор и определяем размеры его действия. Силу действия этого фактора можно вывести из такой пропорции. Быстрота оборота денег первых трех месяцев 1922 г. во столько раз больше быстроты оборота первых трех месяцев 1921 г., во сколько раз денежный товарооборот первых месяцев 1922 г. больше денежного товарооборота первых месяцев 1921 г. А так как денежный товарооборот в начале 1922 г. вследствие расширения емкости рынка, благодаря продаже за деньги той части продукции государственной промышленности, которая раньше распределялась безденежно, в натуральном виде сильно возрос, так же как он возрос вследствие платности государственных и коммунальных услуг, вве-

дения денежных налогов и увеличения продуктов кустарной промышленности, то все это увеличение было съедено, было уравновешено возросшею быстротой оборота денег. К сожалению, цифру этого увеличения мы не можем установить. Одно только можно утверждать, что увеличение произошло значительно больше чем в два раза.

1922 и 1923 гг. являются типичными годами для иллюстрации тех процессов при падающей валюте, когда товарооборот страны расширяется, но денежные эмиссии растут таким огромным темпом, что пересиливают оздоравливающее действие на валюту растущего товарооборота и продолжают гнать валюту вниз. Но в это время товарооборот находит себе отдушину в виде зародившейся второй валюты—червонца. При наличии двух валют, одной твердой и другой падающей, к твердой валюте—к червонцу—начинают переходить те функции денег, для которых особенно важна устойчивость денежной единицы. Все торговые и промышленные организации всячески ищут червонец, потому что они не в состоянии держать в советских знаках свои денежные резервы, не подвергая их обесценению. Но зато, наоборот, на совзнак падают все удары от новых эмиссий и от все более ускоряющейся быстроты оборота денег. Несомненно, введение червонца ускоряло ликвидацию советского знака. Эта ликвидация была проведена весной 1924 г. Приведем сводную таблицу для размеров обращения и его стоимости с 1917 до 1923 г.

Годы	Количество бумажных денег в обращении (в миллиардах руб.) [1]	Стоимость обращения (в миллиардах руб.)	
		По бюджетному индексу статистики труда	По оптовому индексу Госплана
1 января 1917	10,99	3 739,01	—
1918	27,31	1 315,01	—
1919	61,26	373,57	—
1920	225,02	92,98	—
1921	1 168,60	69,00	—
1922	17 539,44	60,90	—
1923	2 053 957,00	96,70	130,08

Максимального сжатия обращение достигло в июле 1921 г., когда оно опускалось до 29,1 млн. по индексу статистики труда, в 1922 г. максимальное сжатие было в мае, до 30,7 млн.

После этого начинается расширение обращения, в чем очень важную роль играло увеличение выпусков червонцев. Наиболее характерны в этом отношении вторая половина 1922 и 1923 г.

[1] Сб. статистических сведений по Союзу ССР, изд. ЦСУ, 1924 г., стр. 316.

Если 1921 г. является чрезвычайно интересным годом, как год переломный для денежного обращения, потому что в этом году состоялся переход на нэп, то 1923/24 г. является чрезвычайно интересным, потому что это был год денежной реформы. Поэтому мы даем этому году наиболее полное цифровое освещение настоящей таблицей (см. стр. 124).

При первом взгляде на эту таблицу читатель видит, что наше денежное обращение было в этот год весьма разнообразным с точки зрения отдельных видов циркулирующих денег. В этом году в обращении были остатки прошлого, денежные знаки переходного типа и будущая твердая валюта. В начале этого года в обращении были, во-первых, червонцы, т. е. банкноты Государственного банка, во-вторых, совзнаки, т. е. пока еще основная валюта, затем сертификаты Народного комиссариата финансов, о котором мы уже говорили и, наконец, в обращении были так называемые обязательства Центральной кассы Наркомфина, представляющие собой известное дополнение к денежному обращению. Эти обязательства в отличие от остальной валюты были процентными и поэтому их только условно можно причислить ко всему обращению.

После проведения денежной реформы ко всем этим видам денег присоединилась серебряная монета, несколько позже медная монета и с февраля 1924 г. были выпущены еще разменные боны мелких купюр, начиная с 50 коп. В приведенной таблице сумма выпуска всех видов денежных знаков дана в червонных рублях, т. е. они даны по курсу червонца в совзнаках. Динамика этого года по отношению к денежному обращению показывает, что до февраля основную денежную массу составляли совзнаки. Начиная же с февраля, т. е. с выпуска государственных казначейских билетов, основная масса новой эмиссии передвигается на червонец, казначейские билеты и на металлическую валюту, если, разумеется, не считать обязательств Центральной кассы Наркомфина. Что касается общей массы обращения, считая в червонных рублях, оно было равно в октябре 1923/24 г. сумме в 282 млн., а в конце того года, к которому относится приведенная таблица, это обращение поднялось до 564 млн. руб.

Из этих цифр мы видим, что переход на твердую валюту сам собой уже явился очень важной предпосылкой для расширения денежного обращения. Переход на твердую валюту привел к очень резкому сокращению быстрого оборота денег, этого главного бедствия всякой падающей валюты. С этой точки зрения характерен не столько рассматриваемый нами год во 2-й его половине, сколько следующий 1924/25 г. К концу этого последнего года, т. е. в сентябре месяце, наше номинальное денежное обращение с 564 млн. в сентябре 1924 г. поднялось до 1 187 млн. к сентябрю 1925 г. В итоге с сентября 1923 г., когда денежное обращение равнялось 248,4 млн., оно увеличилось, следовательно, к сентябрю 1925 г. почти в 4½ раза. Вряд ли можно допустить, что денежный товарооборот страны развернулся в таком огром-

Обращение банкнот, казначейских билетов, серебряной монеты, разменных бон, совзнаков и транспортных сертификатов
(в тысячах червонных рублей)[1]

Даты по 1-е число месяца	Банкнот Госбанка	Государ. казначейских билетов	Серебряной монеты	Медной монеты	Разменных бон	Вся казначейская валюта	Совзнаков НКФ (в червонных рублях, а не по номиналу)	Сертификатов НКПС	Всего	Обязательства Центральной кассы (по номиналу)	Всего включено обязательств
1923/24 г.											
Октябрь . . .	207 359,5	—	—	—	—	—	56 754,7	250,0	264 364,2	38 111,5	302 475,7
Ноябрь	224 782,4	—	—	—	—	—	76 560,9	4 172,4	305 515,7	51 263,3	356 779,0
Декабрь . . .	226 013,4	—	—	—	—	—	72 145,4	4 998,5	303 157,3	61 865,3	305 022,6
Январь	237 158,9	—	—	—	—	—	59 503,3	9 575,6	306 237,8	67 345,9	373 583,7
Февраль . . .	259 196,4	19 609,3	3 812,0	—	—	23 631,3	40 612,0	12 434,3	312 242,7	81 402,0	393 644,7
Март	286 883,5	54 641,7	9 964,9	—	210,0	23 631,3	27 100,9	19 212,8	356 828,5	92 073,9	448 902,4
Апрель	289 668,2	85 229,3	12 720,8	—	3 143,3	67 749,9	15 319,3	20 749,5	393 486,9	85 778,4	479 265,3
Май	295 091,1	124 098,1	16 650,1	—	10 642,1	108 592,2	14 796,0	21 273,2	439 761,4	60 347,4	500 108,8
Июнь	283 096,4	143 558,3	4 359,0	—	15 703,8	156 452,0	—	20 704,3	460 252 7	54 828,2	516 030,9
Июль	294 576,0	18 589,6	21 009,1	0,1	18 352,8	182 920,2	—	3 270,5	480 766,7	51 636,4	532 403,2
Август	290 891,1	162 147,9	34 665,1	16,3	20 061,0	216 890,2	—	—	537 781,3	61 344,3	569 125,7
Сентябрь . . .	312 115,8	181 043,9	42 321,9	29,2	22 723,3	246 118,3	—	—	558 234,1	64 268,0	622 502,1

[1] По официальным данным Наркомфина.

ном темпе. Рост денежного товарооборота в это время несомненно имел место, и очень быстрый рост, но отнюдь не в таких пропорциях.

Здесь кроме этого фактора, увеличивающего минимум обращения, действовали прежде всего указанные нами выше факторы, уменьшающие быстроту оборота денег. Если в период быстро падающей валюты все стремились как можно скорее избавиться от совзнаков, перевести их в товарные ценности и таким образом застраховать себя от уплаты эмиссионного налога государству, то теперь этот мотив отпадал. Если раньше рабочий и служащий, получавшие на руки свое жалованье в деньгах, должны были стремиться немедленно реализовать их на рынке, чтобы не потерять огромной суммы на падении курса, то теперь они могли спокойно расходовать свои деньги по мере надобности от одной получки до другой. То же относилось и ко всем деньгодержателям. Для быстрой реализации денежной зарплаты было тем меньше оснований, что в это время правительство вело политику на систематическое снижение оптовых и розничных цен. Это не только не стимулировало сброса денег, а наоборот давало возможность в некоторых случаях реализовать скопленные деньги для покупки товаров с большой выгодой.

Вторым фактором, влиявшим на увеличение минимального обращения, было восстановление денежных налогов, т. е. возвращение нашим деньгам функции средства платежа.

Наконец известную роль играло начавшееся денежное накопление у населения. Правда, размеры этого накопления, если судить по размерам вкладных операций, были еще значительны, но это нисколько не колеблет того утверждения, что мы имели за это время не только уменьшение темпа быстроты оборота денег как средства обращения, но и имели увеличение денежного накопления на руках населения, накопления, которое еще не начало притекать в должной мере в сберегательные кассы и кассы банков.

Сделанный нами анализ причин падения нашего курса рубля за время войны и революции с полной очевидностью подтверждает правильность тех теоретических предпосылок о бумажно-денежном обращении, которые были формулированы в первых главах настоящей книги.

Что касается подробного исследования нашей валюты за период после денежной реформы, то это не входит в задачу настоящей работы по двум причинам. Первая причина заключается в том, что в результате реформы у нас была достигнута стабилизация валюты и потому бумажные деньги этого периода не являются подходящим объектом для иллюстрации нашей теории. Вторая причина заключается в том, что наши деньги испытывают процесс непрерывного и глубокого перерождения самой их экономической сущности, перерождения, вызванного непрерывным расширением планового хозяйства. Это перерождение функций денег на базе хозяйства с другой структурой, чем капитализм, находит свое очень яркое количественное выражение в

размерах стоимости обращения в сравнении с довоенной. Так в 1928/29 г. страна при уровне национального дохода, превысившего на 27% довоенный, имела реальную стоимость обращения равной (считая по оптовому индексу) 1 163,2 млн. руб., против максимальной в 3 151 млн. зол. руб. в 1913 г. и 2 241 млн. на 1 января 1914 г. Диспропорция в размерах стоимости обращения огромная. Она прежде всего объясняется изменением самой природы денег при переходной экономике [1].

б) Германская марка периода падения (с 1914 по 1924 г.)

Каждая из трех стран, валюту которых мы в настоящей работе анализируем, дает богатейший материал в подтверждение всех основных положений теории падающей валюты и в то же время каждая страна историей своей падающей валюты особенно ярко иллюстрирует в отдельности некоторые из положений теории. История падающей марки, кроме обилия общего материала для общих выводов, особенно ярко иллюстрирует положение о разнице между стоимостью рабочей силы и ценой, а следовательно, о разнице внутренних золотых цен с мировыми золотыми ценами (считая регулирующими центрами мирового хозяйства САСШ и Англию). Затем на истории марки очень отчетливо можно проследить отмирание налоговых доходов государства и сжатие функции денег как средства платежа. Наконец таблица систематического падения реальной стоимости всех внутренних займов Германии дает блестящую иллюстрацию для того перераспределения национального дохода и того ограбления населения, которые автоматически происходят при быстро падающей валюте.

Наконец и очень интересно проследить именно на примере Германии проедание основного капитала промышленных предприятий и полную дезорганизацию системы калькуляционных расчетов себестоимости производства.

Перед войной, как известно, в Германии существовало золотое обращение, которое было введено законом от 4 декабря 1871 г., который был издан после франко-прусской войны, обеспечившей Германии контрибуцию в размере 5 млрд. франков.

В 1913 г. в Германии находилось в обращении около $2^3/_4$ млрд. марок золотой монеты, около 750 млн. серебряной, около 2 млрд. банкнот рейхсбанка и около 400 млн.—банкнот частных банков и казначейских обязательств (Reichskassenscheine) [2].

Перед самой войной рейхсбанк начал задерживать золотую монету, что увеличило его золотой резерв. Законом от 4 августа, т. е. при объявлении войны, золотой размен был в Германии приостановлен, находившиеся в обращении банкноты получили принудительный курс и превратились в бумажные деньги, а золото было заперто в подвалах государственного банка. Золотая

---

[1] См. об этом мою статью «Экономическая природа советских денег и перспектива червонца», «Под знаменем марксизма», № 3, 1930 г.

[2] Karl Elster, Von der Mark zur Reichsmark, Jena 1928, S. 12, 13.

наличность банка, благодаря ряду специальных мер, продолжала расти и в первые годы войны, и увеличивалась в следующих цифрах:

23 июля 1914 г.	1 356,8	млн. зол. марок
31 декабря 1914 г.	2,092,8	» » »
31 декабря 1915 г.	2 445,2	» » »
31 декабря 1916 г.	3 520,5	» » »

С 1917 г. начинается неуклонное уменьшение золотых резервов банка, о чем мы еще будем говорить ниже. Из приведенных цифр мы во всяком случае видим, что основная масса золота была изъята из обращения.

После перехода к бумажноденежному обращению Германия не сразу стала страной падающей валюты, как читатель увидит из нижеприводимых цифровых данных. Но так обстояло дело почти со всеми валютами воевавших стран в первый период перехода к бумажному обращению.

Историю германской валюты за десятилетие с 1914 по 1924 г. удобней изучить, разделив весь этот этап на три периода: 1) период от начала войны до ее окончания, 2) с окончания войны до сент. 1922 г.; 3) от этой даты до краха валюты в ноябре 1923 г.

Первый период, т. е. период войны, не очень характерен для нашего исследования по целому ряду причин. Во-первых, экономика страны испытывала специфические изменения под действием военной обстановки: сократилась работа на широкий рынок, была введена система так называемого государственного капитализма, с плановым распределением заказов между промышленными предприятиями и их объединения, с нормировкой цен и нормировкой отпуска товаров («Zwangswirtschaft»). Затем до минимума была урезана связь Германии с мировым хозяйством. Основные цифры, относящиеся к этому периоду и рисующие состояние валюты и определяющие курсы валюты, фактически были таковы (см. табж. стр. 128) [1]:

Хотя мы и считаем, что в первый этап в истории падающей валюты в Германии заканчивается в конце 1918 г., т. е. к моменту ликвидации войны, однако, в приведенной таблице фигурирует и 1919 г. Мы помещаем здесь цифры, относящиеся к 1919 г., потому что они лучше всего оттеняют, почему этот год является переломным и что отличает второй период от первого.

В приведенной таблице мы имеем основные показатели, относящиеся к исследуемой нами проблеме. Из этих цифр мы видим, что во-первых размеры бумажноденежных эмиссий государства были довольно скромными до 1918 г., и повидимому, не очень сильно превышали необходимый минимум обращения. Эта умеренность эмиссии в первые четыре года войны, которую можно видеть по

---

[1] Большинство данных взято из хорошо документированного сборника цифр: «Zahlen zur Lebenswertung in Deutschland 1914 bis 1923», бюджеты рабочих и служащих по индексу стоимости жизни у Кальвера. См. также вышеназванную книгу K. Elster, S. 444—443.

Годы	Колич. бум. марок в обращении (в млн.)	Средн. годов. курс доллара в Берлине (паритет дол. 1 долл. = 4,198 м.)	Индекс оптовых цен		Недельная зарплата квалифицирован. рабоч. гос. предприятий (жел. дор.)	Жалов. углекопов Рура	Месячный оклад средн. чиновника	Государственные долги 1913 г. = = 4 805 м.	
			В золотых	В бум. марках		В марках по стоимости жизни по индексу Кальвера		Номинал	По курсу
1913	—	—	—	—	34,56	40,50	42,36	—	—
Июль 1914 г.	2,9	—	—	—	—	—	—	—	—
1914	3 596,5	4,28	103,4	105	33,59	37,80	332	4 917,9	4 917,9
1915	6 705,6	4,86	122,4	142	27,54	32,94	264	9 436,3	8 240,3
1916	9 161,5	5,52	116,2	152	23,90	30,12	201	30 235,1	23 083,3
1917	14 373,6	5,58	114,5	179	22,08	25,38	166	50 299,1	34 345,6
1918	22 654,3	6,01	153,6	217	28,80	25,80	188	71 915,4	58 515,4
1919	40 924,3	19,76	96,9	415	31,86	33,36	187	92 336,4	33 745,9

первому столбцу таблицы слева, объясняется последним столбцом таблицы справа, т. е. успехом внутренних займов государства. Германской системе внутренних военных займов было уделено в экономической и политической литературе огромное внимание. Писавшие на эту тему не ошибались, что эти займы делали для государства излишним особенно сильно нажимать на печатный станок. Конечный итог получался тот же: при эмиссии государство брало бы нужные ему средства эмиссионным налогом и этим способом осуществило бы объективно-необходимую цель — сокращение индивидуального потребления в обществе. Здесь та же цель достигалась способом, более рациональным с точки зрения самого капиталистического способа производства. Этот метод не усиливал дезорганизации хозяйства, и без того подорванного войной, и так сказать, «упорядочивал» распределение военных тягот. Впрочем, для понимания всего механизма войны германского империализма и понимания всей совокупности факторов, влиявших на валюту в этот период, нужно более близкое знакомство с системой государственного капитализма этой эпохи, на чем мы не имеем возможности здесь останавливаться. Мы констатируем лишь, что из двух основных факторов, бросающих валюту вниз, которые являются исходными для всего процесса, т. е. сокращения товарооборота и увеличения эмиссии, фактор эмиссии бумажных денег имел сравнительно скромное действие до 1918 г.

Что касается второго исходного фактора падения валюты на первом этапе процесса, т. е. сокращения емкости товарооборота страны, то действие этого фактора, несомненно, было сильней. Всякая большая и продолжительная война резко сокращает товарооборот, уменьшая производство предметов массового потребления и переводя на централизованное государственное снабже-

ние, по крайней мере, всю мобилизованную часть населения. Все это имело место и в Германии. Но здесь действовали с большей интенсивностью и контртенденции, задерживавшие рост товарного индекса в бумажных деньгах, связанные с нормированием потребления всего населения и с таксировкой цен на все основные продукты потребления. Денежный товарооборот сжимался, но, с другой стороны, рост искусственно задерживался, а бумажноденежное накопление выкачивалось системой внутренних военных займов, следовавших одним за другим.

У нас нет никаких прямых данных о размерах товарооборота за эти годы. О размерах сжатия товарооборота можно судить лишь по косвенным показателям. Из приводимых в таблице цифр по реальной заработной плате квалифицированных рабочих и жалованью средних чиновников мы можем заключить, что потребительский товарооборот сжался очень сильно. Реальная заработная плата падает на одну треть в сравнении с довоенным временем, жалованье среднего чиновника—больше чем в два раза.

Если к этому прибавить, что рабочие не могли реализовать полностью свою заработную плату, получаемую в бумажных марках, о чем мы знаем из литературы, относящейся к этому периоду; если мы примем во внимание размеры накопления в сберегательных кассах и участие рабочих и служащих в подписках на военные займы, то мы придем к выводу, что товарное покрытие всего фонда заработной платы сократилось значительно больше чем в два раза в сравнении с довоенным положением. Но, повторяем, мы не имеем здесь точных цифр; рационы планового снабжения не дают ответа на вопрос, потому что тогда существовал и вольный рынок на предметы питания (крестьянство скрывало, например, от сдачи государству до 50% урожая картофеля), а также рынок на остальные, непищевые средства потребления. Наш вывод является поэтому грубо ориентировочным. Кроме того не надо забывать, что каждый новый год здесь значительно отличался от предыдущего и отличался в сторону уменьшения емкости товарооборота.

Что касается обращения денег в сфере перемещения средств производства и средств войны, то и плановое распределение сырья комитетом Ратенау, и плановое распределение заказов на военное снабжение, и увеличение безденежных расчетов как раз вследствие сращивания многих функций трестов с государственными функциями—все это уменьшало потребность в деньгах, хотя бы на участках соприкосновения части оптовой торговли с розничной расплата за наличные и увеличилась.

В итоге денежный товарооборот в целом должен был сократиться весьма значительно. Принимая в этот период (по крайней мере до 1918 г.) равным довоенному то количество денег, которое могли поглотить функции денег как средства платежа и как средства накопления, мы при сокращении товарооборота должны были бы иметь золотой минимум обращения значительно меньше

довоенного. Быть может, он был равен четырем пятым, трем пятым, половине или даже еще меньше тех 6 млрд., которые составляли всю совокупность обращения в 1913 г. При этом мы пока не принимали во внимание движения индекса золотых цен внутри страны. Если мы учтем и этот фактор, распространив его не только на денежный товарооборот, но и на все функции денег (что, конечно, не точно) и если мы будем считать 1914 г. еще не типичным годом для падающей валюты в Германии, то мы, принимая сокращение товарооборота и минимум обращения в довоенных золотых ценах на одну треть, должны были бы иметь внутренний индекс цен для 1915 г. равным $\frac{6\,785 \cdot 100}{4\,000 \cdot 122{,}4}$, т. е. индекс цен внутри Германии должен был бы быть равным, согласно этому теоретическому расчету, цифре около 182. Если мы примем сокращение товарооборота вдвое, это даст $\frac{6\,785 \cdot 122 \cdot 4}{3000 \cdot 1\,0}$, т. е. курс валюты в индексе цен должен был равняться 137, фактически, как мы видим, индекс равнялся 142. Что это значит? Это значит, что в первом варианте мы либо преувеличили размеры сжатия товарооборота, либо недоучли размеров бумажноденежного накопления. Первое предположение вряд ли имеет под собой почву, хотя второй вариант, принимающий больший товарооборот, и дает цифру, почти совпадающую с реальной. Все данные говорят, наоборот, что надо допустить второе предположение, а именно, что бумажноденежное накопление было в этот период в бумажных марках больше, чем до войны. Возможно еще и третье предположение: возможно, что оптовый индекс не вполне характерен для определения размера взвешенного падения валюты и по оптовому и по розничному индексу, включая сюда и индекс нелегальной торговли и мешечнического товарооборота (Schleichhandel). Скорей всего дело обстоит следующим образом: взвешенный индекс, с учетом легальной и нелегальной розницы, даст вероятно цифру больше 142, а увеличение накопления в сравнении с довоенным, прибавленное к этой поправке, должно будет полностью объяснить, почему полученная нами теоретическим путем цифра более или менее близка к исторической действительности. Во всяком случае золотая стоимость всего обращения этого года, равнявшаяся по оптовому индексу 4,8 млрд. против 6 млрд. довоенных, была очень значительна и вряд ли держалась на таком уровне благодаря незначительному сжатию товарооборота. Рост накопления—вот объяснение.

Что касается курса доллара в Берлине, то он не может быть для этого периода показательным. Вообще нужно сказать, что в Берлине марка котировалась выше, чем в пунктах заграничной котировки марки, как Швейцария, Голландия, Соединенные штаты и т. д.

Необходимо отметить, что в наших расчетах мы исходим из того, что быстрота оборота денег в 1915 г. оставалась неизменной в сравнении с довоенным положением.

Проанализируем также данные за 1917 г. В этом году емкость товарооборота вследствие уничтожения всех военных запасов, сжатия производства на потребительский рынок, вследствие недостатка сырья и пр., должна была сократиться. Но к этому времени сильно расширилась территория, оккупированная германской армией, особенно на востоке, увеличился подвоз средств потребления из этих районов и расширилась сфера циркуляции бумажной немецкой марки. Ввиду этих тенденций, противоборствовавших падению валюты, мы принимаем золотой минимум обращения равным двум третям довоенного, как и при анализе по первому варианту данных за 1915 г. Тогда мы должны были бы иметь теоретически исчисленный возможный индекс внутренних цен равным величине $\frac{14\,373.100}{4\,000.114{,}5}$, т. е. 314. Фактически же, как мы видим из таблицы, индекс был равен только 179, т. е. по сравнению с довоенным поднялся значительно меньше чем вдвое. И здесь, повидимому, как и в 1915 г., действовали какие-то недоучитываемые нами факторы, задерживавшие падение валюты. Этими факторами, во-первых, могли быть: рост накопления в бумажных марках, новые внутренние военные займы, оздоравливавшие обращение (потому что в 1917 г., как видно из таблицы, было снято займами около 20 млрд. руб.), а также вся система планового снабжения, искусственно задерживавшая падение бумажной марки, по крайней мере в сфере оптовой торговли и контролируемого государством оборота. Во всяком случае цифра стоимости всего обращения (считая в товарном индексе), равная 8 млрд. против довоенных 6 млрд., при несомненном сжатии товарооборота, говорит об огромном росте бумажноденежного накопления.

Но если 1915—1917 гг. с точки зрения движения индекса цен нам более или менее понятны, исходя из нашего метода чтения всех основных цифр, которые имеются в нашем распоряжении, если исходить из значительного роста накопления, если уточнение анализа в отношении различных показателей и добавочных данных, которые могут быть привлечены к исследованию, может полностью осветить всю картину, то 1918 г., надо прямо сознаться, является по своим итогам мало понятным. Размеры денежного обращения в этом году возрастают в д в о е в сравнении с предыдущим 1917 г. Золотые цены, правда, повышаются, что увеличивает необходимый золотой минимум обращения, однако новые внутренние займы снимают почти столько же, сколько и в предыдущем году, а именно 21,7 млрд. вместо 20 млрд. Емкость товарооборота не могла расшириться, а, наоборот, должна была скорее сжаться. И вместе с тем оптовый индекс, равный в среднем за год 217, в конце года поднимается только до 245. Это значительно меньше той цифры, на которую надо было бы теоретически рассчитывать. Исходя из предыдущего метода подсчета, принимая товарооборот прежним, т. е. $^2/_3$ довоенного, мы должны были бы иметь цифру падения цен, равную 370, если опять-таки не принимать во внимание роста накопления. И если в этом году

стоимость обращения продолжает расти и подниматься (считая по товарному индексу) до 10 млрд. с лишним, то это, очевидно, говорит снова и снова об огромных размерах денежного накопления.

Мы не беремся объяснять это непонятное явление в таком беглом очерке. Здесь особенно был бы необходим индекс розничных цен в вольной торговле, которая приняла к этому времени огромные размеры. Это могло бы сильно изменить картину. Но главная причина, повидимому, все же в скоплении у населения нереализуемых денег при таксировке цен. Что же касается курса доллара, то здесь необходимо заметить следующее. В нашей таблице берлинский курс доллара дан средний за весь 1918 г. Однако если мы сравним движение доллара и индекса оптовых цен по месяцам, то мы увидим следующую картину:

	Общий индекс оптовых цен (1913 = 100)	Курс доллара (паритет 1 доллар = 4,198 марки)		Общий индекс оптовых цен (1913 = 100)	Курс доллара (паритет 1 доллар = 4,198 марки)
Январь	2,04	5,21	Июль	2.08	5,76
Февраль	1,98	5,27	Август	2,35	6,10
Март	1,98	5,21	Сентябрь	2,30	6,59
Апрель	2.04	5,11	Октябрь	2,34	6,61
Май	2,03	5,14	Ноябрь	2,34	7,43
Июнь	2,09	5,36	Декабрь	2,45	8,29

Эти цифры показывают, что курс доллара в последние месяцы 1918 г., особенно в декабре, первым вырвался из искусственных для капитализма отношений «Zwangswirtschaft». Он сразу вскрыл специфический характер тех общехозяйственных условий, в которых жила Германия в эпоху войны.

Точно так же резкий скачок вверх дает индекс импортных товаров, поднявшись с 1,50 в январе—сентябре до 2,80, хотя импортные цены периода войны мало характерны.

Таким образом уже в конце 1918 г. наметился общий перелом в хозяйственной ситуации, а в том числе и в судьбе валюты.

В 1919 г. мы имели не сжатие, а расширение товарооборота, следовательно, должны были иметь увеличение золотого минимума обращения с этого конца, а следовательно, усиление фактора, задерживающего падение валюты. Блокада кончилась: голодная и обносившаяся Германия начала ввозить элементарно необходимые ей предметы потребления и сырье. Работа промышленности на широкий рынок увеличилась. Денежный товарооборот рос. Как будто в таких условиях увеличение бумажного обращения с

22,2 млрд. марок до 40,9 марок могло бы рассосаться благодаря увеличению емкости товарооборота, если бы все остальные факторы, влияющие на валюту, в том числе размеры накопления, остались прежними. В действительности же мы видим как раз обратную картину. Золотые цены относительно падают внутри страны и резко уменьшают необходимый золотой минимум обращения. Если под влиянием только этих двух факторов, т. е. роста эмиссии и падения золотых цен, покупательная способность денег по индексу не падает в сравнении с довоенным, примерно, в 7 раз, как это должно было бы быть, то это как раз и объясняется тем, что началось резкое расширение товарооборота, сжатого перед этим в тисках войны. До этого времени темп эмиссии все время обгонял темп роста товарного индекса. Теперь рост индекса начинает догонять темп эмиссии. В самом деле: денежная масса возрастает от конца 1914 г. до конца 1919 г. с 5 млрд. марок до 50 млрд. марок, т. е. в 10 раз, оптовый индекс поднимается до 803, т. е. в 8 раз, а курс доллара—до 46,7 в декабре 1919 г., т. е. в 11 с лишним раз. Средние годовые, правда, напоминают больше картину предыдущего года. Это значит, что перелом наметился во второй половине 1919 г. И это несмотря на рост товарооборота.

В этом году, как и в предыдущем, реальная заработная плата возрастает несколько в сравнении с годами войны, что связано, несомненно, главным образом с последствиями революции, с усилением давления труда на капитал или лишь отчасти с улучшением снабжения вследствие прекращения блокады (табл., стр. 134).

Очень интересными делаются в нашей таблице два самых крайних столбца справа, этот скорбный лист всех держателей государственных займов. Эти держатели уже экспроприированы более чем наполовину (учитывая разные сроки выпусков), но подписки еще продолжаются, и в 1919 г. находятся умники, согласные дать государству новых 70 млрд.

Что касается эффективности эмиссий для государства за этот период, то для этого достаточно эмиссию каждого года разделить на средний курс марки в товарном индексе. Наибольший эффект дают эмиссии 1918 г., когда выпускаются 11 млрд. при падении индекса цен в 2,45 раза. Это значит, что эмиссионный налог этого года взял у населения цифру, близкую к 5 млрд. золотых марок. Такой жатвы с обращения государству уже не удавалось в дальнейшем взять при всем напряжении печатного станка.

Но для понимания динамики 1919 г. надо его сравнивать не столько с исходным положением, т. е. с 1914 г., а с предыдущим годом. Для этого представим себе, что в 1919 г. емкость товарооборота увеличилась на минимальную сумму, пусть лишь на 20% по сравнению с предыдущим годом, учитывая открытие границ и увеличение всех оборотов. Тогда, учтя падение золотых цен, которое фактически совершилось и уменьшило соответственно необходимый минимум обращения, учтя фактически происшедшее увеличение денежной массы, мы должны были бы, принимая все

Годы (на конец декабря)	Количество бумажн. марок в обращении (в миллиардах)	Средний годовой курс доллара в Берлине	Индекс оптовых цен 1913 = 100		Недельная зарплата квалиф. рабочих госуд. предпр. (ж. д.)	То же углекопов в Руре	Месячный оклад среднего чиновника (декабрь)	Вклады в сберкассах (в млн.)	Налоговые доходы государства по курсу доллара	Государственные долги	
			Золотых (среднее за год)	В бум. марках (конец года)						Номинал в миллиардах	В золотых марках
1919	35,7	19,76	36,9	803	1913 34,56 31,86	1913 40,50 33,36	1913 342,36 332	В зол. марках 130 4 650	—	32,4	33,7
1920	63,8	63,06	105,8	1 440	Декабрь 20,73	Декабрь 34,56	116,06	В долларах 415 6 240	3 178,4	93	5,4
1921	113,6	104,57	82,7	3 487	Декабрь 22,72	Декабрь 36,66	118,52	В зол. марках 104 1 600	2 927,4	82,1	5,5
1922 (сентябрь)	316,9 1 280,1	1 465,87 1 885,8	108,5 87	28 700 147 500	Декабрь 18,06	Декабрь 25,20	103,30	—	1 488.1	65,6	0,003
1923	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Сентябрь 0,0002

остальные факторы неизменными, иметь увеличение индекса, примерно, на 70—80 от уже достигнутого валютой падения, т. е. он должен был бы равняться, примерно, 450 против довоенных 100. Фактически средний годовой индекс повысился в размерах, близких к этой цифре, индекс же к концу года поднялся вдвое против этой цифры. В чем же причина такого падения, которое совершенно не соответствует темпам падения предыдущих лет?

Здесь перед нами с полной очевидностью выступает наличие каких-то коренных изменений в тех факторах, которые мы до сих пор принимали неизменными, т. е. в факторе накопления и быстроты оборота денег. Прилагая развитые выше теоретические положения к объяснению этого фактора, мы должны будем сделать такой вывод. Накопление в стране либо приостановилось, либо накопленные деньги начали даже давить на товарный рынок, а вместе с тем увеличилась в какой-то степени и быстрота оборота денег. Оба эти фактора вполне объясняют исследуемые явления, особенно фактор быстроты оборота денег, который подстерегает каждую валюту на определенном уровне ее падения и начинает действовать сначала менее заметно, а затем с сокрушительной силой. Нижеприводимая таблица движения стоимости обращения по месяцам 1919 г. есть настоящий скорбный лист валюты. Кризис наступил во второй половине года. Стоимость обращения после июля стремительно катится вниз. Товарооборот не мог сократиться. Значит мы фотографируем увеличение быстроты оборота денег.

Теперь рассмотрим те же основные показатели, что и в первой таблице, но только по отношению к периоду с 1919 по 1922 г. включительно. Как в предыдущую таблицу мы включили 1919 г. для полноты освещения динамики процесса, так теперь возьмем весь 1922 г., хотя последний период начался в сентябре 1922 г.

Настоящая таблица дает представление о падении марки на второй стадии, т. е. тогда, когда налицо все типичные явления процесса (табл., стр. 136—137).

Денежное обращение увеличивается в 1920 г. в сравнении с 1919 г. менее чем в два раза, приблизительно в той же пропорции поднимается индекс оптовых цен. Но причиной падения является не только эмиссия. Емкость товарооборота должна была возрасти. Если это не оказывает уже оздоравливающего влияния на валюту, то это доказывает усиление отрицательного действия быстроты оборота денег. Зато курс марки в долларах падает гораздо более стремительно. Заработная плата квалифицированных рабочих государственных предприятий падает на одну треть, а в сравнении с довоенной она равна по первой категории 66% от довоенной, а в Руре—85,3% от довоенной. Реальное жалованье среднего чиновника падает почти в три раза. Следовательно разрыв между стоимостью рабочей силы и ее ценой достигает огромных размеров, а вместе с тем растет и разрыв внутренних золотых цен с мировыми. В 1920 г. золотые цены, равные в Германии в среднем

Годы	Количество бумажн. марок в обращении (в миллиардах)	Средний годовой курс доллара в Берлине	Индекс оптовых цен 1913 = 100		Недельная зарплата квалифицир. рабочих государств. предприятий (железные дороги)	То же углекопов в Руре	Месячный оклад среднего чиновника (декабрь)	Вклады в сберкассах (в млн. мар.)	Налоговые доходы государства по курсу доллара (в миллионах марок)	Государственные долги	
			Золотых (среднее за год)	В бум. марках (конец года)		В марках по реальной стоимости жизни				Номинал (в миллиардах)	В золотых марках
					1913 г.	1913 г.	1913 г.				
1919	40,9	19,76	96,9	803	34,56 / 31,86	40,50 / 33,36	342,36 / 332	В зол. марках 130 / 4 650	—	32,4	33,7
1919 (декабрь)	50	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1920	67,7	63,06	105,03	—	Декабрь 20,73	Декабрь 34,56	116,06	—	3 178,4	93	5,4
1920 (декабрь)	81,4	73,00	—	—	—	—	—	В долларах 415 / 6 240	—	—	—
1921	90,4	104,57	82,7	1 440	—	—	—	—	—	—	—
1921 (декабрь)	122,5	191,93	—	3 487	Декабрь 22,72	Декабрь 36,66	113,52	В зол. марках 104 / 1 600	2 927,4	82,1	5,5
1922	351 739	1 885,78	83	—	Декабрь 18,06	Декабрь 25,20	103,30	—	1 488,1	65,6	0,903 Сентябрь 0,0002
1922 (ноябрь)	769 499	7 183,10	—	115 400	—	—	—	—	—	—	—
1922 (декабрь)	1 295 228	7 589,27	108,5	147 500	—	—	—	—	—	—	—

Стоимость всего обращения по месяцам в индексе оптовых цен и по курсу доллара.

1919 г.	По индексу	По курсу доллара	1920 г.	По индексу	По курсу доллара
Январь	13 171	17 692	Январь	4 066	3 310
Февраль	13 037	16 216	Февраль	3 231	2 307
Март	13 585	15 045	Март	3 487	2 984
Апрель	13 453	12 834	Апрель	3 983	4 396
Май	13 453	13 044	Май	4 263	5 809
Июнь	13 872	12 796	Июнь	4 942	7 331
Июль	12 353	11 669	Июль	5 107	7 428
Август	9 689	9 117	Август	4 993	6 369
Сентябрь	8 579	7 375	Сентябрь	5 062	5 493
Октябрь	7 724	6 793	Октябрь	5 778	4 767
Ноябрь	6 694	4 978	Ноябрь	5 131	4 210
Декабрь	6 252	4 563	Декабрь	5 668	4 696
Средняя годовая	10 989	11 005		4 601	4 925

за год 105,8, во Франции равны 187, в Англии 233, в Соединенных штатах 239.

Нет ничего удивительного, что внешняя торговля в Германии превращается в таких условиях в распродажу за бесценок в форме дешевых экспортных товаров рабочей силы германского пролетариата. Но разрыв золотых цен еще выше процента падения реальной заработной платы рабочих в сравнении с довоенным положением. Это означает, что происходит распродажа за бесценок и основного капитала промышленности. Для доказательства этого положения достаточно просмотреть соотношение золотых цен в Германии в том же 1920 г. на импортные товары и товары внутреннего производства; на товары, производимые на импортном рынке, и на товары, целиком производимые внутри, как уголь и железо. Вот очень выразительная таблица для 1920 г.

Месяцы	Общий индекс	Импортные товары	Внутреннего производства товары	Жизненные припасы	Текстильные товары	Уголь и железо
Январь	81,4	177	62,3	65,7	241,2	65
Июнь	148,3	227,2	132,6	120,2	303,5	176,3
Декабрь	82,8	116,4	76,1	71,9	145,6	89,4

Мы видим из этой таблицы, во-первых, что золотые цены испытывали на протяжении года судорожные взлеты вверх и падение вниз, что указывает на дезорганизацию всей хозяйственной жизни. Никакая правильная калькуляция немыслима при такой малярийной кривой золотых цен. Но за всем этим сумбуром основная закономерность выступает с полной отчетливостью. Уголь и железо, являющиеся почти целиком (если не говорить о польской Силезии) продуктами внутреннего производства, показывают минимальные золотые цены; так же обстоит дело и с жизненными припасами, в огромном большинстве производимыми внутри, особенно в рассматриваемый период. Все импортные товары гораздо дороже внутренних, временами больше чем в два раза. Особенно высоки цены на текстильные изделия, которые почти целиком производятся на импортном сырье, составляющем основную часть цены готовой продукции. Здесь, впрочем, влияло вздорожание этого вида сырья вообще.

Здесь перед нами весь механизм валютного дэмпинга. Распродается за бесценок рабочая сила. Проедается основной капитал, производимый внутри страны. Но он и воспроизводится в «благоприятных» условиях низкой заработной платы, что в дальнейшем дает возможность германской промышленности быстро перевооружиться на базе более совершенной техники.

Крайне характерны и остальные цифры приведенной выше

таблицы. «Списывание» государственного долга, накопленного за время войны, происходит с катастрофической быстротой. С 1920 по 1922 г. включительно погашается в падающих марках одна треть, а весь долг уменьшается в десять раз, чтобы к сентябрю 1923 г. дойти до цифры в 200 тыс. золотых марок.

Очень интересные данные по вкладам в сберегательных кассах. Эти вклады еще составляют 4,6 млрд. в 1919 г. Это то «обеспечение», с которым обыватель вышел из войны; он ждал «улучшения дел» и повышения марки. В итоге эта цифра по своей реальной ценности уже в 1919 г. в пять раз ниже номинала, сумма 1920 г. по реальной ценности в 15 раз ниже номинала, а в 1921 г. вкладная операция уже отмирает. В общем и целом в Германии (а также и во Франции в период падения франка) бумажноденежное накопление обнаруживает очень большую живучесть. Это объясняется консервативностью мелкобуржуазных слоев, которые очень трудно усваивали на практике сущность законов падающей валюты и платили за науку полным разорением.

Реальная цифра государственных налоговых доходов из года в год сокращается. Повышение налоговых ставок не поспевает за падением валюты. Эффективность налогов, несмотря на их быстрый рост в номинале валюты, быстро падает с 3 178,4 млн. в 1920 г. до 1 488,1 млн. в 1922 г. Какое это влияние оказывает, со своей стороны, на валюту, видно хотя бы из такого примерного расчета. Если принять быстроту оборота денег, как средства платежа в этой их сфере циркуляции, равной 10, то золотой минимум обращения в этой области падает с 317 млн. до 148 млн., что уменьшает и весь теоретический золотой минимум вообще на эту сумму.

Исключительный интерес представляет для нас золотая стоимость всего обращения и динамика количественного изменения этого показателя. Мы приведем расчет золотого минимума обращения как по курсу марки в долларах, так и по индексу оптовых цен. Получается эта цифра, как читатель должен знать, из деления всего обращения на курс валюты, в первом случае на курс доллара, во втором случае—на коэфициент роста индекса. Мы приводим таблицу на основании средних годовых и беря всю массу денег, включая и кассовую наличность.

	Золотая стоимость обращения (в миллионах)			Золотая стоимость обращения (в миллионах)	
	В долларах	По индексу оптовых цен		В долларах	По индексу оптовых цен
1919 г.	11 035,7	10 989,1	1921 г. . . .	4 350,1	5 162,7
1920 »	4 925,4	4 601,5	1922 »	1 645,5	1 957,0

Что означает снижение минимума обращения с 1919 г. до 1920 г., т. е. в течение одного года, почти в два с половиной раза? Означает ли это, что емкость денежного товарооборота сократилась в такой пропорции?

Ничего подобного, потому что статистика производства говорит обратное [1].

Следовательно, причина заключается в сокращении накопления в его реальной золотой величине, в падении средних золотых цен со 105,8 до 82,7, как видно из нашей таблицы и, наконец, в огромном увеличении быстроты оборота денег. К сожалению, мы не знаем числового выражения этого последнего фактора. Об интенсивности его действия можно лишь догадываться по различным косвенным указаниям и искусственным сопоставлениям. Если вспомнить, что расширение товарооборота отчасти парализовало действие падения золотых цен, а сокращение бумажно-денежного накопления не могло играть решающего значения, потому что находящиеся в сберкассах и на текущих счетах суммы бумажных марок также участвовали в обращении, за вычетом кассовых резервов, то без очень большой ошибки можно допустить, что за рассматриваемый срок быстрота денег увеличилась не менее чем вдвое. Это—огромный рост, но мы можем констатировать такое быстрое возрастание темпа оборота денег на очень высокой ступени всего падения валюты и на ряде других падающих валют.

В 1921 г. золотой минимум обращения держится приблизительно на одном уровне. В этом году немецкую марку еще можно было спасти. Но огромные эмиссии 1922 г. наносят ей сокрушительный удар. Они не дают закрепиться валюте на достигнутой ступени падения. Они не дают возможности остановиться на данном уровне быстроты оборота денег. Это особенно отчетливо видно по месячным показателям 1922 г. перелома к краху валюты. Теперь валюта летит вниз целиком и полностью под действием двух факторов: темпа эмиссии и вызываемого эмиссией, как основной причиной, дальнейшего увеличения быстроты оборота денег, как производной причины, которая, однако, как мы указывали не раз выше, сама превращается из следствия в причину.

Количество бумажных марок в обращении в 1922 г., против 113,6 марок в декабре 1921 г., равнялось:

Количество бум. марок в обращении (в млрд.)	Курс доллара	1913 = 100 Индекс оптовых цен	Доходы от налогов по курсу (доллара) (в млн.)
Март — 130,7	284,19 марок	5 433	207,8
Июнь — 169,2	317,44 »	7 030	235,1
Сентябрь — 316,9	1 465,87 »	28 700	90,8
Декабрь — 1 280,1	7 589,27 »	147 500	73,4

[1] См. в «Statistisches Jahrbuch» для 1922 г. рост производства с 1919 по 1922 г. железа, стали, угля, особенно бурого, текстильных изделий и пр.

Индекс оптовых цен все время отстает в своем падении от падения марки в долларах и вообще в твердой валюте. Доллар повысился в декабре в 1 759 раз, индекс—в 1 475 раз.

Из этих помесячных данных мы видим, что решающий удар марка получила осенью 1922 г. Это резко снижает весь золотой минимум обращения особенно к концу года. Падение доллара перегоняет темп эмиссии. Стоимость всего обращения в долларах падает за декабрь до 721 млн. марок, т. е. сжимается более чем вдвое в сравнении со средней за 1922 г. и более чем в т р о е в сравнении с июнем того же 1922 г., когда эта стоимость была равна около 2,37 млрд. Здесь перед нами еще более яркая, чем выше, иллюстрация действия быстроты оборота денег. Если на протяжении полугода в стране, где товарооборот за полгода не мог существенно измениться в сторону сокращения, мы наблюдаем падение золотого минимума обращения в три раза (по товарному индексу несколько меньше), то перед нами со всей отчетливостью вырисовывается действие фактора быстроты оборота денег, который сжимает до минимума обращение и стремительно гонит все цены вверх за пределы темпа эмиссии.

Остальные показатели конца 1922 г. находятся в полном соответствии со всем процессом падения. Особенно характерно сокращение реальной стоимости налоговых поступлений государства по месяцам. Месячная цифра поступлений падает в три раза, несмотря на увеличение налоговых ставок. Чрезвычайно сильно уменьшается на протяжении всех трех месяцев заработная плата. У первой категории, т. е. квалифицированных государственных рабочих— 69,3% от довоенной с января 1922 г. до 48,5% в ноябре; у углекопов Рура 83,1% в январе до 54,6 в ноябре, у средних чиновников с 50% от довоенной в январе до 41,1 в ноябре.

Для перераспределения национального дохода за рассматриваемый период характерно не только резкое снижение заработной платы рабочих и жалования служащих, не только растрата основного капитала промышленности, разорение держателей государственных займов и ограбление вкладчиков, растрата капиталов банковской системы на разорительных ссудных операциях, с возвратом в бумажных деньгах не по курсу, но и перераспределение национального дохода в обратном направлении.

Немецкие землевладельцы имели к концу 1914 г. в закладе свое недвижимое имущество в ипотечных банках на сумму в 12,1 млрд. руб., что тогда означало столько же почти золотых марок. В 1922 г. в июне, т. е. перед началом катастрофы с валютой, сумма ипотечной задолженности равнялась 12,8 млрд. и около этого же к концу года. Благодаря стремительному падению марки и эта задолженность была «покрыта» так, что от нее почти ничего не осталось. Осталась сумма, равная этим миллиардам, деленным на курс марки, т. е. задолженность уменьшилась в 280 раз.

Мы не говорим здесь о реальном сокращении акционерного капитала и разорении массы держателей частных облигаций и всяких обязательств, а также о параличе всей системы кредита.

Чтобы не приостанавливать операций с бумажными марками, банки для уменьшения своих убытков по ссудным операциям вынуждались не только резко поднимать учетные ставки, но и свести сроки кредитования к самым минимальным. Рейхсбанк, конечно, «приходил на помощь», но все его бессмысленные операции для поддержания курса марки, которую само же правительство загоняло другой рукой в гроб безудержными эмиссиями, привели в 1923 г. к сокращению золотого резерва с 1 005 млн. марок в апреле к 511 млн. в августе, т. е. за 4 месяца к уменьшению золотого резерва почти вдвое.

В сущности говоря, судьба немецкой валюты была уже почти предрешена в конце 1922 г. Все основные процессы, связанные с падением валюты, развернулись уже к концу этого года. В следующем году, т. е. в 1923 г., продолжалось лишь то, что вполне определилось в конце 1922 г. Об этом годе агонии валюты и ее краха нам не придется уже много говорить. В этом году происходит нарастание нулей во всех показателях, которые говорят о номинале и приближение к нулю в тех показателях, которые говорят о реальных величинах.

Посмотрим, как изменялась золотая стоимость обращения по месяцам в 1923 г.

Месяцы	Все бумажно-денежное обращение (в миллиардах до октября)	Золотая стоимость обращения по курсу доллара	Курс доллара	Индекс оптовых цен 1913 = 1	Индекс золотых оптовых цен
Январь	1 996,6	141,3 мил.	17 372	2 785	65,0
Февраль	3 536,3	3 654,0	27 918	5 585	84,0
Март	5 542,9	1 109,4	21 190	4 888	96,8
Апрель	6 581,2	930,4	24 457	5 212	89,5
Май	8 609,7	522,1	47 670	8 170	71,9
Июнь	17 340,5	472,6	103 336	19 385	74,0
Июль	43 813,5	167,5	353 412	74 787	88,8
Август	668 702,6	272,6	4 620 455	944 041	85
Сентябрь	28 744 405,8	741,1	38 860 000	23 948 893	101,7
Октябрь	813 2,81 биллионов [1]	145,0	25 260 млн.	7 034,8 млн.	117,9
Ноябрь	400 338 326,4 б	400,3	2 193 600 »	725,7 млрд.	139,0
Декабрь	436 585 345,1 б	496,6	4 200 000 »	1 261,6 »	121,2
Средняя годовая	74 954 802,4				

Настоящая таблица в части, касающейся движения золотой стоимости обращения, кажется с первого взгляда довольно странной и цифры скачущими вверх и вниз по непонятным причинам. На

[1] У нас вместо биллионов принято называть следующую за миллиардом величину триллионом.

самом же деле все становится гораздо более понятным, если посмотреть на движение курса доллара. Огромное увеличение золотого минимума обращения в марте в сравнении с январем (почти в 6 раз) и увеличение вообще в сравнении со средней за 7 предыдущих месяцев, или общей в аналогичных условиях тенденции к падению минимума обращения, объясняется просто тем, что падение курса марки искусственными мерами Рейхсбанка было задержано и даже марка поднялась в марте в сравнении с февралем, а потом апрель и май падала сравнительно медленно. Наоборот, обращение к маю в номинале было вздуто более чем в 4 раза. Это и подняло минимум обращения, чтобы затем этот минимум снова покатился вниз, достигнув в октябре минимальнейшей за все время цифры в 145 млн. против максимальной месячной в декабре 1918 г. (16 788 млн.) и максимальной годовой в том же году, равной 15 829 млн.

Вот как сжималась временами стоимость обращения под влиянием главным образом быстроты оборота денег! Но эта минимальная цифра не показательна, как и временный скачок стоимости обращения вверх в марте 1923 г. При оценке положения надо исходить из средних годовых или полугодовых. Интересно, что индекс цен был подвержен менее резким колебаниям, чем движение курса доллара. Причины вполне понятны.

Налоговые доходы государства продолжают сжиматься. Годовой итог по курсу доллара налоговых доходов упал до 894,1 млн. марок, в октябре месячный доход падал до минимальной цифры в 14,5 млн. Однако переход в обращении к твердой рентной марке сразу же меняет дело, и ноябрь дает 63,2 млн. дохода, а декабрь 312,3 млн.

Как известно, официально признанная цифра падения марки была установлена в биллион (тысячу миллиардов) бумажных марок за 1 золотую. Это задержало дальнейшее падение курса и соответствующая расценка доллара удержалась и за весь декабрь. Однако стабилизованная на этом уровне марка составляла уже не единственную валюту страны, а разменный знак при рентной марке.

Переход к рентной марке сразу меняет в корне положение. Золотой минимум обращения сразу быстро возрастает. Причина ясна из предыдущего изложения, данного в теоретической части работы. Первая и основная причина заключается в том, что быстрота оборота денег резко уменьшается и для обслуживания того же товарного обращения (но только теперь в твердой валюте), оказывается, нужна валюта с гораздо более высоким золотым минимумом обращения. Если раньше мы пытались уловить приблизительно количественно и измерить увеличение быстроты оборота денег, то теперь мы можем проследить степень замедления быстроты оборота. Так как остальные факторы, влияющие на расширение золотого минимума обращения, еще не успели развернуть своего действия, особенно функция накопления, а функция средства платежа только начала расширяться, то для определения тимпа за-

медления мы прибегаем к такому расчету. Если емкость товарооборота считать неизменной, а влияние остальных факторов, оказывающих действие на валюту, приравнять условно к нулю, то уменьшение быстроты оборота окажется обратно пропорциональным росту золотого минимума обращения. В 1924 г. рентных марок и новых твердых марок Рейхсбанка в обращении имелось к концу года на 3,9 млрд., к концу 1925 г. 4,4 млрд., к концу 1926 г. 4,3 млрд. Так как марка после первого периода после реформы, когда она несколько колебалась вниз, удержалась на уровне паритета, тем самым и цифра обращения в твердых марках по номиналу есть реальный минимум обращения. Надо только не забывать, что это есть золотой минимум по послевоенным, т. е. по новым золотым ценам, по ценам повышенным в сравнении с довоенными на 45—50%. Не будет большой ошибкой, если мы скажем, что увеличение минимума обращения в 1924 г. (т. е. когда еще не успело развернуться накопление), в сравнении со средней за полугодие с мая по октябрь, т. е. до ноябрьской стабилизации и выпуска рентной марки,—что это увеличение за вычетом увеличения потребности в деньгах как средстве платежа и должно дать нам представление о замедлении оборота денег. Средний теоретический золотой минимум обращения был за указанное выше полугодие перед стабилизацией 383,5 млн. марок в золотом исчислении по курсу доллара. Средний минимум обращения в 1924 г., беря среднюю арифметическую от января и декабря, равнялся, примерно, 3,1 млрд., а переводя, для осуществления сравнения с периодом май—октябрь, на золотые цены этого последнего периода,—2,03 млрд. Это значит, что быстрота оборота денег уменьшилась, примерно, в 5,3 раза, если приравнять к нулю имевшее в июле место расширение функции денег как средства платежа. После укрепления стабилизации начинают действовать и другие факторы, способствующие увеличению минимума обращения: это увеличение сферы циркуляции денег, как средства платежа, и систематический рост накопления. Рост накопления виден из следующих цифр движения вкладов в сберегательных кассах: 1923—25 млн., 1924—608 млн., 1925—1 694 млн., 1926—3 166 млн., 1927—4 637 млн., 1928—6 988 млн. [1].

Таким образом происходит восстановление всех остальных функций денег, а вместе с тем и растет неуклонно минимум обращения, гарантируя Рейхсбанку беспроцентный и безвозвратный заем за счет обращения в несколько миллиардов марок.

Что касается движения золотых цен, то к концу года, особенно после стабилизации, они резко поднимаются, а затем еще выше поднимаются в 1924 г., чтобы затем установиться на уровне, сравнительно не очень много отличающемся от средних золотых цен САСШ и Англии до волны падения во время мирового кризиса 1930 г.

---

1 Довоенная цифра вкладов — 19 690 млн. марок. Annuaire Statistique Internationale, 1928, изд. Лиги наций, p. 204.

Как обстоит теперь дело с реальным уровнем заработной платы, об этом нам говорят следующие данные. Ноябрь 1923 г. еще не успел сказаться на увеличении заработной платы. Но уже декабрь показывает увеличение зарплаты по всем категориям рабочих. Если брать за 100 уровень довоенной заработной платы, то ноябрь 1929 г. и декабрь дают такие цифры.

Месяцы	Квалифицирован. госуд. рабочие	Неквалифицированные рабочие	Углекопы Рура	Печатники
Ноябрь	46,4	62,0	55,7	54,0
Декабрь	58	66,0	73,3	67,9

После упрочения стабилизации уровень реальной заработной платы продолжает повышаться. Это видно из следующих цифр [1] для квалифицированных рабочих и чернорабочих принимая довоенную зарплату за 100.

	Квалифицированных	Чернорабочих
1913	100	100
1922	72	94
1923	48	62
1924	90	98
1925	93	100

Выше мы приводили цифры, показывающие рост золотых цен за последние месяцы 1923 г. Интересно, что увеличение золотых цен распространилось особенно интенсивно на отрасли, более всего отставшие по своему уровню золотых цен, т. е. на уголь и железо. В январе 1923 г. золотые цены на уголь и железо равны 66,1, беря довоенные за 100. В декабре 1923 г. цены поднимаются до 156,7, т. е. оказываются выше общетоварного индекса Англии и Америки.

Подводя итоги, мы видим, что история падающей валюты в Германии *всем богатством своих фактов и их внутренней связью целиком и полностью подтверждает правильность всех основных положений теории падающей валюты.*

Наш очерк является неизбежно очень беглым. Мы предприняли весь этот анализ исключительно для целей иллюстрации теоретических положений книги. Но нам не представляло бы труда после всего сказанного развить эту главу в самостоятельное исследование об истории инфляции в Германии и объяснить с точки зрения защищаемой здесь теории не только все основные явления этого периода хозяйственной истории Германии,

[1] См. издание Лиги наций «Les fluctuations des salaires dans differents pays etc., p. 32—33.

но и все существенные частности, требующие объяснения. По крайней мере мы, в результате изучения этого периода, располагаем соответствующим материалом, использовать который здесь полностью не входит в нашу задачу.

в) Французская валюта во время войны и после войны

Перед войной во Франции существовало золотое обращение. В циркуляции находились, с одной стороны, золотые франки, а с другой стороны, обмененные на золото банкноты французского банка. Что касается золотого обращения и запасов золота во Франции перед войной, то на основании вычислений Де-Фовилля[1], наиболее компетентного исследователя этого вопроса, дело обстояло следующим образом: в 1903 г. среди населения во Франции находилось в обращении 3 219 млн. зол. фр., с 1904 по 1914 г. в обращение влилось еще 917 млн., кроме того было отчеканено за это время 2 330 млн. Итого в обращении и тезаврации находилось 6 466 млн. По другим подсчетам в обращении находилось несколько больше, а именно 6 510 млн. зол. фр. Всего же золота во Франции к концу 1912 г. было на сумму 10 662 млн. Мы не будем здесь говорить о том, какая часть этого золота находилась в активном обращении и какая часть была в тезаврации. Заметим лишь только, что во Французском банке в 1902 г. находилось 4 018 млн. зол. фр., а с 1903 по 1914 г. запасы Французского банка увеличились еще на 887 млн. Заметим, кстати, еще, что во время войны, следуя призыву правительства вносить золотые деньги в кассу Французского банка, французское население в 1915/16 г. внесло во Французский банк 2 260 млн. зол. фр., получив за это в обмен на эту же сумму бумажные франки.

Что касается банкнотного обращения, то на 23 июля 1914 г. в циркуляции находилось 5 919 млн. билетов Французского банка. Если мы будем исходить из цифры Фовилля относительно золотого обращения, т. е. цифры в 6 466 млн. зол. фр., то всего во Франции в обращении была вместе с кредитными билетами сумма в 12 385 млн. фр.

Прекращение свободного размена банкнотов на золото после объявления войны ликвидировало золотое обращение во Франции и превратило Францию в страну бумажной валюты. С этого момента история франка является историей бумажных денег в этой стране.

Анализ денежного обращения во Франции за время войны и после войны представляет чрезвычайно ценный и поучительный материал исследования для тех, кто обладает правильным методом, и наоборот чрезвычайно головоломную проблему для тех финансистов, которые не обладают правильным методом, кото-

---

[1] См. Foville, Revue économique internationale, avril 1906, а также слово «Richesses» в Dictionnaire de Finances.

рые придерживаются ложных теорий бумажных денег или обходятся без всяких теорий и плодят одно неверное объяснение фактов за другим.

В нашем анализе денежного обращения Франции мы будем исходить из нашей обычной теоретической предпосылки. В каждой стране, перешедшей на бумажную валюту, курс бумажных денег определяется взаимоотношением между количеством этих денег и необходимым для страны золотым минимумом обращения. Если объяснение движения курса бумажных денег не представляет никакой трудности, в том случае, если мы знаем необходимый теоретический минимум обращения в золоте, то определение минимума золотого обращения наоборот представляет из себя, как мы видели, задачу гораздо более трудную. Это мы видели уже на примере России и Германии; это мы увидим сейчас и на примере Франции.

Золотым минимумом обращения называется, как мы видели, такое количество золота, которое необходимо в данной стране, в данный период, для обслуживания всех функций денежного обращения в широком смысле этого слова: для обслуживания циркуляции денег в товарообороте, т. е. для обслуживания функции денег как средства обращения, для обслуживания функции денег как платежного средства, для обслуживания функции денег как средства накопления. Там, где наряду с золотым обращением имеются постоянно разменные на золото банкноты, там эти последние рассматриваются как полноценные золотые деньги.

Золотое обращение представляет из себя замечательный механизм саморегулирования денежного обращения. Если в обращении оказывается золотых денег или золотых банкнот больше, чем это требуется с точки зрения потребности денежного товарообмена и с точки зрения других функций денег, то золото отливает в резервы накопления. Если активное денежное обращение расширяется, то автоматически, благодаря методам, о которых я здесь не буду распространяться, золото выходит из сферы накопления, увеличивая активное денежное обращение.

Совсем иначе обстоит дело при наличии в стране бумажной валюты с принудительным курсом, и тем более в стране с падающей валютой. Для обслуживания обращения при бумажной валюте нужно такое количество бумажных денег, которое соответствует по своей покупательной способности тому количеству золота, которое было бы необходимо в этой стране для обращения, если бы страна имела не бумажную, а золотую валюту. Если в обращении находится бумажных денег больше, чем требуется золотым минимумом валютного равновесия, то это равновесие достигается путем понижения покупательной способности бумажных денег. Вследствие этого вся их масса по своей покупательной способности снижается до теоретического золотого минимума обращения. Но как мы уже говорили выше, самый этот минимум можно понимать лишь как приблизительное количественное выражение действия самого закона, лежащего в основе процесса. Этот

закон не может быть проверен на материальном золоте, потому что, когда валютой страны делается золото, тогда нет уже падающей валюты, т. е. нет той ситуации, которая подлежит изучению. Отсюда трудность всего исследования, которая в отношении французского франка особенно велика. Эти трудности связаны с тем, что во Франции весь процесс падения не зашел так далеко, как в России и Германии, и потому незавершенность процесса не позволяет отчетливо схватить его начало и развитие по его следующим ступеням к концу. Но конкретное исследование французского франка периода падения именно поэтому и необходимо нам с точки зрения методологической. Надо уметь применить метод не только к классическим случаям падения бумажных денег и краха валюты, но и к валютам, которые были нормализованы (как английский фунт), либо реформированы, как французский франк, на сравнительно скромном уровне падения.

При исследовании французской валюты за последние 10 лет мы будем держаться изложенного выше метода, при котором огромное значение получает выяснение следующих основных величин в точном или приблизительном выражении:

1. Количество франков в обращении.
2. Движение емкости денежного товарооборота.
3. Индекс внутренних цен в бумажных деньгах.
4. Внутренние золотые цены.
5. Движение накопления в бумажных франках.
6. Состояние торгового, а главное платежного баланса.
7. Движение золотой стоимости обращения, т. е. покупательной способности всей бумажной валюты в каждый данный момент, взятый в золотом исчислении.
8. Уровень зарплаты.
9. То, что требуется объяснить: движение курса франка в переводе на фунт и доллар.

При правильном исследовании и правильном теоретическом анализе всех вышеперечисленных величин, взятых в их движении, в их динамике, история французской валюты за последние 10 лет не будет представлять ничего загадочного, за исключением, быть может, некоторых частностей.

Курс бумажных денег, при известном золотом теоретическом минимуме обращения, является функцией их количества. Наоборот, сам минимум золотого обращения представляет из себя постоянно меняющуюся величину, которая зависит в своем движении от целого ряда причин общеэкономического характера и которая каждый раз в отдельности, в каждой данной стране, в каждый отдельный период должна быть подвергнута специальному, чрезвычайно тщательному исследованию. Трудность этого исследования по отношению к Франции в рассматриваемый нами период заключается в том, что, во-первых, Франция вела войну и таким образом вся ее экономика подверглась временному перерождению под влиянием факта войны. С другой стороны, Франция во время войны была связана с мировым хозяйством гораздо

тесней, чем Германия. Следовательно, при объяснении всех процессов в области денежного обращения Франции мы ни в коем случае не можем исходить из одних только внутренних отношений французской экономики и постоянно должны учитывать связь французского хозяйства с мировым.

Трудности исследования увеличиваются еще потому, что во время войны наблюдалось перерождение всей системы денежного обращения, прекращение функционирования механизма золотого обращения во всех странах, кроме Америки, изменились все ценностные отношения в области производства и обмена товаров, до крайности были затруднены торговые связи между различными странами. В результате произошло резкое повышение цен в золоте, т. е. падение покупательной способности последнего, что наиболее ясно может быть констатировано на Америке, которая никогда, даже во время войны, не ликвидировала золотого обращения внутри страны.

В настоящей работе мы не можем вопросу о денежном обращении Франции, как бы интересна ни была эта проблема с теоретической точки зрения, посвятить относительно больше места, чем другим проблемам, которыми мы занимаемся в настоящей работе. Как в других главах этой работы, наше изложение и здесь будет конспективным. Однако все выводы, которые мы делаем, можно бы подкрепить и гораздо большим количеством статистического материала, в сравнении с тем, который фигурирует в данной главе.

Начиная наш анализ, мы прежде всего поставим перед собой наш обычный и основной вопрос: после того как Франция перешла к бумажному обращению, каков был тот золотой минимум обращения, который должен был обслуживать всю товарно-денежную систему хозяйства страны как внутри ее, так и в ее экономических связях с заграницей. Иными словами, нам придется вычислить теоретически необходимый минимум обращения и затем сравнить, каково было отклонение от этого минимума в реальном денежном обращении Франции, и к каким последствиям для французской валюты это должно было неизбежно привести.

Как мы уже видели, размеры всего денежного обращения во Франции равнялись перед войной 12385 млн. зол. фр., банкноты были разменны на золото и полностью замещали золото.

С тех пор, как золото вышло из обращения, с тех пор как оно или притекло в подвалы Французского банка, или было тезаврировано населением, те 5912 млн. бумажных фр., которые фигурировали во французском обращении перед войной, ни в каком случае не могли обслуживать всего обращения Франции. При таких условиях эмиссия новых банковых билетов была совершенно необходима для поддержания равновесия в обращении. Эта эмиссия, производимая в размере необходимого минимума обращения, не могла бы пошатнуть курс франка в его отношении с другими валютами, в том числе с золотым долларом САСШ. Его покупательная сила внутри Франции изменилась бы не вследствие

этой инфляции, а вследствие понижения покупательной способности золота во всем мировом хозяйстве. Но правильно ли будет взять довоенные 12 с лишним млрд. золотого обращения, вычесть из них количество бумажных франков, имевшихся в обращении к июлю 1914 г., и сказать, что новая эмиссия должна была равняться уже в первый год войны той сумме, в какой фигурировало золото в французском обращении до войны, плюс поправка на падение покупательной способности золота? Такой подход был бы слишком грубым, он не учитывал бы всех изменений, которые произошли в конъюнктуре денежного товарооборота и других областях. Изменения же, которые произошли в конъюнктуре, таковы:

1. Когда началась война, и на весь тот период, когда она продолжалась, золотой минимум обращения во Франции, несомненно, должен был сократиться в сравнении с золотым минимумом довоенного периода, т. е. в сравнении с суммой в 12 с лишним млрд., он должен был сократиться в той пропорции, в какой сократилось все товарное обращение страны. Сокращение же денежно-товарного обращения было неизбежно, поскольку часть территории Франции или была захвачена, или была ареной войны. Значительная часть промышленности была милитаризирована и работала не для широкого рынка, а для единого заказчика,—государства; выработка всех вообще продуктов обычного потребления сократилась. Иными словами, под влиянием войны мы видели во Франции сокращение денежного товарооборота, а, следовательно, неизбежное сокращение золотого минимума обращения. Короче говоря, если бы покупательная способность золота не понизилась, то на основании одного только сокращения товарооборота в воюющей Франции мы ни в коем случае не могли бы иметь тот минимум обращения в 12 с лишним млрд., который существовал до начала войны. Следовательно, с этого конца мы должны были бы иметь сокращение.

2. Но, с другой стороны, с началом войны начинается резкое падение покупательной способности золота. О падении покупательной способности золота лучше всего дают представление золотые цены в Америке, как это мы можем видеть из индекса золотых цен этой страны на годы войны в сравнении с довоенным временем.

Это падение покупательной способности золота наблюдалось во всех решительно странах и Франция не представляет исключения. Поэтому для определения необходимого теоретически минимума обращения мы должны были бы произвести две совершенно противоположных операции: операцию уменьшения довоенных 12 млрд. благодаря сокращению товарооборота и операцию увеличения этой цифры, исходя из падения покупательной способности золота.

Никакая статистика не может дать нам точный ответ на вопрос о том, в какой степени сократилось товароденежное обращение во Франции во время войны вследствие всех описанных

выше процессов. Что же касается уменьшения покупательной способности золота, то эту величину мы можем проследить по золотому индексу САСШ и Англии и других стран. Новые бумажные франки заменили золото в обращении.

Для того, чтобы дальнейший анализ валютных изменений за все годы мы могли производить на основании всех важнейших факторов, определяющих судьбу бумажной валюты, мы приведем таблицу[1] роста бумажноденежного обращения во Франции по сравнению с довоенным временем за все годы, курс доллара в Париже за все это время, оптовый индекс внутренних цен, золотой индекс цен в Америке и во Франции и движение золотой стоимости обращения.

Что касается стоимости обращения Франции, выраженного в золотых франках, то мы еще раз напомним: чтобы определить цифру золотой стоимости этого обращения, имеющую колоссально важное значение при анализе падающей валюты, необходимо произвести следующую операцию. Среднее количество бумажноденежного обращения за данный год делится на средний курс данной валюты, исчисляемый по ее отношению к той твердой валюте, которая не потеряла своей связи с золотом. Для вычисления месячных колебаний необходимо делить всю сумму находящихся в обращении бумажных денег на средний месячный курс этой валюты. В нашей таблице мы даем годовую среднюю золотой стоимости обращения, исчисляемую по годовому курсу данной валюты, а ниже курс франка по месяцам в 1926 г.

Из приведенной таблицы читатель может видеть, в сущности говоря, всю судьбу французской валюты, начиная с 1914 г. Здесь даны все основные величины, нужные нам для вычисления, за исключением емкости товарооборота, каковую статистически характеризовать невозможно. Что же касается другой очень важной величины, т. е. размера накопления в бумажных франках внутри Франции, то хотя приводимые данные весьма выразительны и полностью подтверждают все наши выводы об этой функции денег и динамике и сжатие и расширение, однако учесть все накопление в сберегательных кассах и в депозитных банках, не значит учесть то количество франков, которое тезаврировалось населением и не участвовало в активном денежном обращении. Между тем именно такое накопление изъемлет из активного обращения известную часть бумажных денег и непосредственно влияет на теоретический золотой минимум обращения, а следовательно, непосредственно и на курс валюты. Относительно же накопления в кредитных учреждениях соответствующие данные нами были уже приведены в предыдущей главе о накоплении.

Переходим теперь к анализу приведенной нами таблицы. Со-

[1] Все данные о Франции за исключением случаев, где это оговорено, нами взяты из Statistique générale de la France, из Annuaires за разные годы, вплоть до ежегодника за 1928 г., а отчасти и из бюллетеней той же статистики. Данные о САСШ в 5-м столбце из того же источника, но по индексу с базой от 1913—1914 гг. по Bureau of labor Statistics.

Годы	Количество бумажных франков в обращении (среднее за год)	Средний годовой курс франка в % к паритету	Индекс оптовых цен. За 100 принята средняя годовая 1901—1910 гг.	Индекс золотых цен во Франции	Индекс золотых цен в САСШ		Золотая стоимость обращения по курсу доллара	Сальдо вкладов во все кассы (верхняя цифра в бум. фр., нижняя по курсу доллара)	Показатели разменов промышленного производства (довоенные = 100)
					Средняя годов. 1901—1910 = 100				
1914 . . .	23 июля 5 912 млн.	100	—	—	—	—	—	—	100
	Четвертый триместр 9 661,2	33,6	118	105	101	110	9,7 млрд. (4-й триместр)	5 819 млрд. (1913)	—
1915	12 314	107,6	162	131,6	104	113	11,4	—	—
1916	15 591	112,8	218	164,6	131	142	13,9	—	—
1917	19 932	110,7	302	235,8	182	198	18	—	—
1918	27 629	108,3	392	311,9	200	217	25,5	—	—
1919	34 744	141	412	252	212	231	24,6	—	57
1920	38 186	278	589	187	233	253	13,7	8 148 2 859	62
1921	37 679	260	399	133	152	165	14,5	9 584 3 688	55
1922	36 351	235	378	136	154	167	15,5	10 848 4 568	78
1923	37 355	320	484	124	159	173	11,6	11 558 3 620	80
1924	39 938	372,6	565	121	155	168	10,7	11 996 3 216	109
1925	44 071	410	636	122	164	177	—	13 768 3 356	108
1926	52 449	608	812	119	156	169	—	15 969 2 635	126
1927	56 301	491,9	713	128	148	—	—	21 280 4 354	110
1928	62 181	491,9	—	129	152	—	—	27 000 5 500	127

поставляя увеличение бумажноденежного обращения с курсом франка до 1919 г., мы видим, что курс французской валюты за это время почти не подвергался серьезным колебаниям, если брать годовые средние, тогда как размеры денежного обращения в сравнении с количеством бумажных франков, бывших в обращении к началу войны, увеличились в 5 раз. Сопоставление этих двух цифр является блестящим опровержением количественной теории бумажноденежного обращения, игнорирующей анализ другой переменной величины, т. е. золотого минимума обращения. Курс франка почти не пал при увеличении обращения в 5 раз. Если же мы примем во внимание только падение покупательной способности франка внутри страны, то, помножая данные 12 млрд. на коэфициент падения к началу 1919 г., т. е. помножая довоенные 12 385 млн. на коэфициент 3,92, мы получим для 1918 г. цифру около 50 млрд. фр. Такова была бы цифра минимума обращения, если бы внутри Франции не произошло резкого сокращения товарооборота. За время войны этот товарооборот должен был сократиться и при прочих равных условиях во столько раз, во сколько раз 50 млрд. больше, 30½ млрд., т. е. средней цифры денежного обращения во Франции в 1918 г. Следовательно, если грубое применение количественной теории для объяснения ситуации во Франции было бы вульгарнейшей ошибкой, то точно так же было бы грубой ошибкой исходить в анализе только из движения цен внутри Франции, не принимая во внимание того сокращения золотого минимума обращения, которое произошло во время войны вследствие сокращения товарооборота. Если же в 1918 г. во Франции могло существовать бумажноденежное обращение в размере 30½ млрд. фр., не колебля курса франка в его отношении к доллару, то это при нормальных отношениях в области платежного баланса (а платежный баланс, как мы уже видели, за это время не был пассивным благодаря займам и расходам иностранных армий во Франции) говорило лишь о том, что цифра в 30½ млрд. приближалась к теоретическому минимуму необходимого золотого обращения с учетом, разумеется, происшедшего обесценения золота, как мы видели. Золотая стоимость бумажноденежного обращения была равна в 1918 г. 25,5 млрд. и за 4-й триместр—27,8 млрд.

Сокращение товарооборота Франции было реальным фактом, и только этот факт может объяснить, почему в 1918 г. реальный минимум обращения во Франции при резком падении покупательной способности золота приблизился не к 50 млрд., а колебался около 30 млрд. Французская валюта к этому времени уже находилась на грани начала падения, Франция дошла до естественного предела расширения бумажноденежного обращения, за которым дальнейшее расширение означало бы инфляцию, особенно с момента замедления и затем прекращения падения покупательной способности золота в мировом хозяйстве, т. е. прежде всего в Америке.

Таким образом анализируя денежное обращение во Фран-

ции до конца 1918 г., мы можем констатировать здесь следующий факт: увеличение эмиссии бумажных франков и сокращение товароденежного обращения уравновешивается резким падением покупательной способности золота в мировом масштабе, вследствие чего обращение держится более или менее близко к теоретическому уровню золотого обращения. Только этим и можно объяснить устойчивость французской валюты за этот период, если отвлечься от состояния платежного баланса, что мы можем, как мы уже говорили, сделать, потому что в платежном балансе мы не видим резкого дефицита.

Но, начиная с 1919 г., мы видим во Франции уже совсем другую картину. В то время как товарооборот по окончании войны, несомненно, начал расширяться благодаря постепенному восстановлению мировой торговли и улучшению конъюнктуры внутри страны, распродаже военных запасов и т. д., курс франка, если сравнить средний январский 1919 г. и средний декабрьский за тот же год, повысился со 105 в сравнении с паритетом до 218, т. е. увеличился, принимая паритет за 100, на 113%. Такое падение франка почти вдвое ни в какой мере не может быть объяснено только увеличением инфляции. Из приведенной таблицы о размерах денежного обращения мы видим, что инфляция могла бы объяснить падение курса франка максимум на 12—15%. Падение курса франка на целые 113% остается загадочным. Если принять, что инфляция более или менее уравновешивалась ростом товарооборота, то падение курса франка нужно объяснить чем-то другим.

Первое и самое главное объяснение заключается в том, что в 1919 г. во Франции началось резкое падение золотых цен, а именно с 311,3 до 252. Это должно было значительно уменьшить необходимый золотой минимум обращения. Расширение товарооборота не могло пересилить в обратную сторону этот фактор. Значит, для сохранения устойчивости валюты нужна была в соответствующих размерах дефляция. Фактически же размеры денежной массы сильно возросли.

Второе объяснение мы находим в том факте, что в 1919 г. Франция имеет резко пассивный платежный баланс; дефицит по платежному балансу был равен 4 457 млн. фр. Основной удар по французской валюте и был сделан именно с этой стороны, плюс, разумеется, и новые эмиссии бумажных франков. При таких условиях рост цен во Франции, продолжавшийся в 1919 г. и до 1919 г. и достигший своего апогея в 1920 г., уже оторвался от уровня падения покупательной способности золота за время войны и начинает объясняться уже не общими экономическими причинами всего мирового хозяйства, не движением покупательной способности золота в других странах, а инфляцией внутри страны. Отсюда и резкое падение курса франка в долларе.

При анализе этого чрезвычайно интересного периода в истории французского франка мы ни в коем случае не должны делать ошибку, которую допускают те исследователи бумажной валюты

во Франции, которые смешивают причину со следствием и падение валюты объясняют повышением цен, вместо того чтобы повышение цен выше линии падения покупательной способности золота объяснять падением валюты, в свою очередь связанным с несоответствием между фактическими размерами бумажноденежной массы в циркуляции и изменившимся золотым минимумом обращения.

Бумажноденежное обращение во Франции, достигшее в 1918 г. 30 млрд. бумажных франков, при курсе франка, почти равном паритету, уже начало отходить от теоретического золотого минимума обращения. В 1919 г. в начале года при обращении в 34,7 не было еще очень большого расхождения с минимумом обращения, но положение уже было очень напряженным. Как и в Германии, валюту можно было бы спасти после войны дефляцией, которая дала бы возможность приспособить обращение к послевоенному падению золотых цен. Я склоняюсь, как уже говорил, к тому, что первый удар был нанесен валюте со стороны падения золотых цен, сопровождавшегося не дефляцией, а инфляцией, а второй удар—со стороны платежного баланса.

Обращаясь к платежному балансу за 1919 г., мы как раз видим, что он свелся для этого года с дефицитом в 4 457 млн. фр. Весьма возможно, что как раз через это отверстие, т. е. через ту дверь, которая соединяет потоком внешнего товарооборота экономику Франции с мировой экономикой, и был сделан первый удар по французскому франку.

Но, раз начавшись, весь этот процесс имеет свою внутреннюю логику. Падение франка должно было привести к более быстрому обращению денег внутри Франции и, следовательно, сделать известную часть циркулирующих бумажных денег излишней и по этой причине падение франка привело к тому, что держатели этой валюты за границей стали переводить ее в другие твердые валюты.

Мы не должны забывать, что франк после перемирия имел свое распространение в зоне Германии, оккупированной французами, т. е. он увеличил территорию своей циркуляции на восток. Кроме того пока франк считался твердой валютой, в эту относительно твердую валюту переводились средства населения и коммерческих кругов в тех странах, которые были экономически и политически связаны с Францией, но имели валюту падающую, как, напр., Польша, Балканские страны и т. д. Теперь, с падением франка, начались выталкивание его из-за границы на территорию Франции, замена его другими твердыми валютами, что точно так же привело к увеличению количества франков внутри страны и к увеличению излишней для обращения части валюты.

Вообще вопрос о том, с какого момента падение валюты, вызванное достаточно глубокими причинами, лежащими за пределами денежного обращения, как такового, начинает само обусловливать дальнейшее падение, когда начинает действовать специфи-

ческий закон падающей валюты,—этот вопрос имеет огромное значение как для теории вопроса, так и для каждого конкретного исследования в области падающей валюты. И для исследования франка в 1919 и 1920 гг. этот вопрос имеет очень важное значение. Я думаю, что увеличение быстроты оборота уже началось, как и сокращение накопления, но эти факторы были в дальнейшем временно задержаны в своем действии. Но об этом ниже. Несомненно, что мы имели в этот период во Франции падение валюты, вызываемое отчасти и самым фактом начавшегося падения валюты, явление известной паники, хотя, с другой стороны, как раз во Франции мы наблюдали чрезвычайно упорную веру страны в свою валюту, веру гораздо более твердую, чем в других странах при аналогичном темпе падения. После сказанного нас не удивит тот факт, что в нашей таблице, характеризующей изменение золотой стоимости обращения во Франции, мы видим резкий скачок вниз в 1920 г. стоимости обращения с 24,6 млрд. в 1919 г. на 13,7 млрд. в 1920 г. и падение курса франка вне всякого соответствия с размерами инфляции.

В 1921 г., наоборот, мы видим уже улучшение как в курсе франка, так и некоторое увеличение золотой стоимости обращения, поднявшейся с 13,7 млрд. до 14,5. Это улучшение продолжалось в 1922 г. Нужно предположить, что падение курса франка в 1920 г. настолько обесценило всю валюту, что она спустилась по покупательной силе всей ее массы ниже необходимого теоретического золотого минимума. Улучшение же было связано с исключительным урожаем во Франции в 1921 г., с уменьшением затрат валюты на импорт продуктов питания и со все растущим товарным обращением внутри страны. Но уже с лета 1922 г. намечается снова падение валюты, которое с известными колебаниями в первой половине 1923 г. и первой половине 1924 г. продолжалось до осени 1926 г.

Начавшееся с 1923 г. падение золотой стоимости всего обращения почти на $^1/_3$—при продолжающемся развертывании товарооборота, при растущем улучшении торгового баланса Франции и при достижении благоприятного платежного баланса в 1914 г.—мы можем объяснить только продолжающимся сокращением циркуляции франка за пределами страны, вытеснением франка твердой маркой в оккупированной зоне, сокращением накопления французского населения в бумажных франках, переходящего к покупке недвижимости и другим видам страховки от падения валюты, и, наконец, более быстрым оборотом бумажных денег.

Что касается выпуска новых количеств бумажных франков, то этот фактор, взятый сам по себе, не может объяснить падения золотой стоимости обращения с 15,5 млрд. в 1922 г. до 11,6 млрд. в 1923 г. и полностью—падения курса франка. Количество бумажных франков в обращении за это время возросло всего только на 1 млрд., т. е. меньше чем на 3%, в то время как средний курс франка изменился с 235 до 320, т. е. на 85%. Более зна-

чительно этот фактор влиял, несомненно, только с конца 1925 г., когда денежное обращение по сравнению с средним за 1924 г. повысилось сразу на 5 млрд., или на 12 с лишним процентов.

Такова история французского франка за период войны и в послевоенный период вплоть до кризиса валюты в 1926 г. Сделанный нами анализ не объясняет многих частностей во всей сложившейся ситуации за последние 10 лет, он не объясняет конъюнктурных колебаний за некоторые отдельные месяцы отдельных лет, но он, несомненно, вполне объясняет общую линию эволюции французской валюты. Из этого анализа читатель может видеть, как поверхностны и как неверны те объяснения эволюции французской валюты, которые исходят из анализа какого-нибудь одного фактора, оказывающего влияние на курс бумажных денег. В нашем анализе лишь один принцип остается совершенно незыблемым, т. е. нахождение теоретического минимума золотого обращения в каждый период. Наоборот, отыскание этого минимума должно сопровождаться анализом целого ряда влияний—и покупательной способности золота, и размеров товарного обращения, и золотой стоимости обращения, и внутреннего накопления, и накопления данной валюты в других странах, и состояния платежного баланса. Падение франка и золотой стоимости обращения в 1924 г. мы можем объяснить только продолжающимся сокращением циркуляции франка за пределами страны, вытеснением франка твердой маркой в оккупированной зоне, сокращением накопления французского населения в бумажных франках, переходящего к покупке недвижимости и другим видам страховки от падения валюты, и, наконец, более быстрым оборотом бумажных денег.

Я считаю теперь необходимым повторить по отдельным годам сделанный только что анализ денежного обращения Франции за 12 лет в более систематическом виде, обращая все время усиленное внимание на движение золотых цен и влияние этого движения на теоретический золотой минимум обращения. Я постараюсь сейчас доказать свои утверждения также и арифметическими расчетами.

Применим наш метод анализа валютных изменений к ряду лет, начиная с 1915 г., и посмотрим, оправдается ли он на базе конкретно исторических данных или нет.

Когда мы начинаем анализ 1915 г., то исследователь находится под большим соблазном (и примеры этому во Франции бывали) разделаться со всей проблемой наипростейшим образом, выдвинув следующее объяснение состояния валюты в этом году.

До войны во Франции в обращении (считая все функции денег, в том числе накопление) находилось банкнот и золота на 12,3 млрд. золотых франков. Так как с начала войны золото вышло из обращения, и банкноты получили принудительный курс, превратившись в бумажные деньги, то предстояло заменить золото эмиссией новых бумажных франков. Эта эмиссия и была сделана, она довела обращение бумажных франков до 12 314 млн.

фр., т. е. до довоенного уровня, и поэтому валюта Франции в 1925 г. держалась близко к паритету.

Однако мы не можем удовлетвориться этим простеньким объяснением, которое имеет лишь внешнюю убедительность. Это объяснение, во-первых, неверно уже и для 1915 г. А если бы оно было верно для 1915 г., то никуда бы не годилось для следующих.

Во-первых, объяснение исходит из предположения, что важнейший фактор валютного равновесия, т. е. денежный товарооборот страны, остался на протяжении 1915 г. на уровне довоенного. Это предположение было бы абсурдно, так как при милитаризации хозяйства, централизации заказов и после перехода на натуральное снабжение государства миллионов людей денежный товарооборот должен был резко сократиться и фактически сократился. Во-вторых, рассматриваемое объяснение неверно и потому, что исходит из неизменности покупательной способности золота, или индекса золотых цен[1], который также изменился в Англии на 20,5%, во Франции на 31,6, в Америке на 1%, а в среднем по этим трем странам, примерно, на 18%. Затем произошли изменения в накоплении, поскольку французские граждане обменяли в 1915/16 г. внесенное во французский банк золото на 2,2 млрд. бумажных франков. Если 1915 г. с денежным обращением в 12,3 млрд., равном довоенному, обнаруживает валютное равновесие, то только потому, что сокращение денежного товарооборота в этом году уравновесилось на другом полюсе ростом золотого индекса цен, вследствие чего для оборота той же массы товаров потребовалось больше денежных средств, чем до войны, и, во-вторых, ростом накопления в бумажных франках, так как полученные за внесенное золото франки вошли если не полностью, то частью в фонд накопления. С другой стороны, размеры депозитов в сберегательных кассах, равнявшиеся в 1910 г. 3333 млн., в конце 1911 г. 5618 млн., сократились в 1915 г. до 3815 млн., т. е. деньги перешли из состояния циркуляции (минус средняя кассовая наличность) в состояние накопления в домашних сундуках населения. А это способствовало рассасыванию части новой эмиссии бумажных франков без влияния на курс валюты.

Уже из сказанного читатель видит, какой метод мы намерены употреблять для анализа денежного обращения Франции по отдельным годам. Мы берем за отправный пункт исследования довоенную ситуацию и затем прослеживаем, какие насту-

---

[1] Мы все время говорим о золотом индексе цен, так как золотой индекс объясняет, тогда как индекс в бумажных валютах сам нуждается в объяснении, что, разумеется, не исключает необходимости при углублении анализа объяснить и рост золотых цен, который произошел со стороны не только сокращения стоимости производства золота, а благодаря 1) падению производительных сил во время войны и удорожанию себестоимости производства; 2) конъюнктурному увеличению напряженности спроса вследствие недопроизводства продуктов потребления и отлива капиталов в военную промышленность из отраслей массового производства предметов широкого потребления.

пили по сравнению с этой ситуацией изменения в золотом минимуме обращения, в каком направлении и с какой интенсивностью действовали новые факторы.

В сущности 1915 г. нами уже освещен. Надо дать лишь всему сказанному более точное цифровое выражение.

Индекс золотых цен. Мы берем индекс по трем странам, находившимся в более тесных торговых сношениях во время всего периода войны и наиболее характерным в качестве государств, не выключенным, как Германия, из системы мирового хозяйства. Впрочем индекс золотых цен по всем странам, входившим в состав мировой экономики периода войны, т. е. за вычетом нейтральных государств, не изменил бы существенно картины. Как мы уже сказали, индекс золотых цен по трем странам в среднем увеличился на 18%. При втором варианте исследования мы берем только золотые цены Франции.

Емкость денежного товарооборота. Никакая статистика не может дать точных цифр изменения денежного товарооборота. Косвенно мы получаем нужную нам цифру, крайне приблизительную, из следующей пропорции. При той же быстроте оборота денег и при том же размере денежного накопления сумма довоенного денежного обращения, помноженная на индекс цен рассматриваемого года, так будет относиться к сумме всего бумажного обращения данного года, как 100 относится к искомой величине. Если увеличение накопления принять только в цифре одного млрд., т. е. для пропорции взять сравнимую цифру обращения в 11,3 млрд. (12,3 млрд. реального обращения минус 1 млрд.), то из пропорции размеры товарооборота будут равны 64,2% от довоенного.

В целом же мы получим уменьшение 12,3 довоенного золотого обращения до 7,8 млрд., увеличение последней суммы от роста золотого индекса цен на 1,42 млрд, и увеличение минимума обращения на сумму довоенного накопления в 1 млрд., итого теоретический золотой минимум обращения при предположении добавочного накопления на руках населения в 1 млрд. мы получаем в сумме 10,3 млрд., вместо реального, равного 11,4 млрд. Разница, очевидно, связана с тем, что накопление на руках, принимая во внимание указанный выше факт выборки вкладов, было, вероятно, больше. Тем не менее приближение теоретически выведенного результата к фактическому является прямо поразительным.

Подойдем к исследованию с другого конца. Если сокращение товарооборота грубо принять равным сокращению промышленного (57% в 1919 г.) и сельскохозяйственного производства (80%) за время войны), т. е. исходить грубо из цифры сокращения товарооборота в 70%, если далее брать в основу рост золотых цен Франции, если принять накопление равным довоенному, то это даст для золотого минимума обращения цифру 8,68 млрд.+ +2,68 млрд., т. е. 11,36 млрд. Эта цифра почти совпадает с реальной золотой стоимостью обращения.

Проверим метод на следующем 1916 г. Индекс золотых цен по трем странам 149,4. Добавочное накопление примем равным сумме в 2,2 млрд., т. е. сумме, каковую получили французские граждане за обмененное золото.

Депозиты в сберегательных кассах и текущие счета в крупнейших банках начинают в этом году возвращаться к исходному для нас довоенному положению. Если емкость товарооборота принять на основании пропорции, о принципах построения которой мы уже говорили, в 60%, то при той же быстроте оборота денег будем иметь теоретический золотой минимум обращения в 13,8 млрд. фр. в золотом исчислении, т. е. мы видим опять поразительнейшее приближение к действительности.

Пропуская 1917 г., как нехарактерный, анализ которого дает совершенно тот же результат в смысле проверки метода, остановимся немного на 1918 г. Этот год замечателен максимальным напряжением денежного обращения без колебания курса франка. Для сторонников количественной теории, для финансистов, у которых от всех зол валюты одно объяснение—инфляция,—1918 г. является полнейшим сфинксом. В обращении 27,6 млрд. фр., в четвертом квартале даже 30 млрд., а франк стоит твердо, отклоняясь за год от паритета лишь на 8,3% против 10,7% в 1917 г. и 12,8% в 1916 г. Поистине чудо. Но если посмотреть на индекс золотых цен, то мы увидим здесь по рассматриваемым трем странам скачок с 149% (беря за 100 1913 г.) на 243,1%. Что же удивительного, если для обслуживания денежного товарооборота той же емкости во Франции нужно уже бумажных денег во столько раз больше, во сколько раз стали больше золотые цены. Если золотая стоимость всей бумажной валюты Франции вскакивает с 1916 до 1918 г. с 13,8 на 25,5 млрд., т. е. почти на 85%, то ведь золотой индекс возрастает еще больше, а именно на 94,1. Не этим ли прежде всего, если не на все 100% объясняется стабильность франка и даже его улучшение, поскольку в то же самое время в области платежного баланса, благодаря предыдущим займам, дело обстояло благополучно?

Второй вариант: если исходить из тех же 70% емкости довоенного товарооборота и поднять 70% от довоенного обращения пропорционально росту золотых цен, то это дает в итоге золотой минимум обращения в 27 млрд., т. е. выше несколько реального. Таким образом и этот метод близко приводит к действительности и даже объясняет временное повышение франка.

Что касается 1919 г., то он интересен для нас, как год начавшегося перелома во французской валюте. Принимая накопление равным довоенному и не принимая пока во внимание что 2,2 млрд. бумажных франков, полученных за золото, мы получаем по нашей формуле денежный товарооборот года в размере 80% от довоенного. Рост индекса, т. е. падение покупательной способности золота по трем странам равняется 227%. На основании этих данных теоретический золотой минимум обращения должен быть равен 22,2 млрд. или при 34,7 млрд. бумажных

франков в обращении курс франка за год на основании нашего подсчета должен был пасть приблизительно на 56%. В действительности золотая стоимость обращения была 24,6 млрд., а курс франка пал на 41% в сравнении с паритетом на доллар. И здесь большое приближение теоретического анализа к фактическому положению вещей и полное совпадение с ним, если прибавить, как и раньше, накопление в 2,2 млрд., а также прибавить увеличение циркуляции франка в оккупированных областях.

Спрашивается теперь, в чем же причина падения франка в 1919 г.? Наш анализ дает ясный ответ. 1919 г. является переломным с точки зрения начавшегося замедления и потом повышения покупательной способности золота после непрерывного резкого понижения с момента войны. Это понижение покупательной способности золота или, другими словами, повышение золотого индекса цен, связанное с экономикой военного периода, было тем огромным резервуаром, который поглощал все новые и новые эмиссии бумажных франков, выпускавшихся Французским банком без ущерба для курса франка. Но вот этот процесс приостанавливается, пассивный платежный баланс гонит франки из-за границы во Францию, а иностранную валюту—из пределов Франции, а, кроме того, добавочные эмиссии повышают размер всего обращения с 27,6 млрд. в 1918 г. до 34,7, т. е. более чем на 25%. В результате, несмотря на расширение товарооборота, связанного с окончанием войны и с начавшимся восстановлением нормального товарооборота, вышеприведенные факторы увеличения емкости товарооборота оказываются слабей факторов обратного действия, и валюта летит вниз, причем в конце 1919 г. в декабре падение уже достигает 118%. При такой ситуации, сложившейся независимо от состояния платежного баланса, дефицит по этому балансу играет роль сильнейшего толчка к падению франка. Расчет по другому варианту, исходя из увеличения на 5% товарооборота (среднее годовое увеличение производства после войны) и исходя из золотых цен Франции в 252 (считая довоенные цены за 100) дает золотой минимум обращения в 23,3 млрд. вместо 24,6 млрд. реальных, а курс франка около 148, вместо реальных 141. И здесь очень большое приближение теоретического расчета к действительности.

Начинающийся при таких обстоятельствах год не может походить на предыдущие, так как падение валюты само есть величайшей важности фактор, влияющий на темп дальнейшего падения. Начинается валютная паника, которая приобретает с точки зрения денежного обращения ощутимую форму сокращения денежного накопления на руках населения и резкого увеличения быстроты оборота денег. Увеличение быстроты оборота денег действует прямо противоположно росту золотого индекса цен. Рост золотого индекса вызывает при прочих равных условиях необходимость добавочного количества бумажных (а при золотом обращении—золотых) денег в обращении. Наоборот, при более быстром обороте денег одна и та же монета может, допустим, в месяц

обернуться в два раза больше, а следовательно, для того же самого товарооборота и денег потребуется при таких условиях в два раза меньше. К концу 1919 г. и в 1920 г. такой процесс и начался во Франции. С этого времени быстроту оборота денег мы также не можем выключать из числа факторов меняющейся интенсивности, как не могли выключить перед этим движение золотого индекса цен. Это теперь уже важный новый фактор. Возникает вопрос, нельзя ли учесть этот фактор и какова его возможная роль наряду с другими факторами, влияющими на необходимый золотой минимум обращения?

Попробуем сфотографировать действие этого фактора, применяя по-старому пропорцию для получения емкости товарооборота, как если бы в быстроте оборота денег не произошло никакого изменения. Мы получаем тогда из пропорции размер оборота для 1920 г. около 60,7%, т. е. гораздо меньше предыдущего года (равного 80% довоенного) и равный худшему в этом отношении 1916 г. Здесь совершенно очевидно фотографируется действие фактора ускоренного оборота денег. Та же сумма денег обслуживает больший оборот, благодаря более быстрому вращению, что в пропорции принимает форму сокращения товарооборота, который, наоборот, расширялся или был неизменным.

Таким путем нам удается вскрыть действие этого нового фактора, который проявляется, вообще говоря, только там, где по другим причинам еще раньше падение валюты уже началось и идет быстрым темпом.

Но, как известно, с 1921 г. начинается во всей и торговой и валютной конъюнктуре перелом, вызванный расширением товарооборота, небывалым урожаем, усилившимся подъемом всего хозяйства, и в итоге эти факторы, вместе с некоторой дефляцией (38 186 млн. фр. в 1920 г. до 37 721 млн. фр. в 1921 г.), приостанавливают падение франка, и в результате приостановки уменьшается и быстрота оборота валюты. В этом году увеличивается и номинал и золотая стоимость бумажноденежного накопления, как видно из нашей таблицы. Анализ 1921 г. по нашему методу дает почти тот же размер товарооборота и золотой минимум обращения в 14,2 млрд. вместо реального в 14,5 млрд. Так как размер товарооборота был больше, то, принимая его равным 90% довоенного (что не является чрезмерным, имея в виду присоединение Эльзас-Лотарингии) и 10% выше двух предыдущих лет, мы получим теоретический минимум обращения в 16 млрд., т. е. на 1½ млрд. выше реального. Тот факт, что реальный золотой минимум обращения был ниже, говорит, повидимому, о том, что в 1921 г. быстрота оборота денег уменьшилась в сравнении с 1920 г., но увеличилась в сравнении с довоенным временем и годами войны.

Новый перелом к худшему наступает уже со второй половины 1922 г. и с небольшими перерывами продолжается до конца 1926 г. В этот период французский франк можно бы спасти от падения полным прекращением новых эмиссий, плюс небольшая де-

фляция в том размере, в каком естественное расширение денежного товарооборота страны не покрывало падения золотого индекса цен. На практике же с 1923 г. мы видим снова увеличение выпуска новых франков, франк падает с перерывами и в 1923 и в 1924 г., и на сцене снова появляется временно ослабивший свое действие факт увеличения быстроты оборота денег. Любопытно, что если мы для 1924 г. предположим размер денежного товарооборота в 100% от довоенного, что будет цифрой не только не чрезмерной, но несомненно ниже реальной ввиду хорошего состояния французской экономики и присоединении Эльзас-Лотарингии [1], то этот товарооборот и все прочие функции должны были бы требовать минимума золотого обращения на 14,9 млрд. золотых франков, исходя из индекса золотых цен Франции, и около 18 млрд., исходя из среднего золотого индекса Франции, Англии, Америки (я не беру теперь прямо эту последнюю цифру, так как индекс золотых цен во Франции уже слишком резко оторвался от мирового). Между тем реальный золотой минимум обращения в 1924 г. был равен лишь 10,7 млрд. Сокращение связано с тем, что фактор быстроты оборота денег снова начал действовать все более и более ощутительно.

Вот краткий протокол научного анализа явлений французской валюты за 12 лет войны и послевоенный период до стабилизации франка.

В 1925 г. продолжает развертываться процесс дальнейшего падения франка и по курсу доллара и в товарном индексе.

Причины этого процесса: 1) увеличение эмиссии с 40,6 млрд. до 49,9, т. е. почти на 25%, 2) увеличение быстроты оборота денег. Товарооборот можно принять равным предыдущему 1924 г. По промышленности было даже снижение на 1%. Урожай хлебов был средний.

Движение накопления также показывает стабильность, а также и в золотых ценах не было заметных изменений. Все соотношение величин очень благоприятно, чтобы уловить влияние быстроты оборота денег. Если бы на понижение валюты влияла только эмиссия, курс франка должен бы понизиться обратно пропорционально росту обращения. Фактически франк пал на более значительную величину, т. е. превышение процента падения над процентом прироста обращения характеризует увеличение быстроты оборота денег. Мы видим, что это увеличение является еще довольно скромным в сравнении с германскими данными за 1922 и в особенности за 1923 г.

Наиболее интересным является для всего процесса переломный 1926 г., особенно конец лета.

Для характеристики 1926 г. приведем размеры обращения, средний месячный курс франка и доллара и индекс оптовых цен по месяцам.

---

[1] Как видно из нашей таблицы размеры производства промышленности в 1924 г. были равны 109% от довоенного.

Месяцы	Обращение (на конец месяца)	Уровень падения курса франка (паритет = 100)	Курс доллара во франках паритет 1 д. = 5,18 фр.)	Индекс оптовых цен
Январь	50,6	512	26,5	634
Февраль	50,9	526	27,2	636
Март	51,4	540	27,9	632
Апрель	52,2	571	29,5	650
Май	52,7	616	31,9	688
Июнь	52	659	34,1	738
Июль	56	790	40,9 [1]	836
Август	55,1	683	35,4	770
Сентябрь	55	676	35	787
Октябрь	54,5	659	34,1	752
Ноябрь	53,2	561	29,1	684
Декабрь	52,2	488	25,3	677

Этот год дает увеличение обращения с 44 млрд. до 52,4 млрд. В то же время золотые цены падают до 119. Размеры накопления увеличиваются по номиналу с 13,7 млрд. до 15,9 млрд., но по золотой стоимости падают с 3,3 млрд. до 2,6 млрд., как видно из нашей таблицы. Быстрота оборота денег продолжает возрастать вплоть до осени, т. е. до начала перелома к стабилизации. Все эти причины достаточно объясняют весь процесс падения валюты, который особенно обострился в июле этого года, когда банки, враждебные кабинету Эррио, сознательно вели курс на снижение валюты. В итоге франк падал в июле до 40,95 фр. за доллар, т. е. почти в 8 раз, и соответственно золотой минимум обращения сжимался до небывало малой величины в 7,2 млрд. в золотом исчислении. Такой огромный скат валюты вниз не находился ни в какой связи с размерами роста номинала обращения, потому что этот рост, как мы видели, был не так велик, поднявшись в июле до 50 млрд. Основная причина заключалась в очень резком ускорении темпа обращения денег и уменьшения золотых цен. Но вообще говоря, в общей хозяйственной обстановке Франции не было непреодолимых причин для падения валюты. Производство росло, рос товарооборот, бюджетный дефицит мог быть покрыт займами и повышением налогов. Вся обстановка в экономике страны настойчиво требовала стабилизации валюты. Стабилизация произошла уже в конце 1926 г. Здесь не было никакого чуда. Мы уже видели выше, что французскую валюту вообще можно было не допустить до падения, если бы во-время была предпринята дефляция в уровень с падением золотых цен. Была другая причина, почему это было неосуществимо: огромная внут-

[1] Максимальное падение было в июле и достигало 49,2 франков за доллар.

ренняя задолженность государства. Если бы не падение валюты в 5 раз, на каковом уровне валюта была стабилизована законом от 1928 г., правительство имело бы внутренний долг не в размере 277,8 млрд.[1] бумажных франков, деленных на коэфициент падения, а гораздо большую сумму, с процентированием которой бюджет не был бы в состоянии справиться.

После стабилизации все процессы в денежном обращении Франции начинают свое движение по обратной линии, как это было уже обрисовано в теоретической части нашей работы, посвященной исследованию условий стабилизации бумажных денег. Золотая стоимость обращения быстро поднимается и в 1927 г. уже равняется около 11,5 млрд., а в 1928 г.—12,6 млрд., что достигается сначала поднятием курса, а затем увеличением массы обращения, при твердом курсе денежной единицы. Номинал вкладов растет с 15,9 млрд. до 21,2 млрд., золотая стоимость накопления с 2,6 млрд. до 4,3 млрд. Реальная стоимость налоговых поступлений также сильно увеличивается. Расширение обращения является важным источником кредитования и Французского банка и правительства за счет обращения. В 1928 г. стоимость обращения продолжает расти, достигая по золотому номиналу довоенных размеров, а по покупательной способности золота становясь несколько ниже довоенной, как и в Германии. Быстрота оборота денег приближается к нормальным условиям твердой валюты.

Наш анализ дает ответ на все основные вопросы, возникающие при ознакомлении с судьбой франка со времени войны. Экономя время, мы не можем останавливаться на частностях. Что же касается анализа движения курса по месяцам или кварталам, то такое исследование не входило в нашу задачу, поскольку основные линии движения валюты и причины изменений в валютной конъюнктуре вполне отчетливо видны и при анализе только годовых средних.

---

[1] См. об этом мою работу «Экономика и финансы современной Франции», Москва, 1926 г., изд. Комакадемии, стр. 81—95.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение я хотел бы сказать несколько слов о социально-экономических предпосылках падающих валют. Мы уже видели, что политика бумажноденежных эмиссий означает ограбление всех деньгодержателей, следовательно в развитом товарном хозяйстве в известной мере всего населения. Мы видели, что наиболее страдающей стороной являются те слои населения, которые наиболее беспомощны в деле самообороны и уклонения от эмиссионного налога. Таковыми являются рабочие, служащие, особенно служащие государственных учреждений, мелкие держатели государственных займов и рент и владельцы мелких сбережений вообще, крестьянство. Это значит, что все трудящееся население и все мелкие собственники, т. е. подавляющее большинство населения каждой страны являются страдающей стороной падающей валюты, а следовательно противниками политики инфляции. Но и среди имущих классов слои, заинтересованные в инфляции, не особенно широки: это землевладельцы, страдающие от задолженности, экспортные индустрии и группы наиболее ловких биржевых и валютных спекулянтов. Мы видели, что при падающей валюте перераспределение народного дохода идет по другим, часто противоположным направлениям, в сравнении с нормальными условиями: одни «незаслуженно» выигрывают, другие «незаслуженно» теряют. С другой стороны, отсутствие средства обращения с устойчивой ценностью и необходимость просвечивать реальные ценностные отношения товарного мира через трудно проницаемые горы бумаги приводит к дезорганизации правильных калькуляционных расчетов, к проеданию основного капитала предприятий и к параличу кредитной системы. Следовательно и капиталистический класс, взятый как целое, также как будто не заинтересован в инфляции и имеет все основания избегать ее, либо приостановить ее в самом начале, если уже она имеет место. Нечего говорить, наконец, о том, что простое товарное, а тем более структурно гораздо более сложное капиталистическое производство в период инфляции оказывается дезорганизовано в самых существенных частях своего механизма, что стихийный регулятор этого производства—закон ценности—в состоянии проявляться при инфляции лишь в извращенном виде, т. е. денежная система, основанная на твердом мериле ценности, одновременно служащем и для выполнения других функций денег, денежная система, составляющая важнейшую часть всей системы стоимостного регулирования хозяйства, оказывается в состоянии расстройства и временами близка к параличу.

Все это с большей или меньшей отчетливостью сознает большинство буржуазных экономистов, все это прекрасно знают на опыте практики денежного обращения. Спрашивается, почему же

тогда инфляция и в капиталистических странах имела место на протяжении довольно длительных периодов и почему капиталистическое производство было вынуждено с ней мириться?

Если не говорить об отдельных ошибках в валютной политике и о безграмотном регулировании денежного обращения некоторых правительств, основная причина заключается в том, что периоды глубокой инфляции совпадали с периодами, когда буржуазно-помещичьи государства были вынуждены производить быстрое и радикальное перераспределение народного дохода в сторону резкого сокращения общественного потребления. В большинстве инфляционные периоды связаны с условиями войны, т. е. с периодами колоссальных экстраординарных расходов государства и резкого сокращения общественного потребления. Эти расходы при тех же или сниженных (как в период войны) размерах производства могут быть покрыты из трех источников: увеличением налогов, т. е. путем непосредственного сокращения потребления, расходованием будущих доходов, т. е. путем долгосрочных займов и наконец путем эмиссионного налога. Когда первых двух методов недостаточно для достижения цели, необходимость заставляет прибегнуть к третьему методу, к эмиссии, которая представляет собой иррациональный и стихийный метод сокращения общественного потребления и растраты основных фондов страны.

Какое правительство и какой капиталистический класс смогли бы на протяжении года-двух снизить реальную заработную плату рабочих и служащих вдвое открытым путем?

Инфляция достигает этой цели, создавая иллюзию увеличения зарплаты и никогда не давая времени учесть последствие для рабочего бюджета непрерывного роста цен. Насильственное снижение уровня потребления при инфляции воспринимается скорее как цепь индивидуальных хозяйственных неудач при закупке продуктов, опоздание с закупками по старым ценам как упущение момента для образования запасов и т. д.

Какое правительство могло бы заставить скупых и бережливых, дрожащих над каждой копейкой мелких производителей и владельцев мелких сбережений пожертвовать государству четыре пятых всех своих сбережений, как это было во Франции, либо все свои денежные сбережения, как это было в Германии?

Никакое правительство это не может сделать, а инфляция может. Она съедает незаметно и без спроса денежные сбережения вкладчика, «списывает» государственные долги, на которые подписывались миллионы лиц из трудящихся классов, воображая, что делают сбережения «pour vieux jours» (на старость).

Наконец, каким путем вообще можно для затыкания дыры в бюджете сегодняшнего дня пустить в расход часть основных фондов страны, прежде всего основного капитала промышленного транспорта, жилищного фонда и т. д.?

Заграничные ценные бумаги можно продать, как это сделала, например, в начале войны Франция с ценными бумагами Соед. штатов Америки, но как сделать ликвидацию основного капитала

страны, который имеет для этого столь неподходящую материальную форму? И эту проблему решает инфляция и в этом ее важная экономическая роль, совершенно неоцененная еще экономической наукой.

Что это значит, что амортизационные отчисления или почти не делаются или делаются совсем недостаточные, а какие делаются—идут на пополнение все расширяющейся дыры в оборотном капитале? Это значит, что при падающей валюте достигается то, что и нужно достигнуть: производится ликвидация—без восстановления—части основного капитала. С точки зрения народного хозяйства в целом это означает, что два-три миллиона рабочих рук, которые работали над ежегодным восстановлением основного капитала, промышленности и транспорта, жилищного фонда и т. д., теперь либо не работают, будучи взяты на фронт, либо работают «на оборону», т. е. на непроизводительное потребление в то время как в готовый продукт стоимость амортизируемого основного капитала продолжает входить все время: этот основной капитал расстреливается в форме снарядов, потребляется вместе с потреблением мануфактуры, предметов питания и т. д.

Таким образом сокращение общественного потребления, ликвидация денежных сбережений и части основного капитала страны методами инфляции имеет для капиталистического общества то огромное и совершенно незаменимое преимущество, что все это достигается в рассрочку, незаметно и стихийным путем, т. е. тем путем, каким совершаются в этом обществе все основные хозяйственные процессы. В этом разгадка того, что этот метод покрытия общественных расходов, дезорганизующий всю хозяйственную жизнь товарного хозяйства, неуклонно пускается в ход, как только расходы страны начинают превышать уровень доходов, которые можно получить прямым путем, т. е. путем налогов и уменьшения национального имущества страны. Теоретическое изучение падающей валюты интересно не только для экономиста, но и для социолога. Оно интересно тем, что показывает, каким образом капиталистическое общество разрешает проблемы неразрешимые для него организационно-хозяйственным путем. Бюджет и регулирование денежного обращения есть та область, где и буржуазное общество вынуждено иметь свой план и опираться на элементы хозяйственного предвидения. Но когда бюджетные расходы далеко превосходят то, что буржуазное государство в состоянии взять, опираясь на свой авторитет, полномочия и организационную мощь, оно спускает с цепи стихийно действующую машину инфляции и этим путем достигает недостаточного.

Инфляция, этот иррациональный метод сокращения общественного потребления и растраты основных фондов, потому и не отвергается капитализмом, что он обходит частную собственность с тыла. Он неизбежен как ultima ratio для общества, производительная сила которого и уровень общественного богатства далеко превышают его возможности организации и сознательного воздействия на хозяйственную жизнь.

2 р. 50 к.